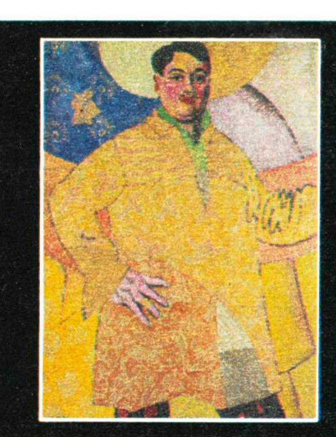
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 40 ОКТЯБРЬ 1987

ЖИВОПИСЬ АРИСТАРХА ЛЕНТУЛОВА

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН: ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

СУДЬБА ЛЕДОВЫХ «ЗВЕЗД»

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ ОСТАНЕТСЯ ВЕЧНО НА ЗЕМЛЕ...»

К.Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (3141)

3—10 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
Л. Н. ГУЩИН (первый заместитель главного редактора),
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь),
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Светлана Савицкая во время выхода в открытое космическое пространство 25 июля 1984 года.

Фото летчика-космонавта СССР Владимира Джанибекова

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 11.09.87. Подписано к печати 29.09.87. А 00443. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2691. Заказ № 1192.

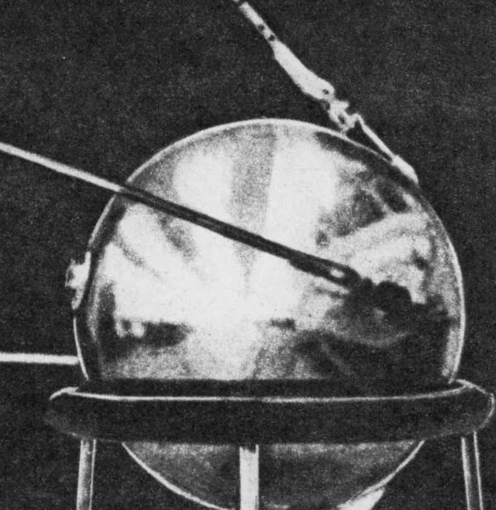
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

1917 • 1987

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД СКУПЫЕ СТРОКИ СООБЩЕНИЯ ТАСС ИЗВЕСТИЛИ ПЛАНЕТУ О ЗАПУСКЕ В СССР ПЕРВОГО В МИРЕ ИСКУССТВЕННОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ.

ЗАРЯ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

ЕЩЕ ДО СВОЕГО СТАРТА СПУТНИК УЖЕ БУДОРАЖИЛ МИР, ВЫЗЫВАЛ СМЯТЕНИЕ УМОВ И БУРНЫЕ ДИСКУССИИ.
ВОТ ОДИН ЛИШЬ ЧАСТНЫЙ ПРИМЕР: В ИЮНЕ 1957 ГОДА, ТО ЕСТЬ ЗА НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ ДО ЗАПУСКА СПУТНИКА, «ОГОНЕК» НАПЕЧАТАЛ МОИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ «ШТУРМ КОСМОСА» И «СПУТНИК ЗЕМЛИ» — ЭТО БЫЛИ ЕДВА ЛИ НЕ САМЫЕ ПЕРВЫЕ ОБШИРНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В НАШЕЙ ПЕЧАТИ НА РЕАЛЬНУЮ «ЗВЕЗДНУЮ ТЕМУ». СЧИТАЯ ПОДОБНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ «ОГОНЬКА» ВСЕГО ЛИШЬ «ПРОПАГАНДИСТСКИМ ТРЮКОМ» МОСКВЫ, СОВЕТОЛОГИ НА ЗАПАДЕ ПРИНЯЛИСЬ ДОКАЗЫВАТЬ: СОЗДАНИЕ СПУТНИКА И ЗАПУСК ЕГО ПОД СИЛУ ЛИШЬ АМЕРИКЕ, А «ПО ПРОГРАММЕ «АВАНГАРД» В США УЖЕ ГОТОВИТСЯ ИСКУССТВЕННАЯ ЛУНА И ВСКОРЕ ОНА БУДЕТ ЗАПУЩЕНА В КОСМОС». НО АМЕРИКАНЦЫ ПРОСЧИТАЛИСЬ...

РУССКОЕ СЛОВО СПУТНИК В ОДИН МИГ ВОШЛО В ЛЕКСИКОН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ОБОЗНАЧИВ НАЧАЛО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ.

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОСМОНАВТИКИ, ПЕРВЫХ ШАГАХ СОВЕТСКОГО РАКЕТОСТРОЕНИЯ РАССКАЗЫВАЮТ ЖУРНАЛИСТ ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ И ДОЧЬ УЧЕНОГО И ИЗОБРЕТАТЕЛЯ, ОДНОГО ИЗ ПИОНЕРОВ РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ Ф. А. ЦАНДЕРА — АСТРА ЦАНДЕР.

Евгений РЯБЧИКОВ

К. Э. Циолковский и М. К. Тихонравов.

НАЧАЛО

В «домике Королева» на космодроме висел портрет К. Э. Циолковского. 4 октября 1957 года, перед запуском спутника, Главный конструктор долго стоял перед портретом, словно советуясь...

Без С. П. Королева, мужественно и смело перенявшего традиции, опыт и знания от К. Э. Циолковского и предыдущих поколений ракетчиков, не был бы так быстро создан и запущен первый в мире спутник.

Но непосредственным конструктором спутника был Михаил Клавдиевич Тихонравов, скромный, милый, даже стеснительный человек. Он рассказал мне о себе:

— Отец мой из Суздаля, мать из Владимира, я коренной российский, родился в 1900 году во Владимире. Семья переехала из Владимира в Петроград, где я пошел в гимназию. Родители мои не имели отношения к технике — отец был юристом, мать окончила Высшие женские курсы, но случилось так, что я очень заинтересовался машинами. Когда в 1909 году проходила неделя авиации на петербургском ипподроме и я увидел самолет, то потерял покой и сон. Увлекся чтением книг об авиации, прочитал одну за другой книги К. Э. Циолковского — они захватили мое внимание, и я «заболел небом».

В 1918 году большая семья Тихонравовых переехала в Переславль-Залесский: прокормить в Питере семью с пятью детьми было трудно. Отец стал работать народным судьей, мать преподавательницей в средней школе. А Михаил с головой ушел в массовую революционную работу. Михаил Клавдиевич подарил мне с дарственной надписью изданную в Ярославле книгу «Красная Гвоздика», в которой описывается, как проходила организация первой в Переславль-Залесском комсомольской ячейки. Первое ее собрание состоялось в раздевалке бывшей женской гимназии при слабом свете керосиновой лампы. Михаил Тихонравов выступил с докладом об организации школ политического просвещения. Ходил он по курным избам, агитируя за новую жизнь. На первом уездном съезде переславских комсомольцев Михаил Тихонравов выступил с докладом «О военном положении», а в июне 1919 года сам добровольно вступил в ряды Красной Армии.

Из армии — в Академию ВВС РККА имени Н. Е. Жуковского. Увлекся строительством планеров. Его безмоторные летательные аппараты «Скиф», «Гамаюн», «Жар-птица», «Комсомольская правда» привлекли к себе внимание не только парителей, но и авиационных конструкторов. В Крыму, на склонах выгоревших на солнце гор, молодой конструктор познакомился с Сергеем Королевым. Оба они ушли от планеров и аэропланов к ракетам благодаря К. Э. Циолковскому.

— Я создал проект ракеты с двигателем,— рассказывал мне М. К. Тихонравов,— и так осмелел, что решил его запатентовать. Патент мне дали. После этого я уже не представлял себе будущее без ракетостроения. Встретив Королева на авиационном заводе, где мы с ним вместе работали, сказал:

— Имейте в виду, я очень хочу работать с вами.

— Отлично! — обрадовался он.

Так я вошел в инициативную группу, послужившую основой ГИРДа.

Помню, как Сергей Королев пригласил нас к себе, в дом родителей на Александровской улице, невдалеке от Марьиной рощи. Нас было четверо, а комнатушка у Сергея Королева — маленькая. Основной смысл нашей встречи сводился к тому, чтобы определить конкретно все необходимое для создания, если так можно сказать, «научного производственного центра ракетостроения».

Вскоре молодые конструкторы во главе с Ф. А. Цандером нашли помещение для ГИРДа — подвал в старом доме № 19 на Садово-Спасской улице Москвы. Заревели реактивные двигатели, запахло гарью и кислотой, жильцы побежали с жалобами в милицию. Здесь, в подвале, руководя одной из четырех бригад, М. К. Тихонравов сконструировал и построил ракету 09. После долгих испытаний, почти отчаявшись в успехе, «гирдовцы» под руководством С. П. Королева 17 августа 1933 года запустили ее в небо.

В Москве работал ГИРД, в Ленинграде — ГДЛ — Газодинамическая лаборатория, в которой молодой, талантливый ученый и конструктор Валентин Петрович Глушко создал первые ракетные двигатели, в том числе и первый в мире электрический. Жидкостные ракетные двигатели не имели себе равных по тяге, удельному импульсу и ресурсу.

В. П. Глушко — руководитель ГДЛ — ОКБ.

„Гирдовцы". Крайний справа в нижнем ряду — Ф. А. Цандер, в центре — С. П. Королев. 1931—1932 годы.

Вполне естественно возникло желание объединить ракетчиков Москвы и Ленинграда, не допускать распыления их сил и средств. Мысль о создании единого ракетного института поддержал Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, так много сделавший для перевооружения Красной Армии: отказ от тачанок, кавалерии, пик, сабель, старых винтовок и переход ее к новым видам вооружений — к танкам, мощным бомбардировщикам и истребителям, радио, подводным лодкам, радиолокаторам, парашютным десантам и броневикам. С его помощью была создана ГДЛ, отдан Иоанновский равелин Петропавловской крепости для мастерских и испытательных стендов ГДЛ. М. Н. Тухачевский наблюдал за ходом испытаний ракетных двигателей на полигоне под Ленинградом и спускался в подвал ГИРДа в Москве для ознакомления с работами московских ракетчиков, поддерживал тесные контакты с Глушко, Королевым, Цандером, Тихонравовым, Победоносцевым. Он добился того, что 31 октября 1933 года Совет Труда и Обороны принял постановление о развитии РНИИ — первого в мире научно-исследовательского института, занимающегося исключительно ракетной техникой. Тогда советские ракетчики шли впереди всего мира. И вдруг... В зловещую пору культа личности РНИИ подвергся жестокой и бессмысленной реорганизации, упразднили отдел крылатых ракет, которым руководил С. П. Королев, а его лишили свободы. Погибли как «враги народа» начальник РНИИ И. Т. Клейменов и его заместитель Г. Э. Лангемак. Начался разгром только вставшей на ноги ракетной техники.

Отрезвление пришло после создания ФАУ-1 и ФАУ-2, проявивших свою убийственную силу во время жестоких обстрелов фашистами Англии. Боевые успехи советских «катюш», созданных еще в РНИИ, заставили вновь повернуть к ракетостроению.

СПУТНИК

В 1945 году Михаил Клавдиевич Тихонравов организовал группу специалистов для разработки проекта пилотируемого высотного ракетного летательного аппарата с герметической кабиной для двух космонавтов. В инициативную группу энтузиастов М. К. Тихонравова вошли: Н. Г. Чернышев, В. А. Штокалов, В. Н. Галковский, Г. М. Москаленко, А. Ф. Крутов и другие. Они-то и разработали проект высотной ракеты ВР-190, способной, по их расчетам, осуществить подъем на высоту 200 километров с двумя пилотами на борту — в герметической кабине. В Наркомате авиационной промышленности заинтересовались проектом, признали его чрезвычайно ценным, одобрили, но... не осуществили.

Я попросил Михаила Клавдиевича рассказать, как развивались события дальше. Он тяжело вздохнул: «Пришлось отложить на время мысли о строительстве космического корабля с космонавтами на борту и перейти к проекту создания спутника. Начались расчеты вывода спутника на околоземную орбиту, чтобы затем, изучив космическое пространство, запустить и корабль с человеком на борту. Время было такое, что сама идея создания спутника вызывала у иных ученых улыбки и откровенное непризнание «фантастической чепухи».

— Смешно говорить, но я занимался расчетами, чертил дома, на кухне, — горько улыбнувшись, заметил М. К. Тихонравов. — Чертежи спутника хранил под столом. Что ж... Сергей Павлович любил напоминать: Андрей Николаевич Туполев строил свои первые самолеты в бывшем трактире «Раек» и проводил сборку под навесом конюшни. Не место красит человека, а человек место, не так ли?

В одном из научно-исследовательских институтов М. К. Тихонравов организовал, как шутили друзья, «подпольную» группу молодых талантливых теоретиков и с ними приступил к теоретическим исследованиям перспективных проблем ракетно-космической техники. Удалось М. К. Тихонравову создать даже группу энтузиастов, решивших специально заняться теоретическими вопросами создания и эксплуатации искусственного спутника Земли. Среди них были И. М. Яцунский, Г. Ю. Максимов, Л. Н. Солдатова, А. А. Быков, Я. И. Колтунов, И. К. Бажинов, О. В. Гурко и другие молодые одаренные научные сотрудники. Когда сформировался один из новых научно-исследовательских институтов ракетного профиля, в него официально вошла эта группа энтузиастов. Вот была радость! Наконец-то нашли пристанище, можно работать. Но не тут-то было—выяснилось: план института уже утвержден в инстанциях и энтузиастам с их проектом спутника делать было нечего.

В июне 1948 года Тихонравов обратился к академику А. А. Благонравову с предложением заслушать на научной сессии института его доклад. Благонравов знал ракетную технику, внимательно и с одобрением выслушал Михаила Клавдиевича, но с огорчением сказал ему: «Вопрос интересный, но включать доклад мы не сможем, потому что нас не поймут. Обвинят, что занимаемся не тем, чем нужно». Все-таки Благонравов решил рискнуть — включить доклад в план сессии. «Готовьтесь — краснеть будем вместе», — сказал он.

Но покраснеть им пришлось от негодования, когда на сессии послышались пренебрежительные оценки: что-де это «фантастическая литература», «трата времени». К счастью, в работе сессии приняли участие Королев и Глушко — они-то и поддержали Тихонравова, порекомендовали включить его труды в план работы института. На расширенном заседании ученого совета института Тихонравов повторил свой доклад и выдержал куда более серьезный шквал иронических замечаний, протестов, критических выступлений. Королев не только отразил тогда волну необоснованной критики, но и настоял на том, чтобы тихонравовский доклад был включен в повестку дня годичного собрания Военной артиллерийской академии наук. Его энергично поддержал академик Благонравов. В том же 1948 году Тихонравов выступил на собрании Военной артиллерийской академии с докладом «О возможности при современном уровне техники получения первой космической скорости с помощью многоступенчатых ракет и создания искусственного спутника Земли». Зал слушал внимательно и напряженно. Здесь уже не было ехидных реплик, уничтожающих замечаний и презрительных взглядов.

«КОНИ ПОДАНЫ! ГДЕ ЭКИПАЖ?»

Шли годы. Ученые работали. В 1953 году Тихонравов со своей группой перешел в ОКБ С. П. Королева. А в мае 1954 года Сергей Павлович, действовавший всегда решительно и смело, обратился со специальным письмом в Совет Министров СССР — поставил вопрос о начале практических работ по созданию искусственных спутников Земли. К своему письму Сергей Павлович приложил докладную записку «Об искусственном спутнике Земли» М. К. Тихонравова.

30 января 1956 года было принято решение о создании искусственного спутника Земли. Срок его пробного запуска назначался на 1957 год.

Космическая эра началась под грохот бетономешалок и бульдозеров на строительстве космодрома в Кзыл-Ордынской области Казахской ССР. Строились Центр управления полетом, станции слежения, ракета-носитель.

В августе 1957 года баллистическая ракета Р-7 была запущена, и тогда Королев, с улыбкой обратившись к Тихонравову, сказал:

— Кони поданы! Где экипаж?

В ту пору я подготовил для «Огонька» научно-популярные очерки о

ЧЕЛОВЕК, ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

Ф. А. Цандер. 1913 год.

Мои воспоминания об отце связаны с ранним детством: он умер, когда мне было 8 лет и я училась в первом классе.

Отец запомнился мне как очень добрый, возвышенный человек. Я словно и сейчас слышу, как он произносит свою знаменитую, характерную для него фразу: «На Марс, на Марс!» В тихих словах было столько воодушевления! Помнится, как он говорил о науке: «Наука — это нечто большое... Она может сделать человечество счастливым». И еще не могут забыться отцовские уроки доброты, которым он, кажется, всю жизнь следовал сам: «Люди не злые, люди в глубине своей от природы добрые, нам так трудно потому, что они нас не понимают, но люди нас поймут».

А непонимание было действительно огромное. Помнится, как в вестибюле нашего подъезда стояли женщины, одна из них показывала пальцем на моего отца, подходившего к дому: «Смотрите, смотрите, вон идет сумасшедший, межпланетными путешествиями занимается! Вот, вот он, смотрите, смотрите...» Увы, если бы так судачили только в подъезде!

Диапазон деятельности Цандера был чрезвычайно широк — от исследований по механике межпланетного полета до изысканий по конструкциям ракет и двигателей для них, от лекций для студентов и докладов до публичных пропагандистских выступлений с демонстрацией изготовленных им же диапозитивов — в Москве, Ленинграде, Рязани, Саратове, Харькове, Туле...

Ряд трудов Фридриха Артуровича по механике межпланетного полета

спутнике и прежде всего обратился за консультацией к М. К. Тихонравову. Михаил Клавдиевич, странно поглядывая на меня, разложил перед собой рукопись. Первое, что он сделал,— вычеркнул свою фамилию, подумав, убрал все фамилии. Я стал возражать. М. К. Тихонравов рассердился и твердо заявил: «Так надо!» Потом, сощурившись, спросил меня: «А почему это вам нужно рассказывать о спутнике, вот другие журналисты и думать о нем не думают?» — «Ну, знаете! — вскипел я.— Наше дело пропагандировать достижения советской науки и техники. Вот я, участник первой советской Антарктической экспедиции, еще там, за Ледовым поясом Антарктиды, наслушался о работах над спутником. Ведь он должен быть запущен по программе Международного Геофизического Года. Значит, это не государственная тайна? Что же вас беспокоит?»

— Вы были в Антарктиде? — недоверчиво спросил М. К. Тихонравов.

— «Огонек» выпустил целый номер с моими материалами и фотографиями о штурме Антарктиды,— рассерженно ответил я.— Рассказав о героическом штурме страны льдов и морозов, я хочу поведать и о штурме космоса.

— Логично,— сказал Тихонравов.— Я — за. Обязательно покажите Сергею Павловичу — он всегда все лучше всех знает. Если он разрешит, быть посему.— Опять загадочно посмотрев на меня, он добавил: — Найти очень трудно Сергея Павловича, но я вам помогу, запомните номер его прямого телефона, но никому не давайте и ему не говорите, кто дал вам «прямой провод».

Главный конструктор ракетно-космических систем С. П. Королев и Главный теоретик М. В. Келдыш.

На следующий день я был у Сергея Павловича. Он спросил: «Кто уже читал?— Разложил страницы рукописи. — Обязательно покажите Евгению Константиновичу Федорову — он от Академии наук курирует, специально уполномочен иметь контакты с прессой».

С. П. Королев и Е. К. Федоров сделали все для того, чтобы очерки о спутнике Земли, прервав все существовавшие тогда преграды, увидели свет на страницах «Огонька» и как бы предварили повествования об историческом старте, о заре космической эры.

...Спутник доставили на космодром — в огромный монтажный корпус, в котором выделили для него специальный зал с белыми шелковыми шторами на окнах и бордовыми плюшевыми занавесями на дверях. Слесари-сборщики торжественно ходили в белых халатах и прикасались к деталям белыми нитяными перчатками. А сами детали укладывали на подставки, обтянутые черным бархатом. Около «своего» спутника безотлучно находился Тихонравов.

Как ни велика была напряженность в работе на космодроме, Королев и Глушко улетели в Москву — много было неотложных дел и важно было выступить им с докладами на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения К. Э. Циолковского. Свое время они рассчитали так, что до торжественного заседания оба уехали из Москвы в Калугу—с рапортом своему учителю о том, что его мечта и планы воплощены в спутник и он готов к старту.

Молча вошли они в домик над Окой, тихо поднялись по узкой крутой лестнице в кабинет «калужского мудреца». Отсюда, из светелки, протянулись невидимые нити к космодрому, к командно-измерительному комплексу, к комнате, в которой возлежал на постаменте сияющий спутник.

А потом — Москва, Колонный зал, и оба — С. П. Королев и В. П. Глушко — выступили с основными докладами о жизни и творчестве основоположника теоретической космонавтики. Слушая Глушко, я обратил внимание на его слова: «В 1926 году Циолковский писал: «Первый великий шаг человечества состоит в том, чтобы вылететь за атмосферу и сделаться спутником Земли». Мы находимся накануне этого шага».

Еще откровеннее было заявление Королева:

«В ближайшее время с научными целями в СССР и США будут произведены первые пробные пуски искусственных спутников Земли».

Но почему зал не взорвался восторгами, аплодисментами, радостным шумом? Ах, да! Заявление ученых зал воспринял как смелый экскурс в будущее, но никак не утверждение реальности сегодняшнего дня. Сергей Павлович чуть улыбнулся, едва заметно пожал плечами.

И пришла та ночь, когда распахнулись огромные ворота гигантского корпуса и из звездной степной ночи в корпус вошел самый обычный мотовоз. Он поставил под мостовым краном специально оборудованную платформу, на которую со всеми предосторожностями опустили ракету-носитель «Спутник» с пристыкованной к ней искусственной Луной.

Мотовоз осторожно тронулся. Ученые, конструкторы, монтажники обнажили головы и пошли, придерживаясь руками за мотовоз и платформу, по шпалам.

Ракета вознеслась над стартом. И вдруг появился горнист: Королев позаботился о нем. Горнист вскинул вверх свой сверкающий горн. В разрезанную прожекторами тьму степной ночи полились призывные звуки.

Через мгновения своим «бип-бип-бип» спутник ответил горнисту, оповестив мир — человечество вступило в космическую эру.

не имели аналогов при его жизни, ими он намного опередил свое время. К сожалению, они были слишком поздно изданы — лишь в 1961 году. Однако два фундаментальных предложения Цандера по механике межпланетного полета все же были опубликованы при его жизни, и эти публикации окончательно закрепили за ним соответствующий приоритет.

Первое из них — предложение о целесообразности использования в космическом пространстве силы давления света для ускорения космического аппарата — было опубликовано им в 1924 году в статье «Перелеты на другие планеты», помещенной в журнале «Техника и жизнь» № 13 за 1924 год. Соответствующая конструкция впоследствии получила название «Солнечный парус». Второе предложение — о частичном заимствовании космическим аппаратом энергии движения планет и их спутников при целенаправленном пролете вблизи их — было опубликовано в 1929 году. В рукописях же рисунки и формулы на эту тему я встречала среди записей отца, относящихся еще к 1919 году!

Сейчас такая космическая операция получила название гравитационного (или пертурбационного) маневра и находит широкое применение. В частности, космический аппарат «Вояджер-2» получил возможность лететь дальше Сатурна только благодаря заимствованию части энергии движения у Юпитера и Сатурна. Эта тема была подробно разработана Цандером, в 1924 году он даже показывал во время выступлений свои диапозитивы, иллюстрирующие идею и метод расчета.

Экспериментальными работами в области реактивной техники Фридриху Артуровичу довелось заниматься лишь в последние годы жизни, хотя он добивался этого, как показывают архивные материалы, еще начиная с 1919 года. В середине 1924 года по его идее и при его деятельном участии было создано первое в мире общество изучения межпланетных сообщений (позже подобные общества создавались и в других странах). Он предлагал начинать с постройки двигателей и одноступенчатых ракет, затем составных ракет и лишь после этого строить крылатые ракетные аппараты. Именно по такому пути и пошло развитие космонавтики...

Венцом деятельности Цандера было создание группы изучения реактивного движения (ГИРДа) в 1931—1932 годах. Структура ГИРДа, первым руководителем которого стал Цандер, а позже, с апреля 1932 года,—С. П. Королев, была необычной: имелось четыре бригады, причем первую возглавил Фридрих Артурович, четвертую — Сергей Павлович. Все основные направления работ в ГИРДе — по жидкостным ракетным двигателям и ракетам, воздушно-реактивным двигателям, крылатому летательному аппарату с использованием на нем жидкостного реактивного двигателя — еще ранее развивались Цандером, который вначале был единственным «гирдовцем», имевшим свои труды в области реактивной техники.

Научной основой для создания ГИРДа послужили работы Цандера над двигателями ОР-1 и ОР-2. В ГИРДе по проекту Цандера была построена и запущена его учениками в ноябре 1933 года (уже после того, как он скончался) первая советская ракета ГИРД-Х с чисто жидкостным ракетным двигателем — прототипом современных жидкостных ракет.

Фридрих Артурович умер в Кисловодске, куда он поехал на лечение, 28 марта 1933 года. Смерть наступила от сыпного тифа, которым он, видимо, заразился в дороге. Вскрытие показало ряд изменений во внутренних органах и в том числе обнаружило цирроз печени. Когда я сказала об этом одному журналисту, он при мне позвонил знакомому врачу, который ответил: если цирроз печени—значит человек злоупотреблял алкоголем... Но я-то знала, что мой отец не только не выпивал, но даже и не курил... Лишь позже я поняла ошибку врача, когда мне стало известно, в каких условиях отец экспериментировал с двигателем ОР-1. Он работал в старой немецкой церквушке, в которой помещался опытный отдел Института авиационных моторов. Здесь же, в кирхе, испытывались авиационные моторы, а в топливо для них добавлялись антидетонаторы — обычно вредные для здоровья вещества. Вот чего в буквальном смысле стоило — дышать атмосферой полета... Не многим лучше были и условия в ГИРДе: эта организация помещалась в темном сыром подвале жилого дома, а название ГИРД нередко расшифровывалось в шутку так: «Группа инженеров, работающих даром».

В некрологе на смерть Цандера, подписанном К. Э. Циолковским, С. П. Королевым и другими, говорилось о героическом энтузиазме Цандера, о создании им своей школы, о том, что его перу принадлежат единственные в мире расчеты... Вскоре после его смерти Центральный Совет Осоавиахима постановил назвать ГИРД именем Цандера как основоположника этой организации и руководителя головной бригады по реактивному двигателю.

Нужно сказать, что К. Э. Циолковский вообще очень ценил Цандера. В одном из своих материалов он заметил: «Цандер—вот золото и мозг». В письме к Цандеру от 22 сентября 1932 года К. Э. Циолковский писал: «Благодарю за присланный Вами Ваш ученый труд, за приветствие и плодотворные труды по астронавтике...»

В книге С. П. Королева «Ракетный полет в стратосфере» наряду с портретом К. Э. Циолковского был помещен портрет Цандера, и автор писал о нем: «Благодаря его работам за последние 10 лет были созданы прототипы первых советских ракетных двигателей. Ф. А. Цандер умер в 1933 году, но сумел создать дружный коллектив работников, своих учеников и последователей». Вскоре появился даже научно-фантастический роман А. Беляева «Прыжок в ничто», в котором прототипом главного героя был Фридрих Артурович, оказалась сохраненной даже фамилия.

В 1959 году по письменному ходатайству С. П. Королева — тогда уже Главного конструктора — был установлен памятник Цандеру на его могиле в Кисловодске. Перед открытием памятника С. П. Королев прислал следующую телеграмму на имя бывшего инженера ГИРДа Л. К. Корнеева, взявшего на себя все организационные работы (телеграмма публикуется впервые, оригинал ее хранится у дочери Л. К. Корнеева — М. Л. Корнеевой): «Сердечно благодарю за приглашение. Никак приехать не могу. Прошу передать привет семье Цандера. Всегда помню Фридриха Артуровича как своего учителя и наставника. Теплый привет от меня всем товарищам. Искренно Ваш Сергей Королев».

...Как много нашел бы сейчас отец сторонников своих идей о дружбе народов всех стран, о том, чтобы космонавтика служила только на благо человечества, вела бы его к «золотому веку»... И так хочется, чтобы эти мечты тоже сбылись!

Астра ЦАНДЕР

В ИСТОРИЮ — С ДЕЛИКАТНОСТЬЮ ●
ХОЧУ БЫТЬ ХОЗЯЙКОЙ ●
ЧЕРЕЗ ЗАДНЕЕ КРЫЛЬЦО ●
БЕСПАМЯТСТВО «ПАМЯТИ» ●

■

В № 31 прочитала письмо-размышление В. Градусова из Волгограда о труде уборщицы, о том, что справедливее называть ее хозяйкой, и совершенно с ним согласна. Тридцать лет я проработала ведущим специалистом на предприятии, с 1949 года член КПСС. Семь лет назад умерла моя дочь, остался ее сынок, и вот ради него я пошла работать в ту школу, где он учится, уборщицей. Какой же это адский труд, если делать его по совести. Я ухаживаю за корпусом, в котором размещаются шестилетки, отношусь к ним, как к родным внукам. Да, действительно, я там хозяйка. Со сменщицей работать не захотела: она числится в двух-трех местах, нигде толком не успевает, все делает тяп-ляп. Я так не могу. Работаю ежедневно; директор, учителя довольны мной.

Как же я сначала стыдилась, не самой работы,— ее названия. Но перешагнула через стыд, горе заставило. Некоторые с брезгливостью относятся к нашей профессии. В том, как она оплачивается, тоже ведь и пренебрежение и насмешка. Потому и приходится некоторым устраиваться в нескольких местах, по чужим паспортам. Надо изменить название должности и оплачивать ее иначе, так, чтобы не искать совместительства, тогда у нас появятся настоящие хозяйки, полностью отвечающие за чистоту и порядок.

М. М. ПЕХАНИК
Харьков

■

Тема неравномерного обеспечения населения продовольствием до недавнего времени в печати не поднималась. Теперь табу снято, приоткрылась завеса над одним из аспектов этой темы — географическим: центр, столица — и пригороды. Но даже в таком плане проблема гораздо шире. Если из Рязани еще можно раз в неделю съездить в Москву за продуктами, то, скажем, из Саратова это сделать практически невозможно.

Другой вопрос касается престижности профессий: работники торговли, общепита, сферы обслуживания удовлетворяют свои потребности иначе, чем все остальные, не имеющие доступа к дефициту, и позволяют себе относиться пренебрежительно, даже с презрением, к рабочим, служащим, людям науки; те, в свою очередь, не уважают «торгашей».

Но самая главная сторона — социальная. Ведь многие руководители района, области, города, их аппарат устраиваются, даже когда в республике мало мяса, масла, а с молоком и овощами вечные перебои. Это вряд ли прибавит им авторитет, доверие народа. Устраивать начальству, как это делается сейчас, отдельное, льготное обеспечение,— через заднее крыльцо,— стыдно и несправедливо.

В. Л. ВИЛИН,
инженер-строитель
Сочи

■

В последнее время в прессе появилось много публикаций, связанных с темой культа личности И. В. Сталина. Позвольте высказать свое мнение на сей счет. Обращаюсь именно к вам, поскольку в «Огоньке» особенно часто печатают такие материалы.

Для начала скажу, что я ни в коей мере не принадлежу к тем, кто хотел бы оправдать Сталина перед лицом истории. Культ — чей бы он ни был — всегда остается культом — явлением антидемократичным и сугубо отрицательным. Он представляет собой попытку искусственно, с помощью силы и обмана, прикрытых гуманными лозунгами, утвердить дутый авторитет человека, который недостоин уважения хотя бы потому, что благословляет возвеличивание собственной персоны. Надо говорить об ошибках прошлого (далекого и близкого), надо публиковать документы, воспоминания, художественные произведения, если они того заслуживают. Но при всем этом нельзя превращать тему в доходный промысел конъюнктурщиков. Наверняка найдутся и, видимо, уже находятся авторы, паразитирующие на гласности. А писать сейчас о Сталине — значит выглядеть смелым, абсолютно ничем не рискуя.

Некоторые журналисты, размышляя о минувшем, отталкиваются от романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Критики, увлекшись содержанием, прощают А. Рыбакову то, что его изобразительные средства скудны. Они почему-то забывают, что «в литературе отображение правды теснейшим образом связано с формой» (И.-Р. Бехер). Такой естественной неразделимой связью наделен фильм «Покаяние». Правдиво и прекрасно написаны напечатанные недавно произведения А. Платонова, прошедшие незаслуженно тихо. Д. Иванов в своей статье «Что позади?» (№ 32) утверждает, что книга Рыбакова и повесть Антонова «Васька» вызывают «переворот от вчерашних привычных воззрений и убеждений». Теперь словно забыли, что печатались материалы XXII съезда партии, воспоминания Эренбурга, «Колымские записи» Шелеста, «Повесть о пережитом» Дьякова и т. п. То, что именуют открытием, на самом деле есть продолжение открытого после значительного перерыва.

И еще один характерный момент. Д. Иванов пишет: «...Не было нужды „воевать" эти дворцы, не задумываясь о приносимых жертвах. А главное, и раз и два выехав на энтузиазме, оказалось соблазнительным, показалось более дешевым, входило в привычку строить, возводить, вершить ценой «миллионов».

Ныне все чаще изображают энтузиастов 30-х годов страдальцами и мучениками, обманутыми Сталиным. Совершенно неправильно, на мой взгляд, судить о том времени столь легковесно, держа в уме один культ личности. Все гораздо сложнее. Я понимаю, журналист говорит о тогдашних ошибках, но вольно или невольно он опрощает суть энтузиастского порыва. Бесспорно, построить Магнитку с помощью современной техники или возвести на Днепре плотину, имея передовую механизацию, было бы несравненно проще... Конечно, Иванов и все мы умнее наших предшественников, но они имели идеалы, которых не имеют многие из нас. Не только ради Сталина погибали они. И не только из-за Сталина. В историю нужно входить с деликатностью гостя и разумом хозяина.

Е. Л. ЗАХАРОВ,
34 года, слесарь
производственного объединения
«Брянский машиностроительный завод»

■

Невозможно пройти мимо откликов Я. Гамаюна (№ 32), и особенно С. Каракозова (№ 33), на публикацию о Ф. Ф. Раскольникове. Они характерны для тех (а их немало), кто хотел бы вторично после 1965 года, посмертно дискредитировать официально реабилитированного героя революции и гражданской войны.

Кто эти люди? Персональный пенсионер из Москвы, отставной подполковник из Батуми, наверное, неплохо информированы. Лучше, чем сельский учитель-пенсионер И. Ситко (№ 32), который убежден, «что репрессиям подвергались тысячи»... Не подозревая обо всех расстрелянных, погибших в лагерях.

Все же И. Ситко знает вполне достаточно, чтобы «переосмыслить свое отношение к Сталину, переломить себя». Кое-кому никак не дается такая «перестройка мышления». Тем, кто повязан со сталинщиной своим прошлым.

Не случайно такое озлобление вызывает у них Раскольников. Он открыто выступил с разоблачениями — это для сталинщины и ее наследников страшнее всего. Опровергать Раскольникова никто из них даже не пытается, это им не под силу. Остается порочить разоблачителя привычными приемами — как «прихвостня мирового капитала»...

Раскольников доказал всему миру, что в партии большевиков есть силы, противостоящие преступлениям. Отказываясь дать интервью буржуазным корреспондентам, он так и заявил: «Я был и остаюсь большевиком».

Федор Раскольников, конечно, знал, что рискует жизнью. И все же обратился к потомкам «через головы... правительств». Вот он, пример «великой непрестанной силы духовного сопротивления. Сопротивления злу...» — как пишет М. Берггольц в № 27.

Мой отец, Борис Шеболдаев,— член партии с 1914 года, замнаркома по военным и морским делам Бакинской коммуны, секретарь подпольного Дагестанского обкома, первый секретарь Северо-Кавказского (позднее Азово-Черноморского) крайкома, а в 1937-м — Курского обкома. Избирался в президиум XVI и XVII съездов партии. Его «взяли» через семь дней после того, как я родился. Правды об отце я не знал до 1956-го. Тогда меня пригласил к себе А. И. Микоян. Хорошо запомнил его слова: «Твой отец был очень храбрый человек. Спокойный, уравновешенный». В 1932-м отец возражал против чрезвычайных мер по борьбе с «кулацким саботажем» на Дону и Кубани. И позднее был в числе тех, кто вместе с Серго Орджоникидзе и С. М. Кировым сопротивлялся репрессиям.

Сегодня память о Раскольникове и многих погибших призывает продолжить начатую им работу. Это нужно прежде всего молодежи. Показательно признание наладчика Н. Мочалова из Горьковской области, который пишет о культе личности Сталина: «У многих моих сверстников на этот счет нет мнения, поскольку мысли, основанные на незнании или неполном знании, нельзя считать мнением» (№ 34).

Пора осознать, против кого были направлены репрессии 1935—1938 и последующих годов. Об этом говорят факты: в числе погибших все остававшиеся еще к тому времени в живых члены первого Советского правительства и обоих предоктябрьских составов ЦК партии, за исключением А. М. Коллонтай, М. К. Муранова и высланного за границу Л. Д. Троцкого. И, разумеется, И. В. Сталина. В числе погибших также 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранного на последнем перед массовыми репрессиями XVII партсъезде. К XVIII съезду процент делегатов с партстажем до 1920 года, то есть работавших с В. И. Лениным, упадет с 80 до 18.

Прав доктор юридических наук А. М. Яковлев («Огонек», № 33): подобные «конкретные факты» необходимо предать широкой гласности, чтобы лишить таких, как С. Каракозов и Я. Гамаюн, возможности «рекламировать былой страшный „порядок"» и отмести их претензии на исправление решений XX и XXII съездов партии. Решений, среди которых — принятое единогласно: удалить из Мавзолея тело Сталина «за злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия...»

На пороге нового тысячелетия мы обязаны, наконец, открыть глаза на величайшую трагедию нашего народа. И предъявить справедливый счет тем, кто к ней причастен.

Всем — и мертвым, и живым.

С. Б. ШЕБОЛДАЕВ,
член КПСС с 1968 года,
кандидат технических наук

■

Ваш журнал уделяет много внимания публикациям об эпохе культа личности и в то же время молчит о том, что было, к сожалению, в нашей истории совсем недавно, но мешает сейчас перестройке больше, чем влияния и последствия далеких лет. Или великое Зло и великое Добро видятся только издалека? Очищение от всего недоброго, что было вчера, не менее, а даже более необходимо, чем очищение от зла, которое было позавчера. Соучастники и свидетели вчерашнего зла еще живы и портреты их еще не потускнели в кладовках, куда их складывали после праздничных демонстраций.

С. С. ШУСТИКОВ
Иркутск

■

Поводом для написания этого письма явились приключения моего среднего сына, десятиклассника, которому мы разрешили в этом году совершить самостоятельную поездку на материк, к родственникам. В Охинском аэропорту ему не разрешили взять с собой в полет ни фотоаппарат «Зе-

нит», ни магнитофон «Весна», поскольку ни тот, ни другой не хотели влезать в его единственную поклажу типа «дипломат». Про мытарства совершенно беззащитного перед законом пятнадцатилетнего путешественника, думаю, писать не стоит. Но вот его сегодняшний ночной звонок из Хабаровска заставил взяться за авторучку. В Хабаровске ему не продали билет на самолет до Охи, так как в наших свидетельствах о рождении нет штампа о прописке, то есть вида на жительство. Вызов потенциальному пятнадцатилетнему шпиону мы, конечно, оформим, но как объяснить ему эту неуемную подозрительность? Думаю, пора кончать с таким положением, когда всем нам, жителям пограничных зон, включая и наших детей, постоянно приходится доказывать, что мы не агенты проимпериалистических разведок.

А. Г. ИГНАТЬЕВ
Оха, Сахалинская обл.

■

Прочла в № 28 выдержки из писем, касающихся общества «Память». Мне кажется, что у некоторых его членов настоящее беспамятство. Какое-то время эта болезнь была подспудной, но теперь, к сожалению, стала явной. Называется она шовинизм и часто сочетается с антисемитизмом. Мой отец, бывший земский врач, говорил, что в прежние времена интеллигентный человек не подал бы руки при встрече тому, кто презирает «инородцев». Мне дорога память прошлого и памятники истории, культура, светлые и тяжелые страницы жизни нашего народа. Но когда заботой о памяти прикрывают оголтелый шовинизм и называют его патриотизмом, я всей душой против.

Наша культура вобрала в себя много истоков, прежде чем превратилась в могучий поток. Кто по национальности Растрелли? Чьи потомки Лермонтов, Фонвизин, Жуковский, Блок, Врубель, Куинджи, Айвазовский? А Пушкин?

З. И. КЛИМОВА,
врач, ветеран войны и труда
Харьков.

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЮТ

Министерство связи СССР внимательно рассмотрело опубликованную в «Огоньке» № 30 статью «До подписки — неделя».

Вологодское областное агентство «Союзпечать» установило, что А. Соколову подписка на «Огонек» была оформлена только после его настойчивых требований. Начальник отделения связи № 4 г. Череповца В. Чадаева наказана в административном порядке. Для предупреждения подобных случаев проведен инструктаж работников отделения связи города о сроках проведения подписки.

Подписчику А. Середе из пос. Радужный Тюменской области «Огонек» не доставляется по вине сортировщицы отделения связи Р. Таеповой, потерявшей доставочную карточку подписчика. За допущенное нарушение она лишена премии. Товарищу Середе возвращены деньги.

Недосыл 50 экземпляров № 9 «Огонька» в адрес Златоустовского узла связи произошел по вине Челябинского прижелезнодорожного почтамта, который не принял необходимых мер к расследованию того факта, что этот номер журнала был заменен на пачку с газетой «Пионерская правда». За непринятие мер сортировщице печати тов. Воротниковой объявлен выговор, начальник страхового цеха тов. Сентябова строго предупреждена. Часть экземпляров № 9 изъята из розничной продажи и возвращена подписчикам, некоторым из них возмещается стоимость утерянного журнала.

По поводу жалобы А. Будко из Новороссийска сообщаем, что факт отказа ей в подписке на «Огонек» подтвердился. Работники отделения связи № 10, допустившие это нарушение, наказаны.

Что касается претензий библиотекарей Советского района г. Орла, то ответ по этому поводу был дан Орловским областным агентством «Союзпечати».

Министерством связи СССР телеграммой № 9111 дано указание всем министерствам связи союзных республик и производственно-техническим управлениям связи провести дополнительные организационные мероприятия по строгому соблюдению условий подписки на газеты и журналы.

Ю. Н. МИЛЕХИН,
заместитель начальника Главного управления по распространению печати Министерства связи СССР

ОТ РЕДАКЦИИ. В ответе начальника Орловского областного агентства «Союзпечати» А. И. Висягина по поводу письма библиотекарей Советского района г. Орла, опубликованного в том же № 30 (речь шла о школьных библиотеках), констатируется факт: «Огонек» действительно не вошел в «Рекомендательный список газет и журналов для учреждений народного образования», утвержденный заместителем министра просвещения РСФСР Г. Д. Кузнецовым 22 июня 1986 года и согласованный с первым заместителем министра связи РСФСР В. Н. Мацневым». Что ж, если не вошел, стало быть, «Союзпечать» здесь ни при чем, указание есть указание. Соглашаясь с А. И. Висягиным, что «Огонек» «отраслевым изданием народного просвещения не является» и что «руководству Министерства просвещения, надо полагать, виднее, какие издания нужны школам», позволим привести выдержку из приказа № 360 Минсвязи СССР «О подписке на газеты и журналы на 1988 и последующие годы», касающуюся советских и зарубежных изданий:

«Обеспечить сокращение ведомственной подписки не менее чем на 25—30 процентов, сохранив при этом уровень сумм 1986 года ТОЛЬКО для идеологических учреждений, домов и кабинетов политического просвещения, агитпунктов (на период работы), универсальных и массовых библиотек, библиотек общеобразовательных школ, ПТУ, детских домов, пионерских лагерей (на период работы), ленинских комнат воинских частей, а научно-технических и специальных библиотек, включая библиотеки предприятий и организаций,— лишь на издания соответствующего профиля».

Следовательно, со школьными библиотеками поступили по инструкции, сохранив сумму 1986 года. Но зачем же усматривать опубликованное письмо как «желание кого-то из библиотекарей читать «Огонек» за государственный счет», или как «грубую попытку оказать силовое и психологическое давление на распространителей печати с целью понудить их не просто пропагандировать журнал, но навязывать его», или даже как желание «избивать «Союзпечать» — так пишет А. И. Висягин, посчитавший нужным указать, что он выпускник журналистского отделения Высшей партийной школы.

Давайте рассуждать спокойно, с позиции здравого смысла. И давайте ставить вопрос шире. Напомним, в № 39 «Огонька» опубликовано письмо коллектива библиотеки Харьковского института общественного питания, которой «Союзпечать», выполняя вышеприведенный приказ, отказала в подписке на «Новый мир», «Звезду», «Дружбу народов», «Огонек», «Литературную газету», «Новое время», студенческому общежитию «урезали» «Правду», «Экономическую газету» и т. д.

Случай этот, судя по нашим письмам, отнюдь не редкий, показывает, что «Союзпечать» и финансовые органы зачастую формально относятся к ведомственной подписке, действуя по принципу «урезать — так урезать». Согласны, экономия средств будет, но разве не ясно, какой ценой она, эта экономия, осуществится! В том, что предприятия подпишутся на издания, необходимые им по профилю работы, мы не сомневаемся: дело, как говорится, прежде всего. Так не правильнее ли было бы дать возможность организациям, предприятиям и ведомствам самим решать вопрос, на какие издания им подписываться в пределах лимитированных сумм! Словом, оказать им доверие. Тем более, что приказ о проведении подписки начинается словами: «Активная позиция средств массовой информации, в первую очередь центральных газет и журналов, в борьбе за перестройку, глубина постановки ими актуальных проблем, затрагивающих самые различные стороны жизни нашего общества, вызвали повышенный читательский интерес к периодическим изданиям». О таком повышенном интересе свидетельствуют и письма читателей «Огонька», в том числе библиотекарей.

До конца подписки есть еще время, чтобы исправить допущенные ошибки.

Наш адрес:
101456, Москва,
Бумажный проезд, 14

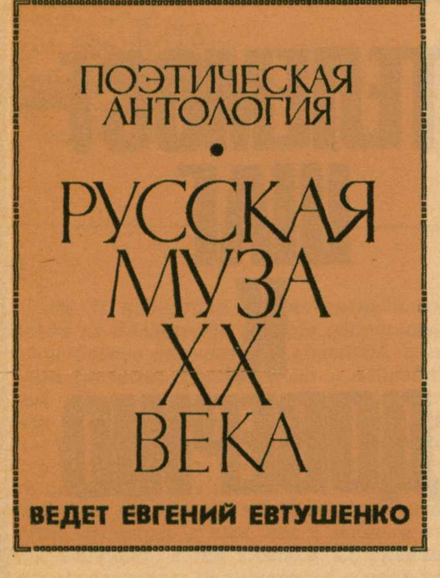
ТЕЛЕМОСТ— ШАГ К ДОВЕРИЮ

Возможности современной техники и технологии позволяют сокращать гигантские расстояния, увидеть на телевизионном экране человека за тысячи миль, и не только увидеть, но и побеседовать с ним. За пять минувших лет между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки состоялось внушительное количество теледиалогов по разным темам. «Рукопожатиями» через океан обменивались представители общественности, профессиональные интересы влекли друг к другу музыкантов и кинодеятелей, писателей и журналистов. Следом за ними «скрестили шпаги» политологи, проводя как бы репетицию самого главного — встречи на законодательном уровне.

Последний по счету телемост СССР — США позволил группе депутатов Верховного Совета СССР вести живую дискуссию с американскими конгрессменами. Очень долго, напряженно готовились к событию, темой которого было «Новое мышление в ядерный век». И если не все протекало гладко, без сбоев, если в какой-то момент показалось, что дискуссия превращается, по словам одного из ее участников-депутатов, в «телемост взаимных упреков»,— все равно не беда. В одно мгновение трудно избавиться от клише и стереотипов, а к позиции другой стороны отнестись с должной мерой терпимости, уважения и понимания. Тем более, когда очерченный круг вопросов вобрал в себя поистине глобальные проблемы: от стратегических ядерных вооружений до ситуации в Персидском заливе, а по времени — исторический период в несколько десятилетий.

Интерес к передаче в Соединенных Штатах был огромным. В общей сложности число зрителей в двух странах, по предварительным подсчетам, превысило 130 миллионов человек. Это рекорд по сравнению со всеми предыдущими телемостами. И хорошее доказательство стремления людей к получению правдивой, неискаженной информации, без которой просто невозможен путь к доверию и взаимопониманию.

Владимир КОВАЛЕВ

Г. ЛЕЛЕВИЧ

(псевдоним Лабори Калмансона)

1901—1945

Участник революции и гражданской войны. Профессиональный партийный работник. Редактор известного журнала «На посту», занимающего позиции непримиримой «воинствующей» пролетарской партийности, один из руководителей ВАППа. В острых литературных баталиях двадцатых и начала тридцатых годов Лелевич был всегда на самом левом крыле, сгоряча допуская узкоклассовые оценки. Однако за всеми этими баталиями иногда забывалось, а сейчас совершенно забылось то, что Лелевич был, безусловно, самобытным талантливым поэтом. Сейчас, когда давным-давно утихли дискуссии тех лет, именно поэзия Лелевича возвращает нам его незаслуженно забытое имя, а не его литературные декларации. Поэзия Лелевича пронизана на редкость чистой, прозрачной, драгоценно юношеской революционной романтикой. Лелевича необходимо переиздать отдельной книжкой. Незаконно репрессирован.

(В СМОЛЬНОМ)

I

С испугом пялит старый Смольный
Глаза своих несчетных ламп.
Глядят с усмешкой недовольной
Ряды вельмож из старых рам.

Бурлит в каналах коридоров,
Как океан, людской хаос,
И мерит всех сверлящим взором
Застывший часовой-матрос.

И кто-то, дряблый и сутулый,
К окну угрюмому прильнув,
Внимает пушечному гулу
И ловит залпов трескотню.

И вспышкой взгляда раздвигая
Людское море пред собой,
Герольд невиданного рая
И зачинатель мировой,—

Гранитен, светел, неизменен,
Как рулевой средь бурных вод,
Еще вчера опальный Ленин
К трибуне медленно идет.

II

Немая тьма октябрьской ночи
Сквозь окна силится вползти,
Но Смольный пламенный клокочет,
Гудит, волнуется, блестит.

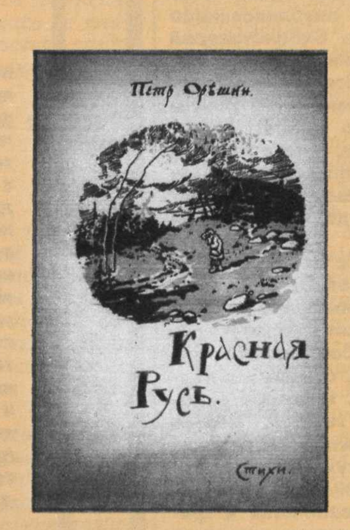
Присев в сторонке на кушетке,
Обдумывает сложный план,—
Как волк, бессильный в прочной
клетке,
Трепещущий и бледный Дан.

И, отстегнув шинели ворот,
С приказом срочным в рукаве
Несется посланец с «Авроры»
Назад — к надувшейся Неве.

. . . .

И вдаль по телеграфным струнам
Летит известье в вышине:
«Сегодня Красная Коммуна
Родилась в буре и огне».

Ноябрь 1921 г.

Петр ОРЕШИН

1887—1938

Первая книга Петра Орешина, «Зарево», была отмечена Есениным. Гигантское поэтическое наследие Орешина (свыше 50 книг) недооценено. Есть и откровенные перепевы Кольцова, Никитина, Есенина, но есть и подлинно крестьянская, а не стилизованная задушевность. Был незаконно репрессирован.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Сказка это, чудо ль,
Или это — бред:
Отзвенела удаль
Разудалых лет.

Песня отзвенела
Над родной землей.
Что же ты наделал,
Синеглазый мой?

Отшумело поле,
Пролилась река,
Русское раздолье,
Русская тоска.

Ты играл снегами,
Ты и тут и там
Синими глазами
Улыбался нам.

Кто тебя, кудрявый,
Поманил, позвал?
Пир земной со славой
Ты отпировал.

Было это, нет ли,
Сам не знаю я.
Задушила петля
В роще соловья.

До беды жалею,
Что далеко был
И петлю на шее
Не перекусил!

Кликну, кликну с горя,
А тебя уж нет.
В черном коленкоре
На столе портрет.

Дождичек весенний
Окропил наш сад.
Песенник Есенин,
Синеглазый брат,

Вековая просинь,
Наша сторона...
Если Пушкин — осень,
Ты у нас — весна!

В мыслях потемнело,
Сердце бьет бедой.
Что же ты наделал,
Раскудрявый мой?!

1926.

Петр ДРАВЕРТ

1879—1945

Поэт-ученый, преподавал высшую математику в Казанском университете. Один из первооткрывателей сибирской темы в поэзии.

ЧЕТЫРЕ

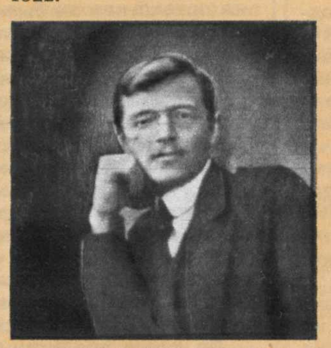
Одна мне сказала так ясно и четко,
Прощаясь надолго со мной:
«Я вас не забуду — и жду самородка
С верховьев Реки Золотой».

Другая, желая в дороге успехов,
Держа мою руку в своей,
Напомнила, чтобы кедровых орехов
Привез я на праздники ей.

А третья, волнуясь неотданной силой,
В глазах обещанье тая,
Шепнула: «Скорей возвращайся, мой
милый.
И буду я только твоя»...

Я встретил четвертую... Россыпь
хрустела.
Брусника меж кедров цвела...
Она ничего от меня не хотела.
Но самой желанной была.

1922.

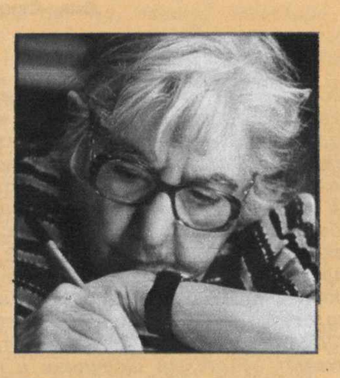
Иван ФИЛИПЧЕНКО

1887—1939

И. Филипченко — из бедняцкой семьи. Член РСДРП с 1913 года. В том же году впервые опубликовал стихи в «Правде», где затем сотрудничал с 1918 по 1928 год. Стихи Филипченко — это неистовые монологи о пролетарии как о хозяине земного шара, переходящие в некоторую классовую мегаломанию. Но тем не менее это было так же искренне, как на картине Кустодиева рабочий с красным знаменем в руках перешагивает ставшие крохотными домишки. И. Филипченко — один из первых певцов этого пролетарского величия.

* * *

Я простой рабочий,
Чье тело и дух попирали, как гада,
Я из последнего круга Дантова ада,
Но поэт и зодчий.
Я не только Иван Филипченко, я —
пролетарьят,
Я святого безумья буйный и дерзкий
набат.

Мариэтта ШАГИНЯН

1888—1982

По отношению к Шагинян, пожалуй, не подберешь лучше слова, чем «литератор». Начинала как поэт. Приводимые нами стихи взяты из самой первой книги, ставшей библиографической редкостью,— «Первые встречи». Хотя и сентиментальные, но весьма живые наблюдательные стихи. Шагинян — автор первого советского детектива «Месс-Менд», одного из первых советских «индустриальных» романов — «Гидроцентраль», многочисленных эссе, хроникальных романов о Ленине. Шагинян, дожив до глубокой старости, поражала всех профессиональной и общественной неутомимостью.

ДЕТСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Соне и Шуре

Люблю весной, когда окрепший жар,
Натешась и устав, спешит
угомониться,
Наш чистенький, подстриженный
бульвар,
Детей веселые, доверчивые лица,
Их звонкий смех, их игры, а порой
Их ссоры резвые за милою игрой.

I

Свою зеленую поломанную лейку,
С ленивой грацией поставив
на скамейку
И свесив ножки с порванным носком,
Худые, слабые, болезненные ножки,
Со мной доверчиво уселася рядком,
Вся словно лилия, притихнувшая
крошка.
Ресницы влажные сомкнулися
чуть-чуть,
Румянец вызвала здоровая
усталость.
Она как ласточка, готовая
вспорхнуть,
Вся грациозная недремлющая
шалость.

7 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР

КТО ПОМОЖЕТ ДЕПУТАТУ?

Наталья Щербакова — молодая женщина, работает бригадиром первого раскройного цеха хабаровского производственного швейного объединения «Восток». Жить только для себя, только своим домом и своей работой она не умеет. Энергию молодого специалиста, четыре года назад приехавшего в Приамурье, почувствовали комсомольцы цеха, избрали Наталью своим вожаком. А через год фамилия Щербаковой уже фигурировала на выборах.

К ней, своему депутату краевого Совета, люди шли с разными просьбами. И по делам сугубо личным, и по общественным. Особенно много труда и энергии вложила она, добиваясь строительства АТС в районе избирательного округа. Однако дело не двигалось. Что же получается, думала Наталья, депутат — представитель народа, его власти, а я, выполняя наказы избирателей, оказываюсь жалким просителем, а не полномочным представителем. Вот не добилась и «прописки» поликлиники в новом районе по улице Большая Вяземская. Письмо с наказом избирателей депутат Щербакова направила в Хабаровский крайисполком больше года назад.

А сколько было споров с начальником районного комбината благоустройства Г. И. Корчевым, но автобусная остановка, о благоустройстве которой ратовала Щербакова, так и не оборудована. Ну, а Корчевой, не забывавший подчеркивать, что он тоже депутат и с него тоже спрос большой, передвинут на другую работу.

Разочарование приходило после встреч с такими людьми. Солидные посты занимают, депутатские мандаты имеют, а обещания не выполняют... Поэтому и не хотела Щербакова баллотироваться на второй созыв, но уговорили. Помнится ее разговор с генеральным директором объединения Л. Г. Киселевой. Та убеждала, обещала помогать. Щербаковой снова вручили мандат, а с ним... те же проблемы.

На первой сессии краевого Совета нового созыва Наталья не встретила многих знакомых. Не было большинства депутатов, у которых она училась, чья энергия приносила большую пользу. Не было Анатолия Головко, возглавлявшего ранее комиссию по торговле. Это по его инициативе строители стали получать обеды прямо на объектах. Умел рабочий человек, почти четверть века простоявший у токарного станка, деликатно разобраться и в личных делах. К нему и сейчас идут люди с просьбами, жалобами, хотя коллектив ремонтно-эксплуатационной базы Амурского пароходства, где работает Головко, теперь представляет в краевом Совете другой человек.

Конечно, думала Щербакова, состав в Советах должен обновляться, депутатский мандат не дается пожизненно. Но в изменениях должен быть ориентир на улучшение работы. А как может она улучшиться, если сменивший Головко депутат в силу своей профессии и на берегу-то по полгода не бывает? Он может сойти с судна, приехать на сессию. Но разве работает депутат только на сессиях?.. Не в старом ли подходе тут дело, в тех рекомендациях, которые регламентируют будущий состав Совета?

Случалось ли, поинтересовался я, чтобы сам человек предложил свою кандидатуру в депутаты местных Советов? Чтобы предлагал свою программу как политический деятель? Оказывается, случалось. Старший преподаватель Хабаровской высшей партийной школы Юрий Обрядин в прошедшей выборной кампании сам выдвигал свою кандидатуру.

— Да, было такое,— говорит он мне.— И хотя это лишняя нагрузка при моей занятости, я ставил вопрос в крайисполкоме с предложением избрать меня в городской Совет. Одиннадцать лет изучаю и преподаю советскую работу. Думаю, мог бы быть полезным, сумел бы наладить работу одной из комиссий. Да и в учебе депутатов помог, ибо то, что сегодня называется депутатской учебой, не соответствует этому понятию. Вам в любом исполкоме представят планы занятий с депутатами, но можно ли научиться тонкостям общественной работы, прослушав раз в три месяца одну-две лекции?

Предложение Обрядина в Хабаровском крайисполкоме не приняли, от партийной школы традиционно был избран в депутаты ректор. А почему, собственно, ректор? Сегодня демократизация становится основным направлением всех сторон нашей жизни. Мы в полный голос говорим о перестройке в производственных коллективах, в общественных организациях, о расширении политических прав граждан. Но на практике делаем еще пока немного.

— Избирательная реформа полагает возможность выбора из двух или нескольких кандидатов наиболее достойных,— говорит мне Обрядин.— Мы не пошли по пути использования опыта ГДР, то есть по пути создания резервных депутатов. В экспериментальных округах фактически на каждый депутатский мандат по два кандидата не выдвигалось. Выдвигалось, предположим, шесть кандидатов, из них пять должны быть избраны. Шестой, набравший меньшее количество голосов, становился резервным. Положительная сторона эксперимента в том, что начали обсуждать несколько кандидатур при выдвижении кандидатов в депутаты, при этом каждый должен предлагать свою программу. Но как у нас проходили предвыборные собрания? Да как и раньше. Я сам был председателем участковой избирательной комиссии в Центральном районе Хабаровска, присутствовал на нескольких собраниях. Аудиторию составляли в основном пенсионеры, или участники «организованного выхода» под руководством начальника. Неинтересны были людям собрания, где выдвигаемые кандидаты порой и представления не имели о депутатской работе. О каких программах тут говорить?

Идея, что в Советах должны быть представители всех специальностей, возрастов, правильная, но, выдвигая людей, надо их основательно учить, а значит, в первую очередь готовить советские кадры. В ВПШ я веду курс советского строительства: имею 6 часов лекций, одно семинарское занятие и два практических. Разве после такого курса можно говорить, что мы подготовили советского работника? Не секрет, кадры в исполкомы нередко подбираются из тех, кто не проявил себя на партийной работе. Живой пример тому — недавно освобожденный за серьезные просчеты в работе председатель Центрального райисполкома В. П. Марченко: прежде он работал в аппарате горкома.

Советский работник — это профессия, которой нужно учиться. Никому ведь не придет в голову предлагать инженеру подменить хирурга. Но мы легко допускаем, что вчерашний инженер становится председателем исполкома, педагог — секретарем. И это без основательной дополнительной подготовки, учебы...

Чем занимается сегодня аппарат исполкома? Готовит заседания исполкома, сессии, обеспечивает работу постоянных комиссий и, главное, организует работу депутатов. Представьте эффективность организационной работы с депутатами, скажем, горисполкома, где в орготделе четыре человека, а депутатов в городском Совете 450 человек!

А не лучше ли для более эффективной, не бумажной, а действительной работы сократить депутатский корпус? И пусть в городе будет не 450 депутатов, а 50 или 100. Предоставить избранным в Советы людям возможность использовать несколько рабочих дней для депутатских дел. Сегодня секретари исполкомов идут на поклон к хозяйственникам с просьбой освободить депутата для поездки в другой район, собрать материалы в постоянную комиссию. Хозяйственник, соглашаясь, тут же ставит вопрос: кто будет финансировать командировку? Бесспорно, освободить, даже на один рабочий день, 450 человек накладно, а 50 легче. Предоставив депутату время, Совет получит право спросить с него за работу.

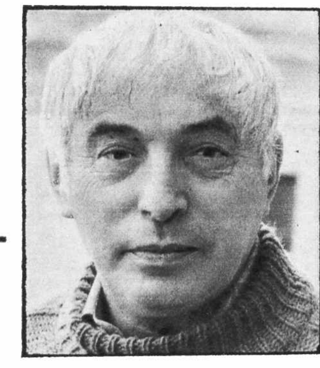
Сегодня, в период перестройки, мы многие больные вопросы решаем революционным путем. Так не пора ли обратить большее внимание и на работу Советов?

...Я вижу, как депутат краевого Совета Наталья Щербакова идет по своему цеху, пожилые женщины останавливают ее, высказывая просьбу. В глазах надежда: они верят, депутат поможет. Но верит ли в это сама Щербакова?

Будем надеяться, что ее энергия и деловитость еще послужат людям. Депутат помогает своим избирателям. А вот как помочь самому депутату, чтобы он был не просителем, чтобы работа его стала более эффективной?

Владимир КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Огонька».
Фото автора

ПОЭЗИЯ

ЗА НАМИ — БОЛЬШОЕ ПРОСТРАНСТВО

Григорий КОРИН

* * *

Мы ни секунды не медлили.
В атаку —
С любого места,
Мы были шестнадцатилетними,
И война нам была — невеста.

Нас в тылах удержать старалось
Сердобольное адъютантство.
Нам была оскорбительна жалость.
Больше всех нас в могилах осталось,
И за нами — большое пространство.

* * *

Давайте смотреть друг на друга,
Друг друга запоминать.
Нас всех поджидает разлука,
Нам всем предстоит умирать.

Давайте же будем добрее,
Друг друга жалеть и любить,
И солнце нас всех обогреет,
А тьма не сумеет сгубить.

Не знать нам, чем смерть обернется,
Как встретит небесная твердь,
Быть может, и после придется
В глаза нам друг другу смотреть.

И будет ли слово людское,
И будет ли сердце стучать,
И небо сиять голубое,
И ветер деревья качать.

* * *

И книги, и диван со стульями,
И стол дубовый, и скамья,
И лампа с золотыми ульями —
Любая вещь как не моя.

Ни в чем я собственность
не чувствую,
И даже в собственных стихах.
Как будто бы при них присутствую,
А все они — в чужих руках.

И только к небу взор прикованный,
И оторваться не могу,
И хлеб, землею мне дарованный,
Не вижу и не берегу.

* * *

Дышит все вокруг предвечным —
И покоем и тревогой,—
Дерево, в окне подсвечник,
Золото сырое стога.

Словно музыка немая,
Плещет дождик редкий-редкий,
Птиц в дорогу подымая,
С лета отмывая ветки.

Это сколько раз бывало —
Дождь и птицы по-над домом,
И как сердце замирало,
Услыхав прощальный гомон,—

И не в нем ли звук предвечный
Слышит вместе сердце, поле,
И дрожит в руке подсвечник,
Со свечою в каплях боли.

БЛАГОДАТНАЯ ЗЕМЛЯ

Кесарю — кесарево, богу — богово.
Птице — скворечня, а рыбе — вода.
Даже медведь забирается в логово
Перед видением снега и льда.
Брат мой возлюбленный, в мире
отчаясь,
Не прогневи благодатной земли,
Пением птиц и сверканием чаек
Жадное чрево свое утоли.
И за работой, в лучах восходящих,
Молча того вспомяни,
Кто весь в трудах и во днях
проходящих
Видит бессмертные дни.

* * *

Рой мыслей пронесется,
Как встану поутру,
А в сердце отзовется
Одно лишь: я умру.

Умру, умру в июне,
И нечего роптать.
Но день-мудрец подсунет
Мне под руку тетрадь.

И что-то встрепенется
Там, за окном, в бору,
И с губ моих сорвется:
«Нет! Весь я не умру...»

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС ЭМБЛЕМЫ!

Советский комитет защиты мира объявляет всесоюзный конкурс на создание своей эмблемы.

В конкурсе могут принять участие не только профессиональные художники, но и все желающие.

Эмблема должна быть лаконичной и выразительной. Важно, чтобы в ней нашли символическое отображение главные задачи комитета: борьба советских людей за безъядерный мир и выживание человечества, за утверждение нового политического мышления, за установление отношений доверия и взаимопонимания между народами различных стран. Желательно использование новых, нестандартных решений.

Работы на конкурс должны быть выполнены на планшете форматом 30×40 см в черно-белом и в цветном вариантах и направлены под девизом до 1 декабря 1987 года по адресу:

г. Москва, 129010, проспект Мира, 36, Советский комитет защиты мира.

На конверте указать: КОНКУРС ЭМБЛЕМЫ.

Для лучших работ, которые будут отобраны жюри, установлены премии:

I премия — 1000 рублей, II премия — 500 рублей, III премия — 300 рублей.

ПАЛИТРА

Виталий МАНИН

ХУДОЖНИК РОМАНТИЧЕСКОГО ПЛАМЕНИ

В русском искусстве XX века вряд ли можно встретить другой такой жизнерадостный талант, такой буйный темперамент, такое покоряющее жизнелюбие, какими обладал Аристарх Васильевич Лентулов. Казалось бы, феерия цвета его полотен, лучезарное дарование художника должны были встретить понимание современников и следующей генерации живописцев, ибо оптимизм отвечал нашему мировосприятию, натуре русского человека. Однако реальность обошлась с Лентуловым нелогично. Еще живы и полны надежд на будущее унылые запретители, объявившие художника злым формалистом и чуть ли не растлителем общественного сознания. Недавнее столетие со дня рождения Лентулова не отмечалось, выставка отменялась трижды, издание книг о его творчестве с переменным успехом то продвигается, то тормозится. Между тем Лентулов — величина мирового масштаба. С дистанции времени особенно заметен его крупный талант, его своеобразие, выделяющее его среди звезд первой величины, таких, как Делоне, Матисс, Глез, ван Донген. Выделяется он и среди русских живописцев, своих товарищей: Кончаловского, Ларионова, Машкова, Куприна — коллег по известному объединению «Бубновый валет»— необычайным, завидным живописным даром, чутьем цвета и красочной гармонии. Товарищ В. Маяковского и А. Таирова, А. Дикого и В. Каменского, он был предан забвению старанием посредственных и серых его антагонистов. Невольно задумаешься о судьбах русского искусства, где гонители слишком часто брали верх над первооткрывателями, над созидателями.

Тем не менее понятие жертвы не согласуется с личностью Лентулова. Он был свободолюбивым, завидно привлекательным, непокорным человеком. Обладал тонким слухом, незаурядными музыкальными способностями, прекрасным голосом. Очевидно, поэтому живопись его такая певучая, звучная, ритмичная. Композитор Скрябин, проводя опыты на восприимчивость своей теории цветомузыки, привлекал к ним Н. Гончарову, М. Ларионова, А. Куприна, Д. Бурлюка и других. Лентулов отгадывал наибольшее число соответствий музыкальных примеров, предлагаемых композитором, с цветом. Чуткостью к тончайшим цветовым перезвонам, к «волнению» цвета Лентулов обладал в высшей степени.

Поразительно, как смог в его душе пробудиться художник, да еще такого колоссального размаха, если в ранней его жизни не виделось никаких к этому предпосылок. Отец Лентулова, священник города Нижнего Ломова Пензенской губернии, умер рано, когда сыну его исполнилось два года. Жизнь юного Лентулова складывалась нелегко. Однако он смог поступить в Пензенское художественное училище, руководимое известным передвижником К. Савицким. Затем продолжил учебу в Киевском художественном училище. Неудачная попытка поступить в Петербургскую Академию художеств окончилась учебой в студии Д. Кардовского. И наконец, самообразование во Франции. В Париже на молодого русского художника обрушилась масса впечатлений. Умирающий символизм насливался на только что рожденный кубизм. Кубизм соседствовал с футуризмом, экспрессионизм с фовизмом. Трудно было разобраться в потоке впечатлений. Но Лентулова спасали интуиция, природная бодрость духа, душевное притяжение радостного цвета. Близкое знакомство с Р. Делоне, а вскоре — динамичным искусством футуристов подтолкнуло Лентулова к самоопределению как художника, к творческому выводу, определившему его дальнейшую деятельность. А она вся была впереди — в России, в Москве, в старинных русских городах с дивными архитектурными памятниками.

По возвращении Лентулов активно участвует в организации объединения «Бубновый валет», пытавшегося разрушить стереотипы художественного мышления. Эпатируя вкусы буржуазного общества, художники стреми-

Государственная Третьяковская галерея.

А. В. ЛЕНТУЛОВ. 1882—1943.
АВТОПОРТРЕТ. 1915.

АЙ-ПЕТРИ. 1926.

Государственная Третьяковская галерея.

лись пробудить обывательское сознание. Но самой важной их задачей было обогатить представление человека о колоссальных возможностях искусства. В 1910 году «бубновые валеты» предложили принцип эмоционального обострения живописных форм ради создания будоражащего, нетривиального художественного образа. Подобный творческий принцип позднее был назван Виктором Шкловским «остранением», но в изобразительном искусстве XX века он стал пробивать брешь обыденного сознания десятилетием раньше, чем о нем заговорили литераторы.

Русские художники удивляли силой красочной стихии, отвагой художественного мышления, связью с национальными корнями и вместе с тем усвоением и неожиданным претворением опыта современного западного искусства. Лентулов выделялся в ряду русских собратьев, а также среди иностранцев буйством красок, «фольклорностью» мировосприятия, поистине русским размахом в освоении и переложении на язык искусства коллизий своего времени.

Художника увлекла яркая, сказочно декоративная Москва, древняя русская архитектура, в которой виделся гений русского народа, блистающий неимоверной фантазией, совершенством и безупречным вкусом. В картинах «Москва» (1913), «Василий Блаженный» (1913), «Звон. Колокольня Ивана Великого» (1915), «Небозвон (Декоративная Москва)» (1915) звонкие, хрустально чистые звуки лентуловской живописи сливаются в торжественном оркестровом звучании.

Город в картине «Москва» рушится, смещается, сокрушается неведомыми силами, будто предвещая последующее разрушение Москвы. Старые строения сползают на новые. Декоративно яркие граненые квадры, кубы, пирамиды, плоскости разваливаются, будто от землетрясения. Что это? Крушение культур? Крушение мира? Но это никак не простой кубофутуристический прием, не имеющий ничего общего с прозрением предстоящих разрушительных социальных катаклизмов.

Образы произведений Лентулова окрашены своеобразными романтическими представлениями о мире. Мысль Лентулова покоится на иносказаниях, на метафорах, на ассоциациях. Художник изыскивал новые выразительные пластические средства, разрешающие ему создавать цветовые оркестровки метафорического свойства. Такова картина «Звон. Колокольня Ивана Великого». С кремлевского холма несется звон. От его упругих волн колокольня как бы вибрирует. Она отклоняется от вертикали, расшатывается неведомыми силами. Лентулов вроде бы поддается футуристическому стилю письма. Но связь Лентулова с футуризмом была чисто внешней, он воспринимает мир вовсе не катастрофически и не утрачивает предметную изобразительность, но сообщает ей страстную динамику, соответствующую бурному XX веку.

Лентулов легко и даже воодушевленно откликался на предложения участвовать в создании декораций к оперным и драматическим постановкам. Он предложил необычайно колоритное, глубокое по цвету оформление к фантастической опере А. Рубинштейна «Демон», которую ставил А. Я. Таиров. Цвет дополнял музыку, угадывал малейшие ее смысловые движения. Впоследствии Лентулов вспоминал: «...в этот спектакль я вложил все, что было мне отпущено моей живописной природой». Однажды В. В. Маяковский попросил Лентулова сделать декорации для его трагедии «Владимир Маяковский» (1913). Художник потом рассказал об этом эпизоде: «Перед тем, как я начал работать, он (Маяковский.— **В. М.**) позвал меня к себе послушать, как он читал эту трагедию. Читал обыкновенным своим громовым голосом. Чтение произвело на меня сногсшибательное впечатление, я прилетел домой и стал сочинять эскиз. Надо было

Продолжение на вкл. 3

НАСЛЕДИЕ

Сергей ВЛАСОВ

БЕЗДЕЛИЦУ ПОЗАБЫЛИ

*«Дорогие товарищи!
Этим летом мы поехали
в Переделкино под Москвой,
надеясь побывать в музеях
К. И. Чуковского и
Б. Л. Пастернака.
Об этих музеях мы слышали
и читали немало, в том числе
в опубликованных «Литгазетой»
материалах последнего съезда
Союза писателей СССР.
Что же мы увидели в Переделкине?
Замечательный, живой,
одухотворенный дом Чуковского
буквально гибнет без ремонта,
и никто, кроме энтузиастов
и родственников Корнея Ивановича,
заботы о нем не проявляет.
А ведь это истинный музей —
подлинное хранилище культуры.
И он, как мы узнали, находится
под угрозой уничтожения.
Что же это такое?
Дом Пастернака пуст.
Нам весьма неопределенно сказали,
что в нем «музей, может быть,
когда-нибудь будет».
Вместе с нами десятки людей,
приехавших в Переделкино,
в полном недоумении стояли перед
закрытой калиткой дома
Пастернака, в общем-то
не понимая, что же происходит.
Все говорят и пишут,
что мемориальный музей
Б. Л. Пастернака в Переделкине
должен быть, а его
организовывать, как оказывается,
практически и не думают.
Мы знаем, что «Огонек» уделяет
много внимания проблемам
сохранения памятников истории
и культуры. Мы читали, что ваш
журнал был инициатором создания
музея А. А. Блока в Белоруссии,
организации Государственного
музея-заповедника в Шахматове,
восстановления усадьбы
Д. И. Менделеева, создания
заповедника-музея А. С. Пушкина
под Москвой и многих других
добрых дел.
Очень просим «Огонек» озаботиться
судьбой домов К. И. Чуковского
и Б. Л. Пастернака в Переделкине.
Они нуждаются в помощи и защите».*

*Семья ДАНИЛОВЫХ
Москва.*

■

«Огонек» направил в Переделкино специального корреспондента.

«Оттого и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее... Если делается не так, как нам хотелось, мы махнем на все рукой и давай пялиться в будущее... Безделицу позабыли: позабыли, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем...»

Н. В. ГОГОЛЬ

На Переделкинском кладбище, что неподалеку от городка писателей, могилы Корнея Чуковского и Бориса Пастернака расположены рядом, в двух шагах. И дачи, где жили поэты, стоят неподалеку.

Обычно паломники с кладбища отправляются к дому своего любимого писателя. Когда в Переделкине обращаются с вопросом: «Как пройти?», то почти наверняка знаешь, что сейчас спросят либо про дом Пастернака, либо про дом Чуковского.

...В мае нынешнего года осквернили могилу Пастернака. Прикрывшись темнотой, воровски, гнусненько плеснули краской на памятник и в очередной раз нарисовали православный крест. Слегка досталось краски и корзине с цветами, возложенной премьер-министром одной европейской страны.

Приметы времени? Многое нынче смешалось...

Осквернителей памяти поэта направляли силы, ослепленные шовинизмом. Хочется сказать этим неразумным:

— Чтоб вы знали, Пастернак был бо́льшим россиянином, чем вы, вместе взятые, со своими пастырями. Он писал, что связан с Россией рождением, судьбой и работой. Сама мысль о шовинизме оскорбительна для истинного патриота, каковым был и Пастернак. Все, что замыкается в рамках националистических,— это не Россия, это болезнь, и ее лечить надо!

Впрочем, я увлекся разговором с воображаемым собеседником. Тема этих заметок — судьба двух дачных строений в тихом подмосковном Переделкине.

Председатель правления Литературного фонда СССР Николай Андреевич Горбачев рассказал мне, что этот поселок был основан после Первого съезда писателей и за эти полвека превратился в единый комплекс, в который входят Дом творчества имени К. Федина и 57 дач, принадлежащих Литфонду. Они предоставляются в аренду ветеранам литературы, известным писателям.

— Переделкино — уникальный поселок, единственный в своем роде,— говорит Николай Андреевич.— Здесь не только пишут книги, здесь происходит живое интернациональное общение, здесь делятся культурой, здесь идет усвоение литературного опыта. В Переделкине вершится живой творческий процесс, передаются из поколения в поколение лучшие традиции русской и советской литературы. Здесь написаны книги, ставшие гордостью нашей культуры. Здесь жили Фадеев, Федин, Тихонов, Серафимович, Погодин, Тренев, Кассиль, Хикмет, Катаев, Павленко, Всеволод Иванов, Чуковский, Пастернак...

Проходя мимо укрывшихся под сенью дерев уютных домов, едва ли кто-либо догадается, что за их стенами порою кипят совсем не литературные страсти. Передо мной три пухлые папки. Это лишь часть так называемого «дела Чуковского».

Грустно листать эти бумаги.

«Исковое заявление Дома творчества им. К. Федина в народный суд г. Видное Московской области (о выселении из дачевладения).... Писатель Чуковский К. И. с 1936 по 1969 г. арендовал дачевладение Литфонда СССР в городке писателей Переделкино... В 1969 г. Чуковский К. И. скончался, после чего на основании постановления секретариата правления Союза писателей СССР от 04.04.1960 г. (прилагается) за членами семьи писателя сохранялось право пользоваться дачей в течение 2 лет. Однако до настоящего времени ответчики без правовых оснований занимают и оплачивают дачу...

...От добровольного освобождения дачевладения ответчики уклоняются.

Просим... выселить ответчиков из дачевладения... принимая во внимание, что... дачевладение бывшего арендатора К. И. Чуковского передается в аренду членам Союза писателей СССР...»

Ответчики — дочь и внучка Чуковского, Лидия Корнеевна и Елена Цезаревна — действительно от добровольного освобождения дачи уклоняются. Потому что это давно уже не дача, а настоящий музей Чуковского, действующий на общественных началах. Никто не выносил постановлений о его создании, родился он стихийно, по воле тех, кто любит писателя и хочет знать о нем больше.

— Год спустя после смерти Корнея Ивановича в дом постучали три женщины,— рассказывает К. И. Лозовская, семнадцать лет бывшая личным секретарем писателя.— Я неохотно оторвалась от разбора богатейшего архива Корнея Ивановича и открыла. Женщины попросили нас показать им кабинет писателя. Я показала и кабинет, и другие комнаты, где все осталось так, как было при его жизни. С тех пор и начался поток посетителей.

В январе 1973 года секретариат правления Московской писательской организации вынес постановление об открытии дома-музея К. Чуковского на базе созданной им библиотеки для детей и дачи писателя.

В октябре 1975 года исполком Мособлсовета включил дом в список памятников истории и архитектуры, состоящих под охраной государства.

Однако в июле следующего года своим постановлением секретариат правления Союза писателей СССР отменил решение 1973 года на том основании, что Московская организация была неправомочна его выносить. Далее в протоколе от 20 июля 1976 года говорится: «Превращение в музеи дач, где жили... выдающиеся писатели, означало бы постепенное перерождение городка писателей в городок музеев, что противоречит уставу Литфонда, утвержденному постановлением СНК СССР от 20 февраля 1935 года».

Так музей Чуковского оказался под угрозой. И пошли письма возмущенных людей. Мнение общественности поддержала комиссия, составленная из специалистов Министерства культуры СССР, Центрального совета ВООПИиК, Государственного литературного музея, главного управления культуры Мособлисполкома и других организаций.

«Ознакомление с экспозицией мемориальных помещений,— было отмечено комиссией в декабре 1984 года,— выявило высокую степень сохранности предметов, значительная часть которых обладает большой историко-культурной ценностью... Уникальна библиотека К. И. Чуковского, включающая в себя свыше 5 тысяч книг на русском и иностранных языках с многочисленными автографами и пометками... Большой интерес представляют подарки от детей и почитателей как из нашей страны, так и из-за рубежа, свидетельствующие о всенародной любви к писателю и его международной известности... Особый отклик у посетителей находят свидетельства бескорыстного служения К. И. Чуковского детям — он устраивал в Переделкине массовые детские праздники-костры, а построенная им рядом с домом и подаренная детям поселка библиотека работает и сейчас...

Комиссия решила:

1. Мемориальная обстановка, библиотека и личные вещи К. И. Чуковского в неразрывной связи с домом, где он жил и работал, обладают несомненной... ценностью и должны быть сохранены в существующем виде.

2. ...необходимо решить вопрос о придании дому официального статуса дома-музея...»

Интересно, сколько у нас всевозможных комиссий, которые выносят решения, но ничего не решают? Уже после выводов этой столь компетентной и авторитетной комиссии Чуковскими было получено несколько предписаний «освободить дачное помещение, иначе решение суда о выселении будет исполнено принудительно с участием милиции».

Называть дом №3 по улице Серафимовича музеем Чуковского не совсем правильно. Нет, это, скорее всего, музей развития нашей культуры на рубеже двух столетий и первой половины нынешнего века. Во время экскурсий здесь рассказывают о Чехове, Некрасове, о Льве Толстом, Репине, Маяковском, Блоке, Максиме Горьком, Леониде Андрееве, Бунине, Куприне... И это не просто перечисление великих имен, а рассказ о живых связях талантливейшего человека с этими людьми. Вместе с Максимом Горьким, например, Чуковский выпускал после революции серию книг «Всемирной литературы». Горький возглавлял ее коллегию, а Чуковский был членом этой коллегии. Вот дневниковая запись Корнея Чуковского, сделанная в октябре 1918 года: «...С утра до ночи в вихре работы... Мне так весело думать, что я могу дать читателям хорошего Стивенсона, О'Генри, Сэмюэля Бетлера, Карлейля, что я работаю с утра до ночи,— а иногда и ночи напролет».

Последнее письмо Блока и письмо-завещание Репина были адресованы Чуковскому. Их копии хранятся здесь, в музее. Последнее из написанного Львом Толстым — тоже своего рода письмо Корнею Ивановичу. В глухую пору реакции, в 1910 году, журналист Чуковский обратился к замечательным людям России с просьбой, чтобы каждый из них написал хоть несколько строк, протестующих против смертной казни. Чуковский верил, что если голоса знаменитых во всем ми-

У дверей дома-музея К. И. Чуковского.

Б. Л. Пастернак возле своей дачи.

ре людей сольются в одно дружное проклятие столыпинским виселицам, то разгулу палачества придет конец. На его обращение откликнулись В. Г. Короленко, И. Е. Репин, Леонид Андреев. Получив письмо от Чуковского в октябре еще в Ясной Поляне, Толстой написал на конверте: «Отвечать».

Свою статью для Чуковского он заканчивал уже в Оптиной Пустыни. Чуковский получил ее в день похорон Толстого. Статья «Действительное средство», последняя работа Льва Николаевича, была напечатана в газете «Речь» 13 ноября 1910 года с комментариями Чуковского.

А многие ли из пришедших в гости к автору «Мойдодыра» и «Айболита» знают, что Ленинскую премию Чуковский получил вовсе не за детские произведения, а за титаническую работу по восстановлению стихов Некрасова? Юрий Тынянов говорил, что тексты Некрасова до того, как их стал изучать и издавать Чуковский, и после этого—то же, что издания Пушкина до Анненкова и после него. Корней Иванович дал читателям более пятнадцати тысяч новых, не известных нам ранее (сокращенных или искореженных цензурой) стихов поэта. Он нашел и прокомментировал тридцать пять печатных листов его прозы. Многие рукописи Некрасова передал ему академик А. Ф. Кони, душеприказчик сестры Некрасова, которая оставила знаменитому юристу архив брата.

Репин писал Кони в 1914 году: «Я так рад соседству К. И. Чуковского. А вот было приобретение: он привез рукописи Некрасова... Корнею Ивановичу и книги в руки. Редко встречал человека, столь достойного книг, как сей молодой жрец литературы...»

Чаще всего люди выходят из этого дома потрясенные. Рушится их узкое, «мойдодырное» представление о Чуковском. И долго потом не проходит изумление, и они возвращаются сюда еще раз и еще, приводя с собой родных и знакомых. Один посетитель оставил в книге отзывов запись: «Сегодня я был здесь в одиннадцатый раз!»

Толстых тетрадок с отзывами за эти годы набралось уже десять. Вот лишь некоторые наугад взятые записи:

«В этом доме — кусочек совести человеческой. Не потерять бы его!» А. Кардаш.

«Этот дом — один из тех очагов русской культуры, который необходимо сохранить. Люди должны знать свои корни...» Н. Алиханова.

«Нас 65 человек. Нам здесь очень понравилось. Мы хотим, чтобы это удовольствие получили миллионы других школьников». Ученики школы № 118.

«Надеюсь, что дети всех стран мира, которых так любил Чуковский, будут узнавать, любить друг друга и устроят прочный мир на свете». Вильям Картер, аспирант из США.

За полтора десятилетия в доме Чуковского побывали гости из двадцати пяти стран мира. Интересно, как люди узнают о существовании этого дома? Упоминания о нем нет ни в одном справочнике, ни в одном путеводителе.

«Как нам известно, дома-музея К. И. Чуковского в поселке Переделкино не существует. Видимо, вы ошиблись. Всего хорошего». Такое письмо из центральной газеты получил один из ее читателей, хлопотавший о судьбе дома.

«Музея К. И. Чуковского в Переделкине нет. Поэтому говорить о каком-то закрытии несуществующего музея неправомерно...» Так было отвечено известному академику и общественному деятелю на его письмо к одному из руководителей Союза писателей.

В 1983 году дом-музей Чуковского был снят с государственной охраны, после чего и стало возможным возбуждение судебного дела «о выселении из дачевладения». Самое поразительное в этой истории то, что ходатайствовали и о снятии с охраны, и о выселении из дома Чуковского... его собратья по перу.

Всю обстановку дома, уникальную библиотеку, историко-культурные реликвии, которым буквально цены нет, готовы безвозмездно передать наследники Чуковского государству, если будет создан в Переделкине мемориальный музей Корнея Ивановича.

Работа, которая делается в стенах этого дома, ничуть не меньше той, что проводят в любом другом литературно-мемориальном музее. С небольшой, правда, разницей в штатном расписании: в музее А. Серафимовича, например, что в Волгоградской области, девять штатных сотрудников, в музее К. Федина в Саратове — девятнадцать, в музее К. Тренева и П. Павленко в Ялте — десять...

Мы должны поклониться в пояс добровольным хранителям музея Чуковского за их подвижничество. Кабы не они, все могло быть иначе. Не однажды выносилось решение: «Дачное строение номер 3 по ул. Серафимовича подлежит сносу из-за ветхости и невозможности ремонта». Отступились бы слабые с виду женщины, и сегодня этого дома уже не было бы. И тут надо, конечно, сказать о великой заслуге дочери Чуковского — Лидии Корнеевны. Именно ее усилиями сохранена в неприкосновенности та обстановка в доме, которая была при жизни Корнея Ивановича.

...«Дачное строение номер 3»! Да снизойдите вы, считающие себя принадлежащими русской литературе, с чиновничьего кресла, войдите в этот дом, вспомните себя, улыбнитесь, засмейтесь или заплачьте, посмотрите на лица ребят, которые пришли в гости к дедушке Корнею — это им надо, им это необходимо: тут от Мухи-Цокотухи протянуты живые нити до Толстого, Некрасова, Репина, Уолта Уитмена, Блока, Маяковского, тут царит живой дух великого труженика, энциклопедиста, поэта, просто хорошего человека, спешащего на помощь всем, кто в ней нуждается.

Семьдесят тысяч посетителей сказали: быть музею Чуковского! Если люди с другого конца света едут, значит, это им нужно. На секунду я себе представляю ситуацию: у дверей дома собрались люди, а им говорят: музей закрыт. Как? Почему? Взрослым, наверное, легче будет понять, что его закрыли, потому что «арендатор умер, а за членами семьи право пользоваться дачным помещением сохраняется в течение двух лет».

А дети? Как им-то все это объяснить?..

Впрочем, надо быть справедливым — есть в «деле Чуковского» одна бумага, которая заставила меня испытать радостное чувство благодарности и даже некое изумление перед дерзостью малых сих. Народный суд города Видное Московской области под председательством судьи О. И. Широковой вынес решение отказать в иске Литературного фонда СССР о ликвидации музея Чуковского. Строго говоря, исковое заявление, как мы помним, требовало не разрушать музей, а выселить из дома дочь и внучку Корнея Ивановича. Но каждому ясно, что за этим тут же прекратил бы свое существование единственный в стране музей Чуковского.

«Путем выезда на место,— читаю бумагу,— суд установил, что практически все помещения спорной дачи используются не для личных целей ответчиков, их проживания и отдыха, а для размещения мемориального музея... только одна задняя комната используется для служебных целей.

Содержится, ремонтируется, охраняется музей на средства Чуковских, с помощью добровольных помощников. Так, в 1983 году дом был отремонтирован общественностью. Дом творчества писателей «Переделкино» ремонт данного домика не производил. (Физик-экспериментатор Сергей Букалов и студентка Аня Сосинская — она в музее экскурсовод — в деталях поведали мне, как в течение двух лет каждую субботу и воскресенье сюда приезжали из Москвы и Подмосковья добровольцы и возводили новый фундамент, перекрывали крышу, меняли обвалившееся крыльцо, штукатурили стены... В этих работах чаще всего запевалой был мастер Московского автозавода имени Ленинского комсомола Сергей Васильевич Агапов, он, кстати сказать, в музее добровольный экскурсовод... Сейчас ремонт дома продолжается все тем же методом народной стройки. Но это уже особая тема. — С. В.)

Судом установлено,— читаю дальше,— что существующий дом-музей... имеет значение не только для увековечения памяти писателя К. И. Чуковского... но и для воспитания подрастающего поколения в духе любви к Родине, к своей истории...

Ликвидация... музея нанесет непоправимый вред государству и советскому обществу, духовным потребностям советских граждан».

Потрясающий документ! Не потому, что в нем сделано какое-то открытие, а потому, что столь очевидные вещи должны были быть сказаны... в суде.

Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?

Впрочем, если уж пришла охота пустить в ход весы Фемиды, то на их чащу можно положить вот эту справочку, полученную в ВААПе:

«На 1 января 1984 года тираж книг К. И. Чуковского составляет 200 318 000 экземпляров (сейчас, конечно, еще больше.— **С. В.**), 1093 названия на 86 языках...» Литфонд получает от каждой книги десять процентов ее стоимости, выходит дело, он уже получил на книгах Чуковского не менее двадцати миллионов, в сотни раз больше, чем стоит сама дача.

Но не такие простаки закрывали музей Корнея Чуковского, чтобы позволить какому-то там Видновскому суду утереть себе нос. Были включены резервы, и поданную кассационную жалобу удовлетворил вышестоящий областной суд. На сей раз судьи на место не выезжали, и для них предмет спора был не более чем «дачным строением, незаконно занимаемым арендаторами».

Как все-таки здорово, что дом Чуковского до сих пор стоит! Стоит, несмотря ни на что. Он нужен людям. И необходимость его будет возрастать по мере увеличения дефицита духовности и душевного тепла. Это лишний раз доказала и судебная тяжба. Стоило только судьям из Видного побывать в доме, и они не могли не вспомнить, что прежде всего они живые люди, а потом уж судебные чиновники. Этот дом — напоминание о лучшем, что есть в человеке. Его хозяин учил нас добру, благородству и сам жил так, как писал...

С домом Пастернака ситуация во многом схожа, но она еще более печальна. Двадцать три года здесь силами семьи все сохранялось в том виде, в каком было при жизни поэта. Все эти годы здесь тоже существовал музей на общественных началах, его посетили десятки тысяч людей. Он до сих пор упоминается во многих путеводителях мира. Ценность дома как памятника истории и культуры подтверждена заключением специалистов Гослитмузея.

Сегодня этого дома могло и не быть. После того, как три года назад родственников поэта «добровольно» выселили (сдерживаю себя, чтобы не пересказывать подробности этой некрасивой истории), дом пустовал. 4 февраля нынешнего года, за неделю до дня рождения поэта, в доме Пастернака случился пожар. Если бы мы приехали через десять минут, говорят пожарные, от дома осталось бы пепелище.

Причины пожара до сих пор не выяснены. Гореть начало под полом, в средней комнате первого этажа. Сторож, сотрудник Литмузея, хватился, когда уже стали чернеть балки чердака. Использовав все огнетушители, он бросился к соседям — звонить пожарным.

Поразительно, но это факт: в доме нет телефона. Несмотря на бесчисленные предписания пожарной инспекции. А если бы на соседней даче телефон был неисправным?.. Тогда и копья ломать было бы теперь нечего.

Выписка из протокола заседания президиума правления Литфонда СССР от 1 апреля 1987 года: «Переделкино — литературный памятник, имеющий непреходящую культурную значимость не только для нашего времени, но и для будущих поколений, поэтому его сохранность следует считать крайне важной общекультурной задачей». Комментарии излишни.

К дому Пастернака из разных концов земли приезжают поклониться не только любители поэзии. Сюда приходят, чтобы прикоснуться к тайне высокой одухотворенности. Загадочная глубина Пастернака привлекала многих при его жизни, многих и отталкивала. Эта загадка, ставшая почти легендой, влечет к себе людей и теперь.

Надо ли говорить, что музей поэта не был бы музеем одного Бориса Пастернака. Это был бы дом высокой духовности. Здесь бывали замечательные художники, прекрасные люди, они собирались не вокруг рюмки, а вокруг рукописи, вокруг рояля. Они жили особой жизнью, той, к которой мы сегодня вдруг почувствовали тягу. Может быть, мы не умеем пока оценить их значение для нашего времени?

На сегодня положение с двумя домами напоминает временное перемирие на фронте. Решение Мособлсуда от 25 апреля 1984 года о «выселении из дачевладения бывшего арендатора К. И. Чуковского» никто пока не отменял. В любое время кто-то где-то может об этом вспомнить, и тогда (цитирую последнее судебное предписание) «решение будет исполнено принудительно с участием представителя милиции».

В сентябре 1985 года секретариат правления Союза писателей СССР принял постановление «о создании на бывших дачах К. Чуковского и Б. Пастернака экспозиций, посвященных писателям, чья жизнь и творчество связаны с Переделкином». За два года ничего не сделано. Ничего.

И можно ли вообще ждать результата, если задумано свершить нечто искусственное? В одну телегу, говорят, впрячь не можно коня и трепетную лань.

Вот почему и не хочется упрекать сотрудников Гослитмузея, хотя прошло полтора года из тех двух лет, на которые Литфонд передал дом Пастернака в аренду Гослитмузею. Спасибо и за то, что сохранили сам дом.

Какие же аргументы у противников создания мемориальных музеев Чуковского и Пастернака? Говорят, что если создать два музея, то придется делать музеи и других выдающихся обитателей Переделкина. Но, простите, люди сами сделали выбор, они ходят именно к Пастернаку и Чуковскому.

Несколько лет назад вынесено совместное решение Министерства культуры СССР и Союза писателей о строительстве общего литературного музея в Переделкине, в экспозиции которого найдет отражение творческая деятельность каждого из живших здесь крупных писателей. Музей намечено построить в XIII пятилетке. Примерная его стоимость около шести миллионов.

Решение о создании литературного музея в Переделкине стало одним из поводов для исключения дома Чуковского из списка памятников истории и культуры, подлежащих охране государства. Логика такова: если, мол, будет общий музей, то незачем сохранять «отдельно взятые».

Следуя такой логике, надо закрывать и дом-музей А. Фадеева, и дом-музей К. Федина, и дом-музей К. Тренева и П. Павленко, а кстати, и дом-музей писателя А. Малышкина в Мокшане Пензенской области, ведь Малышкин тоже жил в Переделкине, в том самом доме, где потом поселился Пастернак.

Странная, простите, логика.

Нынче мы изо всех сил боремся с уравниловкой в экономике, поняв, что ничего хорошего нам она не принесла и не принесет. А уравниловка в культуре? Это уж совсем нелепость какая-то.

Допустим, что в конце XIII пятилетки в новое здание музея из кирпича и бетона мы сможем перенести из дома Чуковского подлинные работы Репина, Коровина, Грабаря, автографы Маяковского, Блока, Ахматовой, перенести мантию Почетного доктора литературы Оксфордского университета (Чуковский был третьим после Жуковского и Тургенева русским писателем, удостоенным этой чести); предположим, что в новое здание перенесут бывшие в доме Пастернака рояль прошлого века, на котором играли Рихтер и Нейгауз, книги с автографами Роллана, Горького, Неру, Рильке, Верхарна, Камю, Брехта, картины академика живописи Леонида Пастернака... Допустим.

Но как перенести туда дух? Я не о чем-то идеалистическом говорю, а о самом что ни на есть материальном понятии — о подлинности. О самом, вероятно, бесценном качестве наследия прошлого. С каждым годом мы все острее чувствуем нехватку безвозвратно потерянного. Никакая, даже самая филигранная техника подделки под старину не может нам заменить еще не до конца осознанного нами обаяния подлинника, ощущения неостывших следов...

Сейчас мы тратим немало усилий, собирая по кирпичику, по перышку, по буковке память о наших мастерах, недооцененных в прошлом. Многое мы уже никогда—никогда! — не сможем вернуть. Зачем же перекладывать на плечи потомков задачу, которая со временем может стать просто неразрешимой?

Да разве только о наследии Пастернака и Чуковского речь! Сколько сейчас, вот в эту минуту, уходит в небытие бесценных реликвий по вине равнодушных или просто малосведущих администраторов?

Мы только учимся демократии. Так давайте учиться все вместе. В защиту дома Пастернака и дома Чуковского выступали такие представители «демоса», как Белла Ахмадулина, Анастасия Цветаева, Новелла Матвеева, Майя Плисецкая, Нодар Думбадзе, Владимир Тендряков, Юрий Нагибин, Сергей Образцов, Аркадий Райкин, Ираклий Андроников, Арсений Тарковский, Валентин Катаев, Вениамин Каверин, Евгений Евтушенко, Юрий Черниченко, Святослав Рихтер, Петр Капица, Дмитрий Журавлев, Булат Окуджава... Выступали люди культуры социалистической, народной...

Только именитых перечислять — не хватит места, а сотни, тысячи не слишком известных или просто неизвестных людей: куда деть их возмущенные голоса? Проще всего не заметить, сделать вид, что все тихо-мирно. Долгое время на калитке дома Пастернака висела табличка: «Музей на реставрации». Но не было ни музея, ни реставрации. Зато возмущенные голоса поутихли: ага, что-то делается, значит, что-то будет. Теперь полтора уже года висит другая табличка, более дипломатично составленная: «Здесь будет музей». Когда он будет?..

Годы тянется вся эта история. Множество аргументов было высказано и «за», и «против». Те, кто против, часто говорят: а почему музей того же Пастернака должен быть именно в Переделкине? Вон, мол, у Федина музей на родине и у Фадеева тоже, хоть оба и жили в городке писателей не одно десятилетие. Значит, и музей Пастернака надо создать там, где он родился, в Москве. Тут можно много рассуждать, приведем мнение, которое нам кажется наиболее убедительным:

«В Комиссию по решению судьбы дачи Б. Л. Пастернака.

Дача Б. Л. Пастернака (кому бы юридически она ни принадлежала) должна быть сохранена как музей и музей именно Пастернака. Есть места жительства для писателя, поэта или художника более или менее случайные, а есть места, которые представляют собой как бы наглядный комментарий к творчеству. Дача Пастернака тесно связана с его поэзией. Упомяну цикл «На ранних поездах», цикл «Когда разгуляется», стихи к роману, стихотворение «Рождественская звезда» («Вдали было поле в снегу и погост, ограды, надгробья, оглобля в сугробе, и небо над кладбищем, полное звезд...»). Поэзия Пастернака чрезвычайно конкретна. Без этой конкретности ее иногда просто трудно понимать.

Исходя из всего сказанного и принимая во внимание растущий интерес к творчеству Пастернака у нас и за рубежом, прошу учесть мое настойчивое пожелание как председателя Советского фонда культуры сохранить дачу Пастернака как небольшой мемориальный музей Пастернака. В соседстве с музеем Чуковского эта дача будет небольшим культурным центром, пропагандирующим советскую поэзию.

Академик Д. Лихачев. 5 февраля 1987 г.».

На днях я встретился с председателем комиссии по литературному наследию поэта — с Андреем Вознесенским, вот что он сказал:

— У Бориса Пастернака было прозвище «гениальный дачник». Да, он был привязан к Переделкину. Здесь был его дом, не второй дом и не первый, а единственный, где он чувствовал себя на своем месте. Здесь он сам копал грядки, сажал кусты и деревья. Никого из писателей так не любили в Переделкине простые люди — ремонтники, шоферы, рабочие,— как Бориса Леонидовича. Поэта, равного ему, в Переделкине не было, как нет и сейчас, дай бог, чтобы скорее появился. Что еще очень важно. Как во многих стихах Пушкина можно найти пейзажи Михайловского, так стихи Пастернака полны примет Переделкина. Берег пруда, речка Сетунь, ручей, поле перед домом, церковь, которая тогда была видна из его окон,— все это не выдуманное, а списанное с натуры. Пастернак трудился и жил в Переделкине, и именно здесь должен быть его музей. На музей будет потрачена ничтожная сумма, особенно если соотнести ее с теми потерями, которые мы понесем, если откажемся от его создания. Нам очень сейчас не хватает культуры, интеллигентности. В быту, в отношениях, в спорах. Пастернак — это, можно сказать, символ интеллигентности, культуры, в том числе и в поведении, в быту. Он никогда не носил вульгарной одежды, никогда вульгарно не выражался. Он был скромен и корректен, он был, как хорошая музыка,— ничего лишнего. Вроде бы внешне он был как все, но одухотворенность, внутренний огонь его выделял из всех. Словом, это был человек глубокой духовности... Мы могли бы проводить у себя Пастернаковские чтения, на которые съезжались бы люди со всего света.

Выступая на Московском всемирном форуме в феврале нынешнего года, Вознесенский рассказал о предложении обратиться в ЮНЕСКО с идеей объявить 1990 год годом Пастернака. Его слова были встречены овацией. Так сотни выдающихся деятелей культуры всего мира выразили свое отношение к советскому поэту.

...В последнее время много думается о главной, может быть, нашей российской беде — о разобщенности. Особенно она сильна, по-моему, в сферах культурных и пуще того — в околокультурных. Что ни событие, то для многих непременно повод для распрей. Столько групп и группок, и каждая со своей доморощенной сверхзадачей, философией. Чуть что, один за другим кидаются обличать «иноверцев» во всех смертных грехах.

Неужели так трудно понять, что это деление сродни делению ядер при радиоактивном распаде? Распаде! А нам сейчас как никогда возрождать и возрождаться надобно.

Время переломилось, и сама судьба России требует забыть о былых склоках, обидах. Неужели не ясно каждому неглупому человеку, что сейчас без всеобщего единения ничего нам не изменить в нашей державе. Но нет! Снова и снова отыскиваем поводы для драчки, и жалим, и щучим, и все норовим исподтишка да побольнее, да и оглядываемся на «своих»: ну, как я их, а? Здорово?

Не здорово! Не здорово на костях добрых своих сынов затевать кухонный шабаш.

Сколько крови попорчено, сколько нервов истрепано, сколько энергии вхолостую пущено за все эти годы, что длятся тяжбы с домами Пастернака и Чуковского...

Помните у Толстого (может быть, самая великая его мысль): если сила плохих людей в том, что они вместе, то хорошим людям, чтобы стать силой, надо сделать то же самое. Эх, да что говорить! Все давно сказано, осталось — сущая ерунда! — сделать. Вот и внять бы нам наконец совету мудреца и все дела свои ставить на пользу единению и отвергать те затеи, что ведут к разладу.

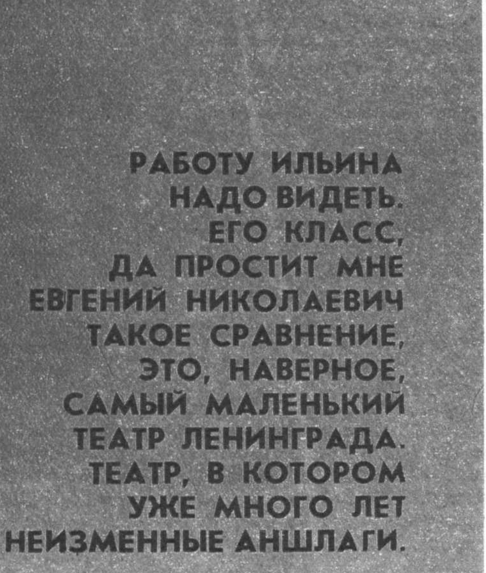
...Я вижу только один способ разрешить неблаговидный конфликт: два музея любимых наших поэтов должны быть сохранены. «Должны быть все-таки святыни!..»

И давайте не будем вспоминать взаимных упреков, обид, оскорблений. Мы должны учиться демократии. Мы только в начале долгого-долгого пути к совершенству.

«БЕЗ МЕНЯ Н

ЕТ ШКОЛЫ!»

РАБОТУ ИЛЬИНА НАДО ВИДЕТЬ. ЕГО КЛАСС, ДА ПРОСТИТ МНЕ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТАКОЕ СРАВНЕНИЕ, ЭТО, НАВЕРНОЕ, САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ТЕАТР ЛЕНИНГРАДА. ТЕАТР, В КОТОРОМ УЖЕ МНОГО ЛЕТ НЕИЗМЕННЫЕ АНШЛАГИ.

— Всякий среднестатистический школьник боится открытых уроков, и удивляться этому не приходится,— вспоминают недавние ученицы Ильина, студентки Е. Сидоренко и В. Мазо.—Когда в классе появляется лишнее лицо (необязательно ответственное), полагается в течение долгих 45 минут напряженно смотреть в лицо учителю, изображая на своем усердную работу мысли, не обмениваться информацией с соседом, не задавать вопросов и не отвечать на них без надобности — короче, не нарушать регламент. Да и педагог за подобные мероприятия расплачивается остатками нервов. Так что обе стороны предпочитают, чтобы учебно-воспитательный процесс осуществлялся при закрытых дверях.

Нам было значительно проще: открытые уроки не проводились вовсе, потому что каждый урок был открытым. Занятия начинались с операции по добыче стульев. Мы сидели по трое за партами, а как помещались взрослые, которых приходило порой до ста с лишним человек, вообще не понятно. Пожалуй, самыми любопытными были те моменты, когда, не выдержав, гости вступали в ожесточенный спор. Иногда такие импровизированные диспуты возникали стихийно, но чаще все же провоцировались Евгением Николаевичем, утверждавшим: «Каждый присутствующий на уроке является его участником».

— Ребята! Знаете, чем все это кончится? — сказал однажды Ильин.— Тем, что я встану перед вами на колени. За ваше терпение, великодушие. Но ведь мы не показываем себя, правда? Мы себя передаем.

О высочайшей энергии этой передачи трудно рассказать, ее, повторяю, надо почувствовать, самому окунувшись в атмосферу живых размышлений, споров, ошибок, озарений, превращающих уроки Ильина в удивительное действо коллективного творческого поиска подростков и взрослых. Так что большое спасибо Центральному телевидению, посвятившему ленинградскому учителю один из вечеров в Останкине.

Собираясь к Ильину, я приготовил множество вопросов, но, поднимаясь по высоким ступенькам, ведущим к подъезду его школы, вдруг услышал впереди: «Мама, а зачем идут люди в школу?» Мама остановилась, явно озадаченная, будущий первоклассник засмеялся, а я понял, что его простенький вроде бы вопрос стоит всех моих вместе взятых. Его я и задал.

Евгений ИЛЬИН: — Маленький человек приходит в школу за счастьем. Он ждет от нее праздника, встречи с необыкновенными, умными, добрыми людьми, и душа его доверчиво открыта. Посмотрите, внимательно посмотрите, каким прекрасным светом озарены детские лица. Этот свет в ликах Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете, так почему же, дарованный изначально почти каждому, он уходит? Исчезает еще в юности, в школе, задавленный грудой забот, которые добавляет каждый очередной класс.

Что происходит? Отчего тускнеет душа, часто невостребованными остаются богатейшие россыпи способностей, щедро отпущенные природой нашему детству?

Виновата школа? Очевидно. Но как легко бранить школу в целом, забывая, что она — совокупность личностей. Да, догмы и бюрократические цепи, сковавшие инициативу учителей, наделали много бед.

Зачем пришел в школу я? Был воспитателем в рабочем общежитии, профессиональным шофером, журналистом, чуть не защитил диссертацию. За что ни брался, везде вроде получалось неплохо. И везде чего-то не хватало. Лишь много позже понял — меня влекло к детям. В их мир, который добрее, гуманнее мира взрослых, который всегда тебя поддержит, поможет по-человечески состояться. Если только ты не просто учишь, но и учишься сам, не только воспитываешь, но и воспитываешься.

Сейчас наша профессия вдруг стала престижной. Благодаря прессе, телевидению, кино люди поняли, что учитель — это не серая мышка, это социально ответственное лицо, способное очень много сделать для общества.

Престиж — это, наверное, хорошо. Но и немножко опасно, из-за него в дверь школы могут постучаться опять-таки случайные люди. Как избежать их? Представляется перспективным эксперимент, начатый в свое время нашей школой, придумавшей, организовавшей педагогические классы.

Они заслуживают отдельного, подробного разговора, сейчас замечу только, что за два года учебы (9-й и 10-й классы) у ребят есть время разобраться: по плечу ли им будет избранная ноша?

Ну, а начинается все с вступительного экзамена, на котором бумаги абитуриента-восьмиклассника играют последнюю роль. Не в них мы смотрим, а на возможного коллегу, стараемся понять, что привело его к нам. Мы—это я, директор школы Федор Иванович Михайлов, старшеклассники, для которых собеседование — тоже своего рода педагогический тренаж. Причем демократия у нас полнейшая, бывает, что нам с директором новичок как-то не приглянулся, а ребята настаивают: «Надо принять». Принимаем и, что примечательно, оказываемся в выигрыше.

Сам же конкурс вроде как в театральном институте. Отбираем через игру, просим абитуриентов провести урок, доклад прочитать, смотрим, как ведут себя при этом, держатся. Или вот задание даем: представь, что Федор Иванович—«трудный» подросток, курит вовсю.

Помню, подходит к нему одна девчушка.

— Куришь?

— Курю.

— Давно?

— Со второго класса.

— Пачки на день хватает?

— Смотря когда. Если двойку получаю, не хватает.

А эта пигалица вдруг:

— Ну-ка встань, когда с тобой разговаривают.

И директор вскочил как миленький, тоже в роль вошел. Ну, как было не принять такую...

Оценки с нынешнего года ставим сразу три — за содержание беседы, ее форму, манеры; поступить, прямо скажу, не просто, но придирчивость наша вполне оправданна: те, кто прошел это сито, проверил себя двухлетней учебой, практикой, на личном опыте узнает вкус и соль профессии. Краснеть за них не приходится — отзывы об учебе наших питомцев в педагогическом институте имени Герцена, других вузах всегда самые похвальные.

Что советую выпускникам, уходящим в большое самостоятельное плавание? Собирая портфель, учитель должен твердить: без меня нет школы, я отвечаю не только за свою школу, за всю — как явление.

Живите отчаянно, не бойтесь перегрузок, риска, ошибок, сомнений. А главное — умейте сходить на урок к самому себе: и раз, и два, и три... Если я с урока ушел и ничего в свой блокнот не записал — не было урока. Самофиксация обязательна. Надо записывать все интересное, размышлять над этим, концентрировать, потом выращивать из собранного материала какие-то новые структуры. Побольше внимания, из внимания рождается учитель.

Только поймите верно, я говорю о психологии, а не о самолюбовании, самонадеянности. Педагог обязан быть уверенным в себе, зажигая класс своим внутренним огнем. Дети, как сухой торф: брось живую искру—будет пламя, бросишь обгорелую спичку — ничего не будет.

И не важно, что вы преподаете. Я всегда придерживался мнения, что учитель-предметник — это, в общем, половина учителя, что учитель тогда получается, когда он выходит за тесные рамки своего предмета в мир, в жизнь. Как говорил Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать» — к предмету так же важно приблизиться, как и отойти от него, чуть со стороны увидеть его потенциал, чтобы он стал не только инструментом каких-то знаний, но и инструментом широкой помощи человеку. Когда эта помощь есть, тогда получается все.

Я тридцать лет работаю в школе, мучаюсь проблемами своего предмета. И вот к какому парадоксальному выводу пришел: я не учитель литературы, хотя все, что делаю, я делаю через литературу. Я и не словесник. Я — учитель-духовник! Есть такое звание—учитель-духовник! Это, может быть, наивно звучит. Но в поэзии нужна страсть и страстно поднятый указующий перст. Это и есть формула урока литературы. Поднять страстно перст, указать на него, на себя, на другого, на третьего. Стой, остановись, задумайся и ты, и он, и все! Подумаем, как живем, что делаем... Вот что такое урок литературы, и все это через книгу.

Вопрос — как работать с ней. Ведь как чаще всего бывает: прочитал учитель книгу, потом книгу об этой книге, еще одну, сложил все в портфель и пошел «сеять разумное, доброе...» Сначала расскажет про идейное содержание, потом про художественные особенности, все расчленит, разжует, только глотай. А глотать-то не хочется, ученик перекормлен другой, развлекательной информацией, ему куда привычнее, милее телепередача, где думать не надо, только смотри. И сидит ученик, скучает вроде как одинокий месяц в зимнем небе, равнодушно наблюдает за попытками бедняги учителя силком втащить его в литературу.

А тащить-то не нужно! Нужно начинать не с книги, с него. Помню, как развеселились в Останкине, когда сказал: «Я сам себе интересен». А кто себе не интересен, поднимите руку. Ни в одном зале ни одна рука не поднимется вверх — не интересных самим себе людей нет, каждый мучается какими-то «проклятыми» или вечными философскими вопросами. И дети, разумеется, не исключение. Они начинают жизнь, для них она пока в основном из вопросов и состоит. Так кто же лучше всего ответит на них, как не Пушкин, Гоголь, Толстой, выстрадавшие истину. В каждой их книге есть своя светоносная страница, она, быть может, не так ярка, интересна, как соседняя, но для кого-то она самая драгоценная, потому что в ней ответ!

Начинать с ученика — это значит увидеть, почувствовать, что больше всего заботит его сейчас, а потом помочь отыскать заветную страницу. Это будет еще не шаг, шажок к литературе. Помоги сделать следующий и следующий, а там, глядишь, пойдет сам к книге, к литературе, к образованию как таковому. Убежден —

знание только тогда сила, когда в нем прорастает человек.

Меня иногда упрекают, мол, я беру на себя смелость утверждать, что Блока, Есенина можно изучить за 15—20 минут. Это, конечно, чушь, какой-то испорченный телефон. И мне, и любому другому не хватит и пятнадцати лет, чтобы вычерпать гения. Но вот увлечь им можно и за пятнадцать минут. Даже за десять. Вот недавно вызвали меня в роно, задержали, и я опоздал на урок. До звонка оставалось минут двенадцать, думал посидеть в учительской, но потом все-таки решил подняться в класс, тем более мне сказали, там много гостей из какого-то училища. Вошел, извинился, объяснил причину задержки, еще, помню, минуту-другую потерял, походил по классу, подумал. Ну вот, говорю, у нас сегодня Есенин. Помните у него: «Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок»? Как вы думаете, какая самая главная ошибка, сделанная Есениным? И занялось—шум, споры, на переменку ушли, что-то доказывая друг другу. Ушли к Есенину. А потом множество вариантов ответов, самым правильным из которых признали: «Какой скандал! Какой большой скандал! Я очутился в узком промежутке, ведь я мог дать не то, что дал, что мне давалось ради шутки». Что это? Это нечетко выбранная жизненная позиция. Как там у Маяковского: «Запела земли половина красную песню. Земли половина белую песню запела». Тут четкая линия, граница. А Есенин оказался в узком промежутке, он и со старой Русью, он и с новой. И душа пополам.

Так что время в принципе не имеет значения, важно, как мы его используем, какой посыл даем воображению, инициативе ученика. И не бойтесь парадоксов, неожиданных поворотов, более того, как можно дальше бегите от накатанных, истоптанных дорог, ищите свой путь, потому что в вашем классе ученики, каких нет в соседнем и каких у вас не будет завтра.

Литература — воспитатель нравственности. Хорошо ли она исполняет свою миссию? Хорошо ли трудимся мы — ее проводники? Думаю, нет. Помните, Гоголь говорит устами Чичикова: «Ах ты, мордашка эдакой». И сколько таких мордашечек видим мы и по сей день вокруг — гладеньких, хитреньких, готовых голосовать за что угодно, развернуть свои паруса под любой попутный ветер. Откуда они? Откуда угодно, но все оканчивали какую-то школу, а значит, выпестованы нами.

С младых ногтей человека надо очень жестко контролировать в нравственной сфере. На какой почве произрастают всевозможные мафиозные явления, расцветают пороки? На голой, деляческой основе. Человек проигнорировал нравственное начало в себе, а проигнорировал потому, что нравственности его школа не научила. Она всецело образовательная, то, что называется учебно-воспитательным процессом, это красивая такая пришлепочка, бледная, как татуировка на руке шолоховского Давыдова. Учебное у нас само по себе, а воспитательное — отдельно. Мы не контролируем основное; экзамены — это показатели знания, фактов, умения нарисовать какую-то формулу, схему. А какой ты сам по себе, каким румянцем загораешься, рассказывая про Павку Корчагина,— искренним, фальшивым?

Понимаю, трудно уследить за каждым ростком, если в классе их 30—40. Но опять невольно напрашивается сравнение с театром: всего один человек на сцене может заставить и 700 и 1000 в зале и плакать и смеяться, испытывать глубочайшее, очищающее душу потрясение.

Потому что на сцене личность. Для своих учеников вы обязаны быть такой личностью, а если не чувствуете в себе нравственных сил быть ею, нет в вас художественного начала, положите книгу, потому что все равно не справитесь с ней, уйдите из школы — так будет и честнее и полезнее всем.

Свобода — необходимое условие существования учителя и ученика, их успешного сотрудничества. Только бюрократ боится свободы, лишающей его необходимой опоры — всякого рода бумажек, отчетностей, ведомостей, регламентирующих, а по сути, парализующих творческую жизнь школы.

Школьный бюрократизм, если глубоко копнуть, начинается с отметки: в журнале, табеле, дневнике. Считаю, в начальных классах отметка вообще не нужна, она чаще всего баррикада на пути неопытного, доверчивого человечка, ждущего от школы только радости. А его первой двойкой, бах! Да ведь не наказанием, унижением — оценка должна быть той же радостью. Учился, учился—и вдруг праздник, первая оценка!

Вот, говорят, есть неуспевающие дети. Да нет таких, есть неуспевшие. Каждому школьнику надо дать право успеть, уложиться в свой индивидуальный темп. Это ведь как на спортивной дистанции: один развит, тренирован чуть получше — вырвался вперед, другой пока только разгоняется, отстает. Сколько учеников в классе, столько и темпов. Бегай, учись, старайся, оценку потом поставим, не надо с этим спешить. Когда успел, я поставлю ему четверку. И не в этом году, пусть в следующем. А мы как закалечим его попреками на первом же году, запугаем школой, и все—как 1 сентября, так в слезы, с ребятами после каникул увидеться рад, а на учителя-мучителя глаза бы не глядели.

А в старших классах отметки снова можно отменить. Вот ты, Танечка, и ты, Миша, с сегодняшнего дня будете учиться без них, я награждаю вас этим знаком доверия — отныне вы вне контроля, занимайтесь самостоятельно. Остальные пока этой награды не заслужили. И снова отметка—стимул!

Дайте ученику право учиться спокойно. В школе моделируется человек завтрашнего дня. Так начнем демократизацию общества со школы. Не нравится тебе тема сочинения— придумай свою. Не нравится эта книга—приди со своей, отведи на ней душу. Но почему ребята должны в срок сдавать те же сочинения? Вон у меня на столе который день лежит статья — уже все сроки прошли, а она не идет. Себе право отложить эту не поддающуюся пока работу я даю, а у школьника его отнимаю. Нечестно. И я разрешаю — не получается сочинение, потом сдашь. Снова не идет? Сдашь попозже. Опять неудача? Принесешь в следующем году.

И не надо гнаться за количеством прочитанных книг, исписанных листов бумаги. Лучше меньше, да лучше. Если ты хоть одну книгу прочитал, пережил, как Островский, «Овода», ты уже состоялся как Корчагин. А сочинения лучше писать на свободную тему: «Раз добро, два добро, три... а если не оценят? Какой смысл быть хорошим?» Думайте, мучайтесь. Тут ниоткуда не спишешь, модной цитаткой пустую мысль не подопрешь.

Кстати, предпочтительнее писать на листочках бумаги. Заметил: стоит школьнику дать тетрадь, да еще толстую, обернутую, появляется страх бумаги: это ж сколько исписать надо, где взять мысли. А когда говорю: ну, ребята, вырвите листочек — проблемы нет, сомнения не терзают: да что я, болван, что ли, уж на это меня хватит. И раскрепощается, освобождается от этой боязни бумажного пространства, исписывает лист, берет второй, третий, четвертый... соединяет скрепочкой и сдает... Мелочь вроде, а тоже проблему из нее устраивают: на листочках, дескать, несолидно, некрасиво, не положено.

А посмотрите, как проходят экзамены. Да упаси бог, чтобы кто-то из учителей встал, подошел, помог. Невозможно представить такое, это ведь сверхответственная контрольная! А я подхожу. Подойду и к тебе, и к тебе и подскажу. Но не примитивно, мол, здесь запятую поставь, а тут букву исправь. Нет, Саша, я бы здесь другое слово использовал, оно лучше работает, вслушайся сам. Для меня экзамен—это последний урок, когда еще можно что-то для ребят сделать. И они не испытывают привычного страха испытаний, пишут раскованно, весело, легко.

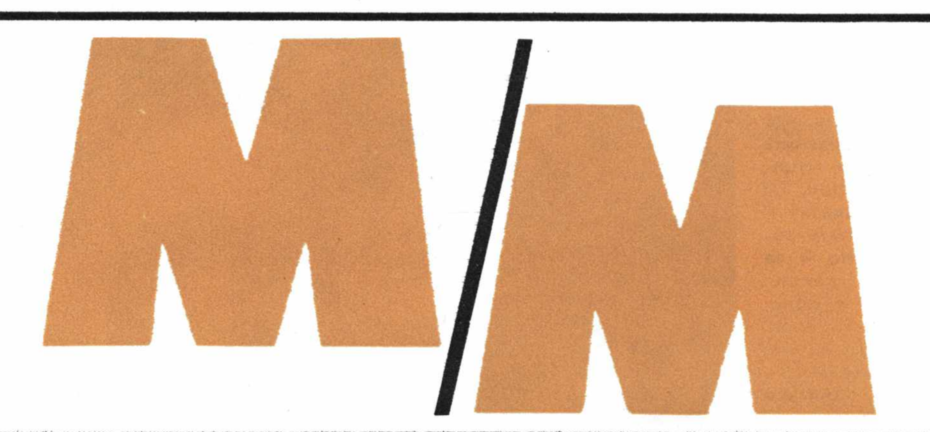
Вообще ничто в школьной жизни не должно вызывать этого унижающего любого человека чувства. Страх, а тем более наказание еще не исправляли никого, зато отвращали многих. Возьмите хотя бы вызовы родителей в школу. Ну что они дают, кому помогли? Чтобы школа и семья контактировали более тесно, разумно, мудро, думаю, один день в неделю дети и родители должны учиться вместе — одни учиться, другие доучиваться. Общеполезные темы найти нетрудно, скажем, взять такую: «Как воспитывали своих детей литературные герои?». Пусть слушают, размышляют, как воспитывали Простаковы, Головлевы, мать Татьяны Лариной. Подобные субботние уроки ребенка соединяют с родителями, родителей с учителем, помогают всем лучше понять друг друга.

Именно на этом взаимопонимании маленьких и взрослых должен держаться мир школы. Добрый, дарующий радость мир.

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
соб. корр. «Огонька».
Эдуард ЭТТИНГЕР
(фото)

**— А ЧТО ТЫ ВОЛНУЕШЬСЯ?
ОНИ ВСЕ РАВНО ПРОИГРАЮТ.
— И ТЫ ЗАРАНЕЕ СМИРИЛАСЬ?
ЭТО ЖЕ ТВОИ РЕБЯТА!
ЗНАМЕНИТЫЙ ТРЕНЕР ТАТЬЯНА ТАРАСОВА НЕОПРЕДЕЛЕННО ПОЖАЛА ПЛЕЧАМИ.
С ЭТОГО НАШЕГО РАЗГОВОРА В МОСКВЕ, В ЛУЖНИКАХ, НА ТРЕНИРОВОЧНОМ КАТКЕ «КРИСТАЛЛ», И НАЧАЛАСЬ ДЛЯ МЕНЯ ЭТА ИСТОРИЯ. ДЛЯ МЕНЯ, ПОТОМУ ЧТО ДЛЯ ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ ОНА ИМЕЛА И НАЧАЛО ИНОЕ, И ОКОНЧАНИЕ.**

Станислав ТОКАРЕВ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Это не жизнеописание. Скорее попытка разобраться и в том, что есть истинная загадочная спортивная жизнь, и почему моим героям не везло, да и за что я их так любил.

Бывают знаменитые чемпионы. Бывают незнаменитые. Знаменитые нечемпионы тоже бывают.

Одни имена в справочниках и только там. Другие — ни результата, ни даты не вспомнить, хоть убей, а лица, а движения, а радость, которую они нам дарили,— все при нас. Кто вот сейчас, вмиг, назовет рекордную сумму Юрия Власова? То-то. Феномен объяснить труднее, нежели проанализировать какие-то факторы: силу, скорость, техничность...

Моисеева и Миненков побеждали: дважды на чемпионате Европы, дважды на первенстве мира. Но запомнились проигравшими. Словно не к лицу им лавры и не в триумфах, а в поражениях смысл и того, что с ними случилось, и что совершили они: обреченное на сиюминутный неуспех обогатило фигурное катание.

Мало о ком так спорила публика, как о Моисеевой и Миненкове. Особенно в пору их восхождения. Их либо категорически принимали — со всеми недостатками техники (если Ира пугливо поднимала в танце плечо, значит, жди — споткнется), либо категорически отвергали. Середины не было. Во Франции печатно утверждали, что Моисеева — бывшая прима Большого. Там о них снят документальный фильм — полнометражный: одни танцы, больше ничего. Но многие считали пластику Ирины неестественной, деланной, раздражала даже надменность взгляда, проистекавшая, по правде сказать, от формы глаз: раек чуть-чуть прикрыт верхним веком. В жизни она чудилась недотрогой и ломакой, хотя принадлежала к прекрасной девчоночьей породе «своих парней». Внешность партнера принималась безоговорочно: этакий простой киногерой...

Что нам, зрителям, до того, хорош или плох характер актера, ворчлив или лучезарен, если он с успехом изображает на сцене и, скажем, ворчливого Панталоне и лучезарного Труффальдино? Что до того, общительна или нелюдима гимнастка, если от нее нам нужно 9,9.

Но тут-то и «зарыта собака».

Возможно, там, за кулисами, актер скачет до потолка после исполненного с блеском монолога или бьется головой о стенку, испортив его. Мы того не увидим. Спортсмен перед нами как бы одновременно и на сцене, и за кулисами. Робость и решимость, ликование и отчаяние — все на глазах. Ольгу Корбут полюбили за неудержимость детских слез — за трюки уже потом. В фигурном катании это обстоятельство сознательно используется: после катания спортсменов и тренеров усаживают в специальную декоративную выгородку, и телекамера следит, как они реагируют на оценки, как общаются. Мы знали и ждали, что сейчас Людмила Пахомова поцелует себе ладонь, дунет на нее и отчетливо произнесет «мама». А Юрий Овчинников прикоснется губами к обручальному кольцу...

Актер спортивной сцены выносит на сцену себя самого, рампа лишь укрупняет лучшие и худшие черты. Потому я и хочу рассказать, как прожили мои герои короткую спортивную жизнь, не только прокатались.

Идет сезон 1977/78 года. Моисеева и Миненков к этому моменту двукратные чемпионы Европы и мира. Впервые они поднялись на пьедестал, когда заболел Александр Горшков и наш непревзойденный дуэт был вынужден пропустить старт. Вскоре Пахомова и Горшков покинули спорт, М/М стали их наследниками. В сезоне, о котором речь, они уже победили на первенстве Европы в Страсбурге Наталью Линичук и Геннадия Карпоносова. Предстоит первенство мира в Оттаве.

Мне с ними ехать туда, я отправляюсь на одну из последних тренировок, где происходил разговор, о котором в самом начале: «Они все равно проиграют».

Почему, черт возьми, почему?

— А ты посмотри на них, — говорит Таня Тарасова. — Они же опять скандалят. Надоело хулиганство.

Они действительно опять поругались. Ира смотрит в одну сторону и стучит зубцами конька в лед, Андрей — в другую и громко возмущается: «Как об стенку горох!»

— Что в этом нового? — говорю я. — Сколько их знаю, они всегда скандалят.

Сейчас, когда я взялся наконец за это повествование, захотелось все же понять, была ли среди мелких и разных поводов одна и главная причина их размолвок на льду.

Татьяна Анатольевна Тарасова, как следует из ее книги «Четыре времени года», считает, что природная экспансивность учеников не вязалась с монотонной работой: они «считали себя исключительно творческими людьми, чтобы долго переживать одно и то же, а не создавать что-то выдающееся». Андрей говорит, что его всегда раздражал тогдашний неписаный закон спортивных танцев: партнер — это подставка, больше никакой роли он не достоин, блистать должна партнерша. «Я всегда просил, чтобы мне поставили свой кусочек, свой эпизод — нет и нет, твое дело стоять и ее поддерживать. Не захочешь, а заорешь». Ира формулирует конфликт так: «Между ним и мною разница в том, что он все наши отношения как бы пропускал сквозь призму дела. Я давно переключилась на другое, а он бубнит о деле. И дуется». Есть еще мнение, которое исходит из справедливого, в общем, тезиса, что всегда и во всем виноват тренер. Тарасова — сама человек захлестов и перехлестов: они кричат, она кричит, потом выгоняет их со льда — до следующего раза. Это вам не Тамара Москвина — крохотная, не видно из-за бортика, губы в ниточку: она тиха, но и у нее не покричишь. Так вот, вышеупомянутое мнение сводится к тому, что на определенном этапе и нашего наставника и наших наставляемых положение вещей подсознательно устраивало: они откричатся, и им легче, и ей,— придя на следующую тренировку с чувством все-таки вины, они шелковые будут.

Так что нечего было так-то уж особенно сетовать в вечер перед отъездом.

Что я напрямик и сказал.

— А помнишь...

И понеслось. Что-то бестолковое, очень женское, даже детское. Комок дурацких обид. Татьяна, понял я, донельзя раздерганна, растерянна. И это действовало на спортсменов. Действовало перед тем, как ехать защищать свои высшие в мире титулы.

Я позвонил Елене Матвеевне Матвеевой — она лежала с гриппом, с температурой 39,— сказал:

— Лена, приезжай на каток, спасай все дело.

Теперь самое время прервать течение сюжета и рассказать о Матвеевой: ведь она в творческой жизни Ирины и Андрея сыграла большую роль. Едва ли не основополагающую. Хотя и вошла в эту жизнь, когда оставалась последняя треть.

Лена — потомственная актриса: дед был солист императорских театров, драматический тенор, его Римский-Корсаков возил в Париж на дягилевские «русские сезоны». Отец — лирический тенор, пел Ленского и Левко в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Девочку отдали в балетную школу Большого, она танцевала от счастья на середине Петровки, напротив служебного входа, меж мчащихся машин. Она училась у Улановой. Ей прочили блестящую карьеру, помешала травма ноги, но все же она протанцевала солисткой балета Большого театра, что называется, «от звонка до звонка».

Подругу детских лет, Тарасова пригласила Матвееву к себе хореографом. Ира Моисеева вспоминает: «Все для нас изменилось, все в танце стало осмысленно, ничего лишнего, сам собой исчез перехлест, главным стало донести до зрителя сверхзадачу программы». Это, подчеркиваю, слова Иры, что важно, поскольку больше от сотрудничества получил Андрей.

Тарасова налетела на Матвееву вихрем. «Слушай, ты моих ребят знаешь, ты их помнишь? Ну, видела же, не можешь не помнить! У нас нет показательного танца, я хочу «Кармен» Бизе-Щедрина». «А девочка потянет? — с сомнением спросила Матвеева. — Учти, у меня Плисецкая перед глазами, такой уровень». «Она все потянет, а Андрюшке надо дать какое-то одно движение, чтобы он просолировал, и он будет доволен, что не «подставка», и будет учить. Ладно, Лен, ладно? Из постановки Алонсо что-нибудь возьми». «Нет, из Алонсо нельзя. Эта постановка связана с Майей, с ней и умрет. Если делать, то свое».

Послали за ребятами. Пришла Ира. Они были разные: партнерша смотрела открыто, доверчиво, партнер — с иронией, которой всегда маскировал сомнения и опасения. Ира схватывала все сразу, на лету — стиль, манеру; поведет головой, изогнет длинную свою удивительную руку... Еще не Кармен, но что-то проступило. Андрей вроде бы посмеивался: не проникся, не знал, получится ли. Ему нужно было больше информации, он, исподволь, примериваясь и прищуриваясь, докапывался до смысла любого жеста.

Потом Матвеева поняла, что если уж он понял, то выучил, а если выучил — забот с ним никаких. Ира могла позабыть, потерять оттенок, вообще оказаться не в настроении. Андрей — никогда.

Она помнила Танино: «Дай ему просолировать, и он будет доволен». Она видела перед собой юношу, но ей нужен был зрелый мужик — Хозе. «Возьми ее за плечо! Крепче, властней, энергичней! Нет, не то». В конце концов она нашла для них проезд, когда Ира скользит, припав на колено, а Андрей трижды коршуном взмывает над ней, и в этом некая мужская суть, «с б о й мужской».

В «Кармен» Андрей Миненков впервые — и первым из наших мужчин — мастеров танца на льду — исполнил самостоятельную и значительную партию.

Четыре минуты продолжается представление — впервые для показательного номера так долго. И каждый раз, когда в финале они разъезжаются, отдаляются, но мучительно — затылками, шеями, спинами — как бы магнетически притягиваются, не принимая потери и борясь, над нами нависает предощущение трагедии. И мурашки по спине.

Сколько же занял процесс постановки — неужели только три дня в Томске, на сборе? Потом Лена уехала отдыхать на месяц в Рузу, и спустя неделю примчалась Таня: «Что ты тут сидишь — ты ведь уже отдохнула!» И еще несколько дней, и непонятно, когда утро, когда вечер. За завтраком, обедом и ужином ребята брали столовые приборы жестами из «Кармен».

Потом Таня сказала: «Лена, я не могу теперь без тебя работать». И Лена не могла без нее и без ребят.

Много позже в своей книге «Четыре времени года» Т. А. Тарасова напишет: «Когда я ругала их или наказывала и они, оскорбленные, уезжали в угол катка, следом за ними туда отправлялась Лена успокаивать их. Она там разучивала с ними то, что им хотелось, или так, как им нравилось. Я считала подобные уступки антипедагогичными. В результате мы начали часто ссориться с Леной... Наши отношения зашли в тупик».

Тренеры любят учеников — как же иначе? Тарасова любит бесконечно и безоглядно. Ее группа, ее «тарасята» — это дети, от которых восторги, отчаяния, ворох забот, ночные бессонницы. Но она не умеет делить любовь поровну. Ее сердцу чаще близки не первые ученики, от которых вся слава: ее фаворитами становятся талантливые новички, счастье всегда не в зените, а на горизонте. Тех же, кто привык к вниманию, к опеке, потихоньку кусает «чудовище с зелеными глазами» — ревность. Как страдала в свое время щедро одаренная, уже знаменитая Татьяна Войтюк, как грызла она кулаки, что Татьяне Анатольевне вдруг причудился в ней лишний вес! А эти, долговязые, без году неделя мастера, могли скандалить, и хоть бы что. Войтюк не выдержала, ушла в балет на льду, пыталась увести и партнера, но верный Вячеслав Жигалин всегда знал свое место — безропотно сменил партнершу.

Так вот в сезоне 1977/78 года Таня всецело увлеклась задорным плясовым даром неизвестной рыжей веснушчатой одиночницы, ее ловким, бойким коньком и чертами, которые никто прежде не рассмотрел в одном опытном, но незадачливом танцоре; достоинством печального комика, вдумчивостью, скрытой глубиной чувств. Она их поставила в пару, осчастливила, они смотрели ей в рот. Так начинался путь Натальи Бестемьяновой и Андрея Букина.

Скандалисты, конечно, раздражали тренера больше, чем прежде.

«С начала этого сезона все что-то было не то, — говорил мне Миненков. — Я никогда не чувствовал себя таким старым. Мне двадцать четыре, а я как старик. Сперва морально — ничего не хочу. А уж потом и физически».

...Вернемся снова к сцене на катке «Кристалл». Позвонив Матвеевой и протрубив тревогу, я направился в другой ледовый зал, где вела тренерскую работу — через год после торжественных проводов из большого спорта — Людмила Пахомова.

Я пришел к ней затем, что подготовка к поездке на чемпионат мира неожиданно приобрела для меня несколько иной оборот. К возможной победе Моисеевой и Миненкова готовность была полная: знал, что писать, как и о чем. Возможная же победа Линичук и Карпоносова требовала предварительной подготовки: Гену я знал, как казалось, неплохо, Наташу мало — на первые роли она вышла недавно. Хотелось, чтобы Пахомова, тренировавшаяся вместе с ними у Е. А. Чайковской, их мне охарактеризовала.

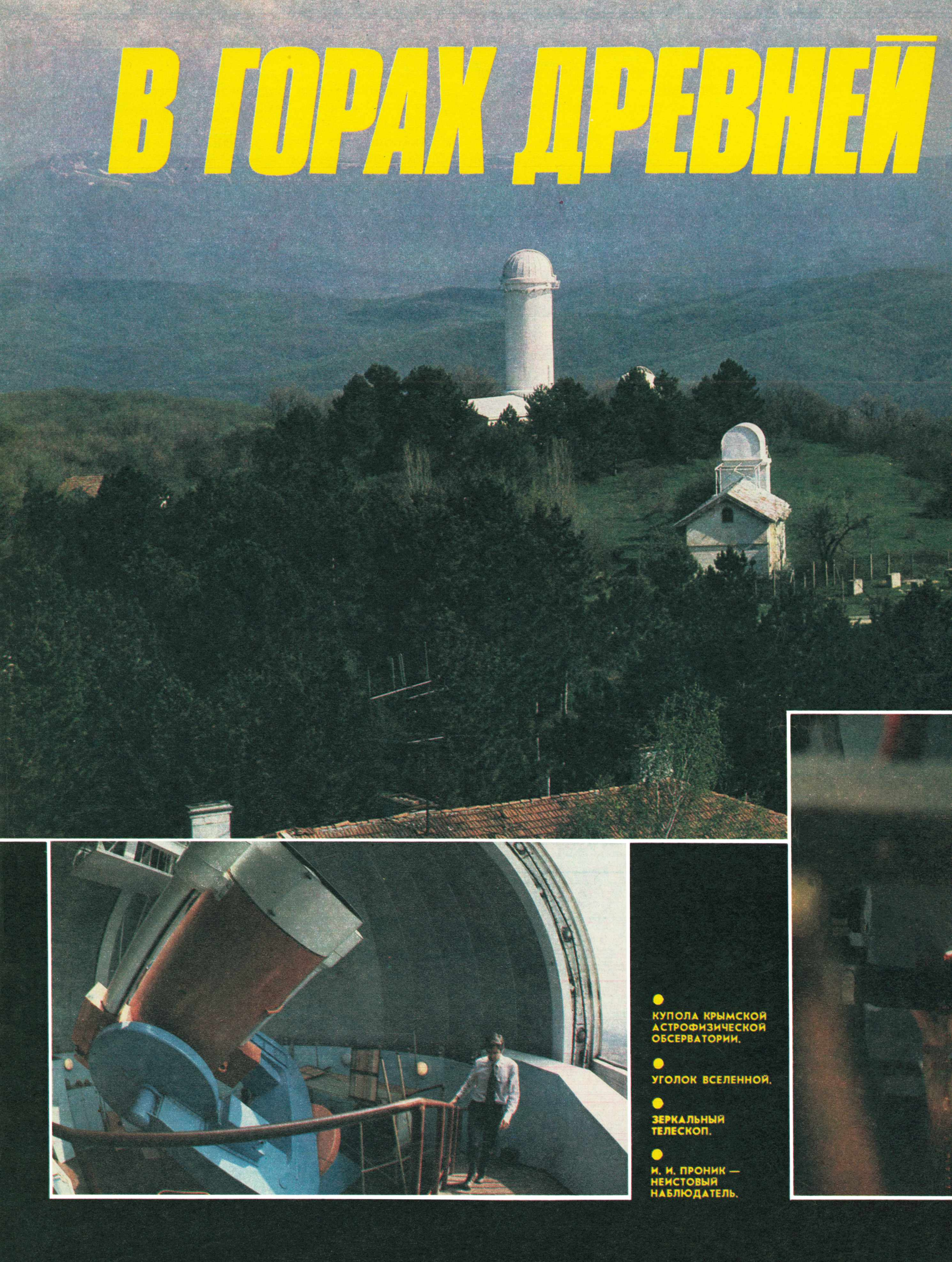
Собственно, в Гене неясностей особых не было: натура творческая, под-

Продолжение на стр. 17.

М/М — ТАК, ЧЕРЕЗ КОСУЮ ЧЕРТОЧКУ, Я ОБОЗНАЧАЛ ИХ ИМЕНА В РЕПОРТЕРСКОМ БЛОКНОТЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ. И РЯДОМ, В ДВА ЭТАЖА — ПО ДЕВЯТЬ КЛЕТОЧЕК, КУДА ПРЕДСТОЯЛО ПРОСТАВИТЬ СУДЕЙСКИЕ ОЦЕНКИ «ЗА ТЕХНИКУ ИСПОЛНЕНИЯ» И «ЗА ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ». Я ПИСАЛ В БЛОКНОТЕ И ДРУГИЕ БУКВЫ, АББРЕВИАТУРЫ ДРУГИХ ФАМИЛИЙ, НО КОГДА ЗАПОЛНЯЛ КЛЕТКИ ВОЗЛЕ ЭТИХ М/М (МОИСЕЕВА — МИНЕНКОВ), ПЕРО НАПРЯГАЛОСЬ И ИНОГДА РВАЛО БУМАГУ.

В ГОРАХ ДРЕВНЕЙ

● КУПОЛА КРЫМСКОЙ АСТРОФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

● УГОЛОК ВСЕЛЕННОЙ.

● ЗЕРКАЛЬНЫЙ ТЕЛЕСКОП.

● И. И. ПРОНИК — НЕИСТОВЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ТАВРИДЫ

Марат ЦЕБОЕВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Днем звездные телескопы спят, опустив стальные забрала куполов. С оператором Александром Тараном мы засветло подошли к «ЗТШ» — самому крупному телескопу в Крымской астрофизической обсерватории.

Задача оператора — «разбудить» телескоп и подготовить его к рабочей ночи. Саша, проверив энергооборудование, подключает нужные электроблоки на всех этажах башни. Шум моторов дает понять, что телескоп начинает «просыпаться»: вскоре и наблюдатель приходит — Анатолий Тарасов, молодой ученый. Уже раскрыты створки купола, виден клочок чистого темного неба. Телескоп напоминает гигантскую кинокамеру, укрепленную на мощном штативе.

Два года назад произошло событие, весьма значительное для крымских астрофизиков. В соответствии с двусторонней договоренностью ученых о сотрудничестве между Крымской обсерваторией и обсерваторией Хельсинкского универ-

● КУДА-ТО НАЦЕЛЯТСЯ АСТРОНОМЫ!

● В ПОИСКАХ НУЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ.

● В. А. КОТОВ: «ПЕРИОД ПУЛЬСАЦИИ СОЛНЦА — 160 МИНУТ».

ситета финские коллеги установили в спектрографе этого телескопа особый прибор — так называемую ПЗС-матрицу.

— Если зеркало — глаз телескопа, то матрица — его мозг,— говорит Анатолий Тарасов.— Новый прибор совершает коренные изменения в наблюдательной астрофизике.

...В подвале башни пятидесятидюймового, как его здесь называют, зеркального телескопа на бетонном полу одиноко лежит зеленоватого цвета метровое зеркало в железной оправе. Толщиной сантиметров

двадцать. Его и вдесятером не приподнять. На стеклянном монолите отчетливые следы пуль и осколков. Война!..

Об истории Крымской астрофизической обсерватории мне рассказывает кандидат физико-математических наук Татьяна Сергеевна Галкина, являющаяся секретарем парторганизации обсерватории.

— Вскоре после революции,—рассказывает Татьяна Сергеевна,— для нужд астрономии был заказан в Англии телескоп с зеркалом метрового диаметра. В 1926 году телескоп установили. Во время войны, когда фашисты пришли в Крым, телескоп был разбит. При отступлении немцы захватили оборудование с собой. В 1945 году советскими войсками был взят город, где были найдены остатки частей оборудования нашей обсерватории. В том числе и это поврежденное зеркало.

Многое в обсерватории связано с памятью тех героических лет. Взять хотя бы названия открытых крымскими астрофизиками малых планет. Например, под номером 1907 в международном каталоге обозначена планета «Руднева», посвященная Герою Советского Союза Евгении Максимовне Рудневой.

— Она могла бы, как и я,— скрывая волнение, говорит Галкина,— наблюдать звезды в ночном крымском небе. Женя и погибла в небе ночью, в Крыму. Хорошо знаю ее историю, потому что вместе учились на механико-математическом факультете МГУ в группе астрономии. Она старше была года на три. Стройная, светловолосая, с плеча спадала длинная коса. На III курсе у Жени уже были печатные работы по астрономии. Она очень любила звездное небо, знала все созвездия.

Когда началась война, студенты постоянно дежурили на крышах, гасили зажигательные бомбы. Женя Руднева вскоре добровольно поступила на курсы штурманов ночной бомбардировочной авиации в Энгельсе. Руководила курсами Марина Раскова. По окончании Женю назначили в 46-й авиационный полк ночных бомбардировщиков ПО-2. Так она попала в Крым не астрономом, а штурманом. И пришлось Жене за освобождение Крыма отдать самое дорогое — жизнь. В ночь на 9 апреля 1944 года старший лейтенант Евгения Руднева совершила свой 645-й боевой вылет и погибла. Ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Позднее, вернувшись в Москву, я зашел в Государственный астрономический институт имени П. К. Штернберга, где собраны документы о Рудневой. Под стеклянной витриной вырезка из журнала «Огонек» за 10 июля 1943 года. На фото запечатлена Е. Руднева, бывшая студентка 4-го курса астрономического факультета МГУ, перед вылетом на боевое задание.

— ...Влияет ли получение информации о явлениях во Вселенной на развитие народного хозяйства? — спросил я временно исполняющего обязанности директора обсерватории П. П. Петрова.

— Видите ли, астрофизика — наука не прикладная — фундаментальная. Поэтому нельзя рассчитать, когда наши исследования будут практически полезны: может, через десять лет, а может, через сто. Когда Фарадей и Максвелл занимались опытами с электричеством, над ними посмеивались, как над взрослыми чудаками, занимающимися детскими игрушками.

Считаю, что понимание устройства окружающего мира — это путь взросления человечества...

Вся космонавтика — детище астрономии. Первые космонавты приезжали в Крым, жили здесь, учились работать на тех приборах, которые впоследствии устанавливались на космических аппаратах. Гречко, Севастьянов, Рукавишников стали, по существу, коллегами астрофизиков. На луноходе был установлен фотометр, созданный здесь для изучения поверхности нашего естественного спутника.

Гордость ученых, инженеров и рабочих Крымской астрофизической обсерватории — созданный ими телескоп с диаметром зеркала 80 сантиметров, крупнейший в мире из выведенных на орбиту оптический прибор,— уже пятый год бороздит околоземные просторы на астрофизической станции «Астрон». Проведено более 500 сеансов связи, каждый из которых дарит науке по 80 тысяч ценных измерений. С помощью космического телескопа восемь месяцев велись наблюдения за кометой Галлея.

В поселке Крымской астрофизической обсерватории Научном, утопающем в зелени деревьев, я познакомился с гостем из США академиком Национальной Академии наук Джорджем Хербигом.

— Какие географические регионы вы считаете наиболее благоприятными для астрономических наблюдений? — спросил я ученого.

— Если опуститься на дно бассейна и взглянуть оттуда на Солнце, то оно покажется пятном, разбитым на отдельные блики. Мы смотрим на Вселенную как бы со дна бассейна сквозь колеблющуюся зеленую атмосферу. Поэтому чем выше над уровнем моря установлен телескоп, тем меньше помех для наблюдений. Наиболее благоприятные условия в этом отношении имеет обсерватория на Гавайях, расположенная на высоте 4200 метров. Но и здесь, в Крыму, условия для наблюдений отличные.

— Каков, на ваш взгляд, вклад советских астрофизиков в изучение Вселенной?

— Советские ученые являются лидерами во многих областях астрофизики — в изучении Солнца, галактик, малых планет.

Имена некоторых теоретиков известны всему миру. Это Виктор Амбарцумян, сделавший фундаментальный вклад в теорию эволюции звезд, Яков Зельдович, внесший большой вклад в космологию, Андрей Северный, умерший недавно директор этой обсерватории.

— Вопрос-фантазия: что бы вы сделали для астрофизики, став всемогущим чародеем?

— Если бы я был волшебником? — оживился мой 67-летний собеседник.— Я объяснил бы происхождение планетных систем в деталях. Пока не ясно, вокруг каких звезд планеты могут существовать, а вокруг каких не могут. Сорок лет посвятил я изучению этого вопроса...

Да, если бы я был волшебником, я решил бы неясные задачи астрофизики. Об этом, наверное, мечтают и мои коллеги здесь, в горах древней Тавриды.

●

Начало на стр. 16.

вижная. Начинал путь танцора в паре с Татьяной Войтюк, но она сломала ногу, и срочно была выбрана замена — Елена Жаркова. Уверен — да и знаю точно, — что Гена потом пожалел о торопливости: чудо как хорошо было бы нарядное катание яркой блондинки Войтюк и жгучего брюнета Карпоносова. И Аленку Жаркову жалко до слез: прилипла к ней тогда репутация «нетанцевальной», необаятельной. А дело просто в том, что Аленке было нужно больше внимания как партнерше. Чтобы смотрели на нее ласковым взглядом — не партнер, так хоть кто-нибудь с трибун. Хоть один человек. Тогда она расцветала. Это случалось не всегда. Она рано покинула лед. И умерла рано.

Что же такое была Наташа Линичук? От нее-то, бойкенькой и хорошенькой, уж не оторвать было глаз ни нам, ни партнеру. Людмила Алексеевна охарактеризовала ее как человека внутренне сильного и цельного, двужильно-трудоспособного, напористого, но гибкого во взаимоотношениях (знала в этом толк, сама была такая). Потом Пахомова «разложила по полочкам» все, чему надлежит случиться.

— Да, произойдет смена чемпионов. И это будет наша большая тактическая ошибка. В танцах, если первые и вторые призеры из одной страны, их местами не меняют.

Те, кто придет на смену, тоже продержатся недолго. Все, кто сегодня охотится за «золотом», все иностранцы у них хоть по разу, да выигрывали. Они не недосягаемы. И звание сильнейших в танцах мы потеряем надолго.

Она, как всегда, была дальновидна. Линичук и Карпоносов продержались на пьедестале меньше двух лет.

Вот, казалось бы, и перечислил я все факторы случившегося в Оттаве. Впрочем, не все — просто я тогда не соотнес одних событий с другими.

Ранней весной накануне года Оттавы наша сборная, как всегда, отправилась в турне по Сибири. И в Новокузнецке случилось сверхчрезвычайное происшествие. Заслуженные мастера спорта Владимир Ковалев и Геннадий Карпоносов катались пьяными.

Тем же вечером собралось комсомольское собрание сборной. Тем же вечером тренер провинившихся Е. А. Чайковская летела в Москву, чтобы попытаться предотвратить скандал.

Если честно, на Карпоносова это совсем, ну, совсем не похоже. Как говорится, затмение нашло. Хотя виноват — держи ответ. С Ковалевым дело обстояло иначе. Еще восемнадцатилетним юношей, став бронзовым призером первенства мира, он впервые угодил в вытрезвитель. Мне позвонил ночью домой мой главный редактор и распорядился подготовить резкий и острый материал. Каюсь, хотелось смягчить судьбу парня. Не попробовать ли просто помочь ему написать покаянное письмо в газету? Договариваюсь о свидании с его мамой. Она ахает, сокрушается, а потом говорит: «Знаете, когда Вова стал призером, мне позвонила приятельница и говорит: «Я тебя поздравляю, но по справедливости не я должна тебя поздравлять, тебя правительство должно поздравлять». Ковалев был дисквалифицирован на год, лишен звания мастера спорта международного класса. Его отдали на перевоспитание в группу Е. А. Чайковской.

Впрочем, вскоре снова попал в подобную же переделку. Об этом не узнали, Ковалева простили, потом он стал чемпионом мира и заслуженным мастером спорта СССР.

Итак, в Новокузнецке шло комсомольское собрание. Комсоргом был Андрей Миненков, членом бюро — Ирина Роднина, коммунист, человек несгибаемой принципиальности. Поступило предложение объявить строгие выговоры и ходатайствовать о лишении званий заслуженных мастеров. Простым голосованием не ограничились—каждый из комсомольцев должен был встать и сформулировать свою позицию.

Миненков, Роднина, Евгений Шеваловский, в недавнем прошлом известный фигурист, тогда инструктор ЦК ВЛКСМ, добились выполнения решения комсомольского собрания.

Забегая вперед, упомяну, что через несколько месяцев, став чемпионом мира, Геннадий Карпоносов был тотчас вновь удостоен утраченного звания и вместе с Линичук назначен (язык не поворачивается написать «избран») делегатом съезда ВЛКСМ.

Кто-то спросит меня, чего я сейчас-то от них хочу, чего добиваюсь, бередя раны: кто старое помянет, тому глаз вон. Но ведь народная мудрость дополняет пословицу: а кто забудет, тому оба.

Да если и хочу чего, то не от них.

Во-первых, чтобы не подвергались инфляции наши высокие спортивные звания. 22 июня 1934 года за подписями М. Калинина и А. Енукидзе было обнародовано Постановление ЦИК об учреждении этих званий и присуждении их спортсменам, которыми гордился наш народ. Это были футболисты Федор Селин, Николай Соколов, Михаил Бутусов, Владимир Вонег, Иван Привалов, Павел Батырев, легкоатлеты Мария Шаманова, Александр Демин, Алексей Максунов, Александр Маляев, Александр Безруков, конькобежцы Яков Мельников, Платон Ипполитов, Владимир Калинин, лыжник Дмитрий Васильев, пловец Александр Шумин, тяжелоатлет Александр Бухаров, стрелок Александр Рыжов, теннисист Евгений Кудрявцев, шахматист Петр Романовский.

С течением времени присуждение было доверено сугубо спортивному руководству и свелось к чистой автоматике. Общественное лицо, нравственные качества уже в расчет не принимались: даешь чемпионскую медаль — получи значок «змс» (уж и звание обратилось в коротенькую аббревиатуру). Обсуждений, коллегиальных решений сплошь и рядом не было — на моих глазах один председатель, этакий румяный жизнелюб, горстью выгребал из кармана лисьей доху заветные некогда знаки и генеральским жестом выдавал.

О званин-то мастера спорта СССР и говорить не приходится — оно обесценено. Люди моего поколения грезили изящным серебристым квадратиком. Потом пошло массовое перевыполнение плановых заданий, шумиха и приписки. Вспоминаю комический случай поимки одного из претендентов — в велогонке на шоссе. Для достижения нужной скорости его мотоциклист вез за собой на буксире — на капроновой рыболовной леске. На финише, как на грех, стоял судья в черном пальто, на фоне которого тайное стало явным.

Как следствие, в сдаче норм ГТО (мы когда-то гордо называли этот значок «физкультурным орденом») липа образовала настоящие джунгли. Если поднять сводки, у нас в стране теперь ни одного не готового к труду и обороне нет — ни старца, ни инвалида, ни новорожденного. В сельских районах Средней Азии, в тундре нет бассейнов для сдачи плавания — ништо, плывем!..

Вот к чему приводит профанация.

Но это не главное. Спортсмен, опозоривший честь комсомольца, получил мандат делегата комсомольского съезда. Ну, а если молодой человек ничтоже сумняшеся призывается заседать в одном из высших органов государственной власти? Рядом с тружениками заводов и шахт, науки, культуры и освоения космоса? И ведут его туда под мускулистые руки, хотя в нем пока ни знания жизни, ни опыта, он попросту общественно инфантилен.

Хороший был прыгун с шестом Костя Волков из Красноярска, рекордсмен мира, но, когда облисполкомовцев спрашивали, как он несет обязанности депутата Верховного Совета РСФСР, они отводили глаза.

Вернемся, однако, к весне 1978 года — чемпионату мира в Оттаве. Моисеева и Миненков понемногу проигрывали Линичук и Карпоносову, начиная с первого обязательного танца. В этом ничего неожиданного не было:

наши герои были слабоваты в ледовом черчении.

Моисеева и Миненков проигрывали, что называется, по делу и сами это понимали. Всегдашний, излюбленный довод Тарасовой был таков: «Наши козыри впереди, наш шанс — сэт и произвольный танец». Но и в сэте, пасодобле, они не могли не проиграть. Шикарны и роскошны были Линичук и Карпоносов — особенно он. Да, то был танец Геннадия: страстный, яростный, даже свирепый. Он то аффектированно отталкивал Наташу, то столь же аффектированно душил в объятиях. И вздымал, и вонзал воображаемые бандерильи.

Трибуны проводили их овациями. Они продолжали лидировать. Оставался произвольный танец.

Прошло еще несколько часов, и на лед вышли М/М. Им гулко и радостно зааплодировали. Татьяна перегнулась из-за бортика и что-то сказала. Верно, как всегда: «Ну, милые, поехали». Не думаю, чтобы очень-то бодро. Они взялись за руки и поехали.

Они катались хорошо. Наполненно, одухотворенно. Рукоплескания вспыхивали, гасли и вспыхивали вновь.

На табло времени было 3 минуты 52 секунды — шел финал. Андрей поднял Иру на руки: надо было проехать кружок и опуститься на колено. Всем ли, немногим или мне одному показалось, что слишком круто заложил он этот поворот? Нога подломилась, он припал ко льду, его еще несло, крутило, он пытался удержать Иру и не смог. Оба распластались на катке.

Музыка, собственно, кончилась, считать происшествие в танце или вне его, решали судьи.

В женской раздевалке валялась на пузе, била по полу ногами и вопила ленинградская девочка Наташа Стрелкова, одиночница, известная неприязнительной детской шуткой: «Вы слыхали? Нет, вы слыха-али?» — «Да что, что?» — «Вы слыхали, как поют дрозды?» Наташа, что делать, болела за Моисееву и Миненкова и вела себя крайне невоспитанно. Тарасова с опухшим от элениума лицом подняла ее за трусы и выгнала в коридор.

В мужской раздевалке Миненков снял конек и развалистым голосом сказал: «Что такое не везет». Снял другой: «И как с этим бороться». Карпоносов завел шнурок ботинка за последнюю блочку и встал. «Ни пуха»,— сказал Миненков. «К черту»,— ответил Карпоносов.

Вихрились, пенились их кружева, порхал литой черный полуфрак, сверкали коньки, как клинки, как в сече.

Диктор принялся перечислять первые оценки — за технику исполнения: аплодисменты заглушили его голос.

Елена Анатольевна Чайковская смотрела на табло, и ее лицо делалось все менее воинственным и гордым, все более умиротворенным.

На одной из бесчисленных встреч и вечеров в Оттаве Пахомова сказала мне:

— Нельзя вечно и безнаказанно испытывать терпение судей. Творческие эксперименты допустимы... и даже необходимы... пока ты идешь к вершине. Но когда взошел, приходится волей-неволей к чему-то приспосабливаться. Чем-то поступаться. Я ведь тоже наступила на горло собственной песне.

В 1972 году — в расцвете сил, блеске и славе, только-только захватившие лидерство в мировых танцах безраздельно и, казалось, навсегда — Людмила Пахомова и Александр Горшков ошеломляюще неожиданно проиграли танцорам из ФРГ Ангелике и Эрику Букам. Во всем были выше, недосягаемей — но проиграли. Судьи проявили известный консерватизм, усмотрев в некоторых па нарушение правил. И пусть на следующий же год Международная федерация узаконила все новации наших чемпионов и больше они никогда никому не проигрывали, Пахомова урок запомнила.

Впрочем, это урок и того, что и у великих слова порой расходятся с делами. Теоретически отстаивая благотворную умеренность, на практике Людмила Алексеевна ею не раз пренебрегала. Более того, когда выдающиеся танцоры нашего времени Джейн Торвилл — Кристофер Дин, именно взойдя на пьедестал, принялись крушить и ломать каноны и я спросил, что она о них думает, она воскликнула: «Думаю?! Разве тут можно *думать*? Экстаз!»

Но все это к слову. В нашем разговоре прозвучала другая, многозначительная фраза:

— На месте Тани я сменила бы им все. От стиля катания до прически Моисеевой.

Следующий — и последний — вечер чемпионата мира, казалось, потряс до основания кряжистый, ангароподобный дворец «Сивик сентер». Повидал я на веку триумфы, мгновенные и всеохватные взрывы зрительской страсти. Видал грозы любви, ливни возвышающих, очистительных слез. Так вознес когда-то Дортмунд юную Наташу Кучинскую, Мюнхен — Ольгу Корбут. Так во время показательных выступлений вознесла Оттава Ирину Моисееву и Андрея Миненкова.

В тот вечер Ирина Моисеева и Андрей Миненков исполнили свой триптих «Кармен», «Ромео и Джульетта», «Лебедь». О «Кармен» я уже рассказывал, хотя мог бы, кажется, говорить бесконечно. В интерпретации Шекспира и Чайковского меня покоряет эпизод, когда коньки словно сами разносят, разлучают, разрывают юные души, а руки тянутся друг к другу, мучительно тянутся и не достают. В финале герои застывают в полупадении, с ладонями, скрещенными: у него — на груди, у нее — на горле. Памятник любви, которая выше смерти.

Ставя миниатюру «Лебедь», Елена Матвеева исходила из того, что Сен-Санс вовсе не назвал ее «Умирающий лебедь». Уланова и Плисецкая приняли замысел Михаила Фокина, создавшего в начале века концертный номер для Анны Павловой. В блокноте Матвеевой записано — «*неумирающий* лебедь».

Музыка выбрана чуть замедленная, и замедленны, словно в рапиде, рукокрылые взмахи не человеческих — птичьих, белого лебедя, дланей, и других, что чуть жестче, мускулистей,—серого лебедя. Взгляды скрыты под ресницами, лица неподвижны, только струящаяся, певучая линия выражает природность любовной радости, любви-очищения.

Триптих Моисеевой, Миненкова и Матвеевой можно считать итогом их творчества. В нем все, что они поняли, ощутили и сумели сказать. Сила их искусства и — будем честны — относительная слабость их воли к одолению, подавлению чужих воль, нехватка упругой агрессивности, которая делает чемпионов. Тут уж — одно за счет другого.

Зима 1979 года, чемпионат Европы в Загребе. Мы с Ирой идем по Илице. Вчера вечером мы волновались, смогут ли они удержаться на втором месте (о первом и речи не было, Наташа и Геннадий стояли твердо). Они удержались — на ниточке. Ира низко надвинула капюшон на свою новую в этом сезоне, первую в жизни короткую прическу (не могу привыкнуть, что больше нет струящихся назад локонов, придававших лаконизм и законченность профилю девушки-лани). Теперь здесь знаменитую Моисееву узнают, но она болезненно стыдится быть узнанной — *проигравшая*. Она просит меня зайти в лавку сувениров и купить для нее брошку в форме пчелы. Бесконечно давно, тогда, в семьдесят третьем, она здесь купила такую брошку, та приносила удачу, потом потерялась. В лавке Иру непременно узнают, а в витрине серебрится плакат с их летящим силуэтом. Я открываю дверь, деликатно звякнувшую колокольцем, Ира скрывается в переулке.

В Москве на дне рождения Тарасовой Ира просит Лену Матвееву и меня выйти с ней на лестничную площадку. «Скажите честно — уходить нам к Пахомовой?» «Уходить»,— говорю я. «Уходить», — говорит Матвеева.

В Москве смотрим репортажи из Вены, с чемпионата мира. Моисеева и Миненков — третьи. Татьяна, глядя в камеру, одними губами произносит четко артикулированную фразу: «Ну вот и все».

Последний день апреля и сезона. Таня созывает друзей к себе на лед на контрольные прокаты. Это у нее своего рода генеральная репетиция премьер будущего года, атмосфера премьерная, приготовлены цветы. В зале звучит музыка Чарли Чаплина, вдохновенно выкидывают свои коленца рыжая Наташа, веснушки искрами, неутомимый Андрей Букин.

Моисеева и Миненков в дальнем углу катка что-то пробуют под чужую музыку, опять у них не клеится, опять они поругались. Татьяна вырубает звук и в тишине произносит: «Уходите!»

Тарасова, можно считать, сама отдала свою пару Пахомовой. Чем иных коллег привела в недоумение — опять непрактичностью своей, нелогичностью, неспособностью к житейской стратегии. Как, рассуждают они, должен вести себя специалист, если у него два дуэта, и одному приспело подниматься вверх, другому — время опускаться, чего он, естественно, не хочет, а намерен сражаться? Чтобы второй дуэт первому не мешал, его следует как раз держать при себе: держать и придерживать. А Тарасова — уже ведь не девочка! — понимает, что под руководством Пахомовой Моисеева и Миненков могут стать не только опасны Бестемьяновой и Букину — непобедимы могут еще стать. И тем не менее не поговорит, не уговорит... Ну, Тарасова!

Словом, переход состоялся. Ира, Андрей и Лена Матвеева, которая, конечно, не могла оставить ребят, были встречены с распростертыми объятиями. «Что такое конек, я узнала у Милы, — вспоминает Матвеева. — Смешно, но раньше я понятия не имела, что значит реберность скольжения. В день я делала для себя сто открытий. Приходит какая-то мысль, спрашиваешь: «Мила, а так можно?» — «Конечно, можно». — «А так можно?» — «Лена! Все можно. На коньке можно все». Мои идеи она проверяла сама — и так ловко в ногах, так *умелисто*, прелесть».

Это едва ли не лучший их год. Они не боялись, они стремились переделать себя. Пахомова ничего им не гарантировала, ей было чуждо тарасовское азартно-мечтательное: «Мы всем покажем, докажем, нам еще повезет». Пахомова всегда рассчитывала лишь на себя — не на везение, а что будет тяжко, но она, Пахомова, эту тяжесть одолеет. Этому и учила. В давние времена, юной спортсменкой, она осталась без тренера, который был и ее партнером, — он предпочел другую казавшуюся более перспективной. Все подружки искали ей нового партнера — молодых танцоров в ту пору можно было по пальцам сосчитать. Однажды она сказала: «Девочки, нашла. Вы должны его знать — Саня Горшков, красивый такой». Они переглянулись: никто не знал красивого Горшкова. Привела — мама моя родная! Сутулый, косолапый, тонконогий... И Людмила Пахомова взялась за работу. Сама — не тренер: еще и тренера-то не было. Прошло несколько лет, и перед нами предстал исполненный мужского достоинства, такта, нежности муж и отец, умелый, эффектный, но самоотреченно, влюбленно скромный партнер, чемпион.

Вот кем была Людмила Пахомова. Все как один сожалеют им когда-то перейти к Пахомовой. Один Александр Зайцев, простой и непосредственный, брякнул: «Вас хватит на год». Их хватило почти на два года.

Весной восемьдесят второго Людмила Алексеевна, остановясь на пороге катка «Кристалл», вдруг вернулась и предложила ребятам посидеть на лавочке.

Небо было синее, апрель всеми ручьями перетекал, всеми капелями стучался в май.

— Последнее время я очень плохо себя чувствую, — сказала Пахомова. — У меня остались молодые пары, и я обязана успеть. А с вами больше работать не могу.

Помолчала и добавила:

— Да и вам самим, думаю, пора заканчивать.

Что почувствовали они в тот миг? Ира, кажется, даже некоторое облегчение. Она мне признавалась, что в последние годы мечтала о такой идиллической картинке: муж тренируется, соревнуется, а она дома радостно и готовно стряпает для него. Она любит и умеет кулинарить, ее бабушка научила, а Андрей — несколько гурман...

Но он еще жаждал, чтобы пара выступала. Он был не сыт, только-только ощутил творческую зрелость...

Вечерами он бесконечно обсуждал по телефону с Еленой Матвеевой новые идеи. Днем они искали себе тренера. Такого, который смог бы предоставить им каток. Они, кажется, изумили своим предложением Чайковскую. Она сказала, что подумает, но не надумала: сочла нерациональным. Упросили Наталью Дубову: свой, спартаковский, лед она дать обещала, помогать в показательных танцах — тоже. Но не более.

Никто не верил, что Моисеева и Миненков вернутся на пьедестал.

Статный джентльмен и рыцарь Кристофер Дин со своей дамой, хрупкой леди Джейн Торвилл, третий год царил на мировом льду. Некогда они чувствовали себя маленькими и жалкими рядом с русскими чудодеями Моисеевой и Миненковым, в чем теперь с удовольствием признавались, но времена меняются. Все знали, что после Олимпиады-84 они уйдут в профессиональный балет, равно как и то, что им наследуют Наталья Бестемьянова и Андрей Букин.

На предсезонный сбор Андрей приехал один и сказал Елене Матвеевне, что у Иры будет ребенок.

Аленка была долгожданная. Но и это счастье, как многое другое в жизни, далось тяжко. С двадцатого дня беременности и до самых родов Ира безвыходно лежала на сохранении — под капельницей. Приходила бабушка, пересказывала рецепты новых, а также старых, позабытых прекрасных блюд. Девочка родилась здоровенькой, юный отец принялся бегать за бутылочками искусственного питания.

«Вот и все. Трудно было? Трудно. Хотелось бы чего-то другого? Да вроде нет. Все нормально. Ошибались? Ошибались. Но кто не бежит, тот не падает. Даже удивительно: сколько сил отдано, и ничего не жалко, никого не стыдно, так вроде, как должно быть. Были мы ветеранами... «листья желтые над городом кружатся...». Стали — зеленые почки. И нет чувства, что все закончилось, есть — что самое хорошее впереди».

Я записываю дословно, я не слышал прежде от Андрея такого пространного, откровенного, ничуть не присыпанного иронией монолога. Он сидит со мной за чаем, красивый парень, молодой ученый, работающий над диссертацией об анализе двигательной деятельности спортсменов с помощью ЭВМ. Он окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Посмеиваясь, дает понять, что и без него понятно: как ни старайся, но если спорт мешает учебе, бросай учебу. Из всех серьезных вузов чемпионы, будь они семи пядей во лбу, все равно выходят недоучками. Доучиваться надо сейчас. Он в лаборатории не тем поразил бывалых парней, что свободно читал на английском, но тем, что приблизительно представлял, с какой машиной надо объясняться на алголе, а с какой — на фортране.

Является Аленка и предъявляет права на отца. Ей четыре года, она изучает музыку и английский, вполне современная особа, а приведенная однажды на каток, заявила, что ей не нравится мама-тренер, и потребовала расшнуровать белые ботинки.

Ира три раза в неделю работает на стадионе Юных пионеров — с самыми маленькими. Кто-то опять забыл, что для выполнения «пистолетика» не грудку надо тянуть к ноге, а наоборот. У кого-то штаны мокрые (может человек задуматься?). Кто-то подъезжает пожаловаться, что Дениска опять толкается. «А ты дай ему в лоб»,— деловито, весело и вообще вполне спортивно советует тренер Ира, моя прежняя, вечная девчонка из самой лучшей девчачьей породы «своих парней».

Снег над открытым катком: на закрытый, в тепло и роскошь, мелюзгу пока не пускают. Скользят, тыркаются, падают. Встают — сперва на корточки, потом в рост.

1971 — 1987 гг.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Василий ГРОССМАН

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Василий Гроссман. Берлин. 1945 год.

Василий Гроссман прошел войну корреспондентом «Красной звезды» с отступления под Гомелем летом 1941 года до взятия Берлина. Всю Сталинградскую битву он провел вместе с защитниками города, он врос в их жизнь, он хорошо их знал — и генералов, и солдат, и офицеров.

«Жизнь и судьба» — итоговая книга большого мастера, который, честно глядя правде в глаза, рассказывает о суровой и героической жизни своей страны, ищет истоки тех бед и испытаний, которые выпали на долю советского народа. Время действия романа — Сталинградская битва. Первая часть романа вышла в 1952 году под названием «За правое дело». Горячо принятая читателями, она подверглась несправедливым нападкам в критике.

Судьба второй части трагична. В. Гроссман не знал, уцелел ли его роман. Лишь через много лет, когда писателя давно уже не было в живых, стало известно, что роман не уничтожен. Он увидит свет в ближайшее время в журнале «Октябрь».

В публикуемых главах, печатаемых с сокращениями, участвуют как исторические, так и вымышленные литературные герои. Во главе танкового корпуса, которому по приказу Верховного Главнокомандующего отводится в наступлении важная роль, стоит странная, на наш сегодняшний взгляд, группа военных.

Командует корпусом полковник Новиков. Под его началом два генерала — Неудобнов и Гетманов, оба не кадровые военные — один служил в госбезопасности, второй — партработник.

В конце 30-х годов армия была обезглавлена. Но уже через несколько месяцев войны негодных к делу командиров стали сменять способные, умеющие воевать, часто совсем молодые. Новиков — один из них.

Новиков проснулся задолго до рассвета. Волнение Новикова было настолько велико, что он не ощущал его.

— Чай будете пить, товарищ командир корпуса?— торжественно и вкрадчиво спросил Вершков.

— Да,— сказал Новиков,— скажи повару, пусть яичницу зажарит.

— Какую, товарищ полковник?

Новиков помолчал, задумался, и Вершкову показалось, что командир корпуса погрузился в размышления, не слышит вопроса.

— Глазунью,— сказал Новиков и посмотрел на часы.— Пойди к Гетманову, встал ли уже, через полчаса нам ехать.

Он, казалось ему, не думал о том, что через полтора часа начнется артиллерийская подготовка, о том, как небо загудит от сотен моторов штурмовиков и бомбардировщиков, о том, как поползут саперы резать проволоку и разминировать минные поля, как пехота, волоча пулеметы, побежит на туманные холмы, которые он столько раз разглядывал в стереотрубу. Он, казалось, не ощущал в этот час связи с Беловым, Макаровым, Карповым. Он, казалось, не думал о том, что накануне на северо-западе от Сталинграда советские танки, войдя в прорванный артиллерией и пехотой немецкий фронт, безостановочно двигались в сторону Калача и что через несколько часов его танки пойдут с юга навстречу идущим с севера, чтобы окружить армию Паулюса.

Он не думал о командующем фронтом и о том, что, быть может, Сталин завтра назовет имя Новикова в своем приказе. Он не думал о Евгении Николаевне, не вспоминал рассвета над Брестом, когда бежал к аэродрому и в небе светлел первый огонь зажженной немцами войны.

Но все то, о чем он не думал, было в нем.

Он думал: надеть ли новые сапоги с мягкой холявой или ехать в кожаных, не забыть бы портсигар; думал: опять, сукин сын, подал мне холодный чай; он ел яичницу и куском хлеба старательно снимал растопленное масло со сковороды.

Вершков доложил:

— Ваше приказание выполнено,— и тут же сказал осуждающе и доверительно: — Я автоматчика спрашиваю: «У себя?» Автоматчик мне отвечает: «А где ему быть, спит с бабой».

Автоматчик произнес более крепкое слово, нежели «баба», но Вершков не счел возможным произнести его в разговоре с командиром корпуса.

Новиков молчал, надавливая подушечкой пальца, собирал крошки со стола.

Вскоре вошел Гетманов.

— Чайку?— спросил Новиков.

Отрывистым голосом Гетманов сказал:

— Пора ехать, Петр Павлович, чаи да сахары, надо немца воевать.

«Ох, силен»,— подумал Вершков.

Новиков зашел в штабную половину дома, поговорил с Неудобновым о связи, о передаче приказов, поглядел на карту.

Полная обманной тишины мгла напомнила Новикову донбасское детство. Вот так казалось все спящим за несколько минут до того, как воздух заполнился сиренами и гудками и люди пойдут в сторону шахтных и заводских ворот. Но Петька Новиков, проснувшийся до гудка, знал, что сотни рук нащупывают в темноте портянки, сапоги, шлепают по полу босые бабьи ноги, погромыхивают посуда и печные чугуны.

— Вершков,— сказал Новиков,— подгони на НП мой танк, понадобится мне сегодня.

— Слушаюсь,— сказал Вершков.— Я в него все барахло погружу, и ваше, и комиссара.

— Какао не забудь положить,— сказал Гетманов.

На крыльцо вышел Неудобнов в шинели внакидку.

— Только что звонил генерал-лейтенант Толбухин, спрашивал, выехал ли комкор на НП.

Новиков кивнул, тронул водителя за плечо:

— Ехай, Харитонов.

Дорога вышла из улуса, оттолкнулась от последнего домика, вильнула, снова вильнула и легла строго на запад, пошла между белых пятен снега, сухого бурьяна.

Они проезжали мимо лощины, где сосредоточились танки первой бригады.

Вдруг Новиков сказал Харитонову: «Стой!»— и, соскочив с «виллиса», пошел к темневшим в полумраке боевым машинам.

Он шел, не заговаривая ни с кем, всматривался в лица людей.

Ему вспомнились виденные на днях на деревенской площади нестриженые ребята из пополнения. Действительно, дети, а в мире все направлено на то, чтобы они шли под огонь,— и разработки Генерального штаба, и приказ командующего фронтом, и тот приказ, который он отдаст через час командирам бригад, и те слова, что говорят им политработники, и те слова, что пишут в газетных статьях и стихах писатели. В бой, в бой! А на темном западе ждали лишь одного — бить по ним, кромсать их, давить их гусеницами.

«Свадьба будет!» Да, будет, без сладкого портвейна, без гармошки. «Горько!»— крикнет Новиков, и девятнадцатилетние женихи не отвернутся, честно поцелуют невест.

Новикову казалось, что он идет среди своих братишек, племяшей, сынишек соседей, и тысячи незримых баб, девчонок, старух смотрят.

Право посылать на смерть во время войны отвергают матери. Но и на войне встречаются люди, участники материнского подполья. Такие люди говорят: «Сиди, сиди, куда ты пойдешь, слышишь, как бьет. Подождут они там моего донесения, а ты лучше чайничек вскипяти». Такие люди рапортуют в телефон начальнику: «Слушаюсь, есть выдвинуть пулемет»,— и, положив трубку, говорят: «Куда там его без толку выдвигать, убьют же хорошего парня».

Новиков пошел в сторону своей машины. Лицо его стало хмурым и жестким, словно впитало в себя сырую тьму ноябрьского рассвета. Когда машина тронулась, Гетманов понимающе посмотрел на него и сказал:

— Знаешь, Петр Павлович, что я хочу сказать тебе именно сегодня: люблю я тебя, понимаешь, верю в тебя.

Тишина стояла плотно, безраздельно, и в мире, казалось, не было ни степи, ни тумана, ни Волги, одна лишь тишина. На темных тучах пролетела светлая быстрая рябь, а затем снова серый туман стал багровым, и вдруг громы обхватили и небо, и землю...

Ближние пушки и дальние пушки соединили свои голоса, а эхо прочило связь, ширило многосложное сплетение звуков, заполнявших весь гигантский куб боевого пространства.

Глинобитные домики дрожали, и комья глины отваливались от стен, беззвучно падали на пол, двери домов в степных деревнях сами собой стали открываться и закрываться, пошли трещины по молодому зеркалу озерного льда.

Вихляя тяжелым, полным шелкового волоса

хвостом, побежала лисица, а заяц бежал не от нее, а вслед ей; поднялись в воздух, маша тяжелыми крыльями, соединенные, быть может, впервые вместе, хищники дня и хищники ночи... Кое-кто из сусликов спросонок выскочил из норы, как выбегают из горящих изб сонные, взлохмаченные дядьки.

Вероятно, сырой утренний воздух на огневых позициях стал теплей на градус от прикосновения к тысячам горячих артиллерийских стволов.

С передового наблюдательного пункта были ясно видны разрывы советских снарядов, вращение маслянистого черного и желтого дыма, россыпи земли и грязного снега, молочная белизна стального огня.

Артиллерия замолкла. Дымовая туча медленно смешивала свои обезвоженные, жаркие космы с холодной влагой степного тумана.

И тут же небо заполнилось новым звуком, урчащим, тугим, широким — на запад шли советские самолеты. Их гудение, звон, рев делали ощутимой, осязаемой многоэтажную высоту облачного слепого неба, бронированные штурмовики и истребители шли, прижатые к земле низкими облаками, а в облаках и над облаками ревели басами невидимые бомбардировщики.

Немцы в небе над Брестом, русское небо над приволжской степью.

Новиков не думал об этом, не вспоминал, не сравнивал. То, что переживал он, было значительней воспоминания, сравнения, мысли.

Стало тихо. Люди, ожидавшие тишины, чтобы подать сигнал атаки, и люди, готовые по сигналу кинуться в сторону румынских позиций, на миг захлебнулись в тишине.

В тишине, подобной немому и мутному архейскому морю, в эти секунды определялась точка перегиба кривой человечества. Как хорошо, какое счастье участвовать в решающей битве за Родину! Как томительно, ужасно подняться перед смертью в рост, не хорониться от смерти, бежать ей навстречу. Как страшно погибнуть молоденьким. Жить-то, жить хочется. Нет в мире желаний сильней, чем желание сохранить молодую, так мало жившую жизнь. Это желание не в мыслях, оно сильнее мысли, оно в дыхании, в ноздрях, оно в глазах, в мышцах, в гемоглобине крови, жадно пожирающем кислород. Оно настолько громадно, что ни с чем не сравнимо, его нельзя измерить. Страшно. Страшно перед атакой.

Гетманов шумно и глубоко вздохнул, посмотрел на Новикова, на полевой телефон, на радиопередатчик.

Лицо Новикова удивило Гетманова — оно было не тем, каким знал его Гетманов за все эти месяцы, а знал он его разным: в гневе, в заботе, в надменности, веселым и хмурым.

Неподавленные румынские батареи одна за другой ожили, били беглым огнем из глубины в сторону переднего края. Открыли огонь по земным целям мощные зенитные орудия.

— Петр Павлович,— сильно волнуясь, сказал Гетманов,— время! Где пьют, там и льют.

Необходимость жертвовать людьми ради дела всегда казалась ему естественной, неоспоримой не только во время войны.

Но Новиков медлил, он приказал соединить себя с командиром тяжелого артиллерийского полка Лопатиным, чьи калибры только что работали по намеченной оси движения танков.

— Смотри, Петр Павлович, Толбухин тебя съест.— И Гетманов показал на свои ручные часы.

Новиков самому себе, не только Гетманову, не хотел признаться в стыдном, смешном чувстве.

— Машин много потеряем, машин жалко,— сказал он.— «Тридцатьчетверки» — красавицы, а тут вопрос нескольких минут, подавим зенитные и противотанковые батареи, они как на ладони у нас.

Степь дымилась перед ним; не отрываясь, смотрели на него люди, стоявшие рядом с ним в окопчике; командиры танковых бригад ожидали его радиоприказа.

Он был охвачен своей ремесленной полковничьей страстью к войне, его грубое честолюбие трепетало от напряжения, и Гетманов понукал его, и он боялся начальства.

И он отлично знал, что сказанные им Лопатину слова не будут изучать в историческом отделе Генерального штаба, не вызовут похвалы Сталина и Жукова, не приблизят желаемого им ордена Суворова.

Есть право большее, чем право посылать, не задумываясь, на смерть,— право задуматься, посылая на смерть. Новиков исполнил эту ответственность.

В Кремле Сталин ждал донесения командующего Сталинградским фронтом.

Он посмотрел на часы; артиллерийская подготовка только что кончилась, пехота пошла, подвижные части готовились пойти в прорыв, прорубленный артиллерией. Самолеты воздушной армии бомбили тылы, дороги, аэродромы.

Десять минут назад он говорил с Ватутиным — продвижение танковых и кавалерийских частей Юго-Западного фронта превысило плановые предположения.

Он взял в руку карандаш, посмотрел на молчавший телефон. Ему хотелось пометить на карте начавшееся движение южной клешни. Но суеверное чувство заставило его положить карандаш. Он ясно чувствовал, что Гитлер в эти минуты думает о нем и знает, что и он думает о Гитлере.

Черчилль и Рузвельт верили ему, но он понимал, их вера не была полной. Они раздражали его тем, что охотно совещались с ним, но прежде, чем советоваться с ним, договорились между собой.

Они знали: война проходит и уходит, а политика остается. Они восхищались его логикой, знаниями, ясностью его мысли и злили тем, что все же видели в нем азиатского владыку, а не европейского лидера.

Неожиданно ему вспомнились безжалостно умные, презрительно прищуренные, режущие глаза Троцкого, и впервые он пожалел, что того нет в живых: пусть бы узнал о сегодняшнем дне.

Он чувствовал себя счастливым, физически крепким, не было противного свинцового вкуса во рту, не щемило сердце. Для него чувство жизни слилось с чувством силы. С первых дней войны Сталин ощущал чувство физической тоски. Оно не оставляло его, когда перед ним, видя его гнев, помертвев, вытягивались маршалы и когда людские тысячи, стоя, приветствовали его в Большом театре. Ему все время казалось, что люди, окружающие его, тайно посмеиваются, вспоминая его растерянность летом 1941 года.

Однажды в присутствии Молотова он схватился за голову и бормотал: «Что делать... что делать...» На заседании Государственного Комитета Обороны у него сорвался голос, все потупились. Он несколько раз отдавал бессмысленные распоряжения и видел, что всем очевидна эта бессмысленность... 3 июля, начиная свое выступление по радио, он волновался, пил боржом, и в эфир передали его волнение... Жуков в конце июня грубо возражал ему, и он на миг смутился, сказал: «Делайте, как знаете». Иногда ему хотелось уступить погубленным в тридцать седьмом году Рыкову, Каменеву, Бухарину ответственность, пусть руководят армией, страной.

У него иногда возникало ужасное чувство: побеждали на полях сражений не только сегодняшние его враги. Ему представлялось, что следом за танками Гитлера в пыли, дыму шли все те, кого он, казалось, навек покарал, усмирил, успокоил. Они лезли из тундры, взрывали сомкнувшуюся над ними вечную мерзлоту, рвали колючую проволоку. Эшелоны, груженные воскресшими, шли с Колымы, из республики Коми. Деревенские бабы, дети выходили из земли со страшными, скорбными, изможденными лицами, шли, шли, искали его беззлобными, печальными глазами. Он, как никто, знал, что не только история судит побежденных.

Берия бывал минутами невыносим ему, потому что Берия, видимо, понимал его мысли.

Все это нехорошее, слабое длилось недолго, несколько дней, все это прорывалось минутами.

Но чувство подавленности не оставляло его, тревожила изжога, болел затылок, иногда случались пугающие головокружения.

Он снова посмотрел на телефон, время Еременко доложить о движении танков.

Пришел час его силы. В эти минуты решалась судьба основанного Лениным государства, централизованная разумная сила партии получала возможность осуществить себя в строительстве огромных заводов, в создании атомных станций и термоядерных установок, реактивных и турбовинтовых самолетов, космических и трансконтинентальных ракет, высотных зданий, дворцов науки, новых каналов, морей, в создании заполярных шоссейных дорог и городов.

Решалась судьба оккупированных Гитлером Франции и Бельгии, Италии, скандинавских и балканских государств, произносился смертный приговор Освенциму, Бухенвальду и Моабитскому застенку, готовились распахнуться ворота девятисот созданных нацистами концентрационных и трудовых лагерей.

Решалась судьба немцев-военнопленных, которые пойдут в Сибирь. Решалась судьба советских военнопленных в гитлеровских лагерях, которым воля Сталина определила разделить после освобождения сибирскую судьбу немецких пленных. <...>Решалась судьба Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии.

Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки.

Сталин волновался. В этот час будущая сила государства сливалась с его волей.

Его величие, его гений не существовали в нем самом, независимо от величины государства и вооруженных сил. Написанные им книги, его ученые труды, его философия значили, становились предметом изучения и восхищения для миллионов людей лишь тогда, когда государство побеждало.

Его соединили с Еременко.

— Ну, что там у тебя? — не здороваясь, спросил Сталин.— Пошли танки?

Еременко, услыша раздраженный голос Сталина, быстро потушил папиросу.

— Нет, товарищ Сталин, Толбухин заканчивает артподготовку. Пехота очистила передний край. Танки в прорыв еще не вошли.

Сталин внятно выругался матерными словами и положил трубку.

Еременко снова закурил и позвонил командующему пятьдесят первой армией.

— Почему танки до сих пор не пошли?— спросил он.

Толбухин, одной рукой держа телефонную трубку, второй вытирал большим платком пот, выступивший на груди. Китель его был расстегнут, из раскрытого ворота белоснежной рубахи выступали тяжелые жировые складки у основания шеи.

Преодолевая одышку, он ответил с неторопливостью очень толстого человека, который не только умом, но всем телом понимает, что волноваться ему нельзя:

— Мне сейчас доложил командир танкового корпуса, по намеченной оси движения танков остались неподавленные артиллерийские батареи противника. Он просил несколько минут, чтобы подавить оставшиеся батареи артиллерийским огнем.

— Отменить!— резко сказал Еременко.— Немедленно пустите танки! Через три минуты доложите мне.

— Слушаюсь,— сказал Толбухин.

Еременко хотел обругать Толбухина, но неожиданно спросил:

— Что так тяжело дышите, больны?

— Нет, я здоров, Андрей Иванович, я позавтракал.

— Действуйте,— сказал Еременко и, положив трубку, проговорил: — Позавтракал, дышать не может,— и выругался длинно, фигурно.

Когда на командном пункте танкового корпуса зазуммерил телефон, плохо слышный из-за вновь начавшей действовать артиллерии, Новиков понял, что командующий армией сейчас потребует немедленного ввода танков в прорыв.

Выслушав Толбухина, он подумал: «Как в воду глядел»,— и сказал:

— Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант, будет исполнено.

После этого он усмехнулся в сторону Гетманова.

— Еще минуты четыре пострелять все же надо.

Через три минуты вновь позвонил Толбухин, на этот раз он не задыхался.

— Вы, товарищ полковник, шутите? Почему я слышу артиллерийскую стрельбу? Выполняйте приказ!

Новиков приказал телефонисту соединить себя с командиром артиллерийского полка Лопатиным. Он слышал голос Лопатина, но молчал, смотрел на движение секундной стрелки, выжидал намеченный срок.

— Ох, и силен наш отец!— сказал с искренним восхищением Гетманов.

А еще через минуту, когда смолкла артиллерийская стрельба, Новиков надел радионаушники, вызвал командира танковой бригады, первой идущей в прорыв.

— Белов!— сказал он.

— Слушаюсь, товарищ командир корпуса.

Новиков, скривив рот, крикнул пьяным, бешеным голосом:

— Белов, жарь!

Туман стал гуще от голубого дыма, воздух гудел от рева моторов, корпус вошел в прорыв.

* * *

Цели русского наступления стали очевидны для немецкого командования группы армий «Б», когда на рассвете двадцатого ноября загремела артиллерия в калмыцкой степи и ударные части Сталинградского фронта, расположенные южнее Сталинграда, перешли в наступление против четвертой румынской армии, стоявшей на правом фланге Паулюса.

Танковый корпус, действовавший на левом, заходящем фланге ударной советской группировки, вошел в прорыв между озерами Цаца и Бар-

Рисунок
Петра ПИНКИСЕВИЧА

манцак, устремился на северо-запад по направлению к Калачу, навстречу танковым и кавалерийским корпусам Донского и Юго-Западного фронтов.

Во второй половине дня, двадцатого ноября, наступавшая от Серафимовича группировка вышла севернее Суровикино, создав угрозу для коммуникаций армии Паулюса.

Но шестая армия еще не чувствовала угрозы окружения. В шесть часов вечера штаб Паулюса сообщил командующему группы армий «Б» генерал-полковнику барону фон Вейхсу, что на 20 ноября в Сталинграде намечается продолжить действия разведывательных подразделений.

Вечером Паулюс получил приказ фон Вейхса прекратить все наступательные операции в Сталинграде и, выделив крупные танковые, пехотные соединения и противотанковые средства, сосредоточить их поэшелонно за своим левым флангом для нанесения удара в северо-западном направлении.

Этот полученный Паулюсом в десять часов вечера приказ знаменовал собой окончание немецкого наступления в Сталинграде.

Стремительный ход событий лишил значения и этот приказ.

21 ноября ударные советские группировки, рвавшиеся от Клетской и Серафимовича, повернули по отношению к своему прежнему направлению на 90 градусов и, соединившись, двигались к Дону в районе Калача и севернее его, прямо в тыл Сталинградского фронта немцев.

В этот день 40 советских танков появились на высоком, западном берегу Дона, в нескольких километрах от Голубинской, где находился командный пункт армии Паулюса. Другая группа танков с ходу захватила мост через Дон,— охрана моста приняла советскую танковую часть за учебный отряд, оснащенный трофейными танками, часто пользовавшийся этим мостом. Советские танки вошли в Калач. Намечалось окружение двух немецких сталинградских армий — шестой Паулюса, четвертой танковой Гота. Для защиты Сталинграда с тыла одна из лучших боевых частей Паулюса, 384-я пехотная дивизия, заняла оборону, повернувшись фронтом на северо-запад.

А в это же время наступавшие с юга войска Еременко смяли двадцать девятую немецкую моторизованную дивизию, разбили шестой румынский армейский корпус, двигались между реками Червленная и Донская Царица к железной дороге Калач — Сталинград.

В сумерках танки Новикова подошли к сильно укрепленному узлу сопротивления румын.

Но на этот раз Новиков не стал медлить. Он не использовал ночной темноты для скрытого, тайного сосредоточения танков перед атакой.

По приказу Новикова все машины, не только танки, но и самоходные пушки, и бронетранспортеры, и грузовики с мотопехотой, внезапно включили полный свет.

Сотни ярких, слепящих фар взломали тьму. Огромная масса машин мчалась из степной тьмы, оглушая ревом, пушечной стрельбой, пулеметными очередями, слепя кинжальным светом, парализуя румынскую оборону, вызывая панику.

После короткого боя танки продолжали движение.

22 ноября, в первой половине дня, шедшие из калмыцких степей советские танки ворвались в Бузиновку. Вечером восточнее Калача, в тылу двух немецких армий, Паулюса и Гота, произошла встреча передовых советских танковых подразделений, шедших с юга и севера. К 23 ноября стрелковые соединения, выдвигаясь к реке Чир и Аксай, надежно обеспечили внешние фланги ударных группировок.

Задача, поставленная перед войсками Верховным Главнокомандованием, Красной Армией была решена,— окружение сталинградской группировки немцев завершилось в течение ста часов.

Каков был дальнейший ход событий? Что определило его? Чья человеческая воля выразила рок истории?

22 ноября в шесть часов вечера Паулюс передал по радио в штаб группы армий «Б»:

«Армия окружена. Вся долина реки Царица, железная дорога от Советской до Калача, мост через Дон в этом районе, высоты на западном берегу реки, несмотря на героическое сопротивление, перешли в руки русских... положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на шесть дней. Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может принудить тогда оставить Сталинград и северный участок фронта...»

В ночь на 22 ноября Паулюс получил приказ Гитлера именовать занимаемый его армией район — «Сталинградская крепость».

Предыдущий приказ был: «Командующему армией со штабом направиться в Сталинград. 6-й армии занять круговую оборону и ждать дальнейших указаний».

После совещания Паулюса с командирами корпусов командующий группой армий «Б» барон Вейхс телеграфировал Верховному командованию:

«Несмотря на всю тяжесть ответственности, которую испытываю, принимая это решение, я должен доложить, что я считаю необходимым поддержать предложение генерала Паулюса об отводе 6-й армии...»

Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Цейцлер, с которым Вейхс беспрерывно поддерживал связь, целиком разделял взгляд Паулюса и Вейхса о необходимости оставить район Сталинграда, считал немыслимым снабжать огромные массы войск, попавших в окружение, по воздуху.

В 2 часа ночи 24 ноября Цейцлер передал телефонограмму Вейхсу о том, что ему, наконец, удалось убедить Гитлера сдать Сталинград. Приказ о выходе 6-й армии из окружения, сообщил он, будет отдан Гитлером утром 24 ноября.

Вскоре после 10 часов утра единственная линия телефонной связи между группой армий «Б» и 6-й армией была порвана.

Приказ Гитлера о выходе из окружения ожидали с минуты на минуту, и так как действовать

надо было быстро, барон фон Вейхс решил под собственную ответственность отдать приказ о деблокировании.

В тот момент, когда связисты уже собирались передать радиограмму Вейхса, начальник службы связи услышал, что передается радиограмма из ставки фюрера генералу Паулюсу.

«6-я армия временно окружена русскими. Я решил сосредоточить армию в районе северная окраина Сталинграда, Котлубань, высота с отметкой 137, высота с отметкой 135, Мариновка, Цыбенко, южная окраина Сталинграда. Армия может поверить мне, что я сделаю все, от меня зависящее, для ее снабжения и своевременного деблокирования. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и уверен, что она выполнит свой долг. Адольф Гитлер».

Воля Гитлера, выражавшая сейчас гибельную судьбу Третьей империи, стала судьбой сталинградской армии Паулюса. Гитлер вписал новую страницу военной истории немцев рукой Паулюса, Вейхса, Цейцлера, рукой командиров немецких корпусов и полков, рукой солдат, всех тех, кто не хотел выполнять его волю, но исполнил ее до конца.

* * *

После сточасового сражения совершилось соединение частей трех фронтов — Юго-Западного, Донского и Сталинградского.

Под темным зимним небом, в развороченном снегу, на окраине Калача произошла встреча советских передовых танковых подразделений. Снежное степное пространство было прорезано сотнями гусениц, опалено снарядными разрывами. Тяжелые машины стремительно проносились в облаках снега, белая взвесь колыхалась в воздухе. Там, где танки делали крутые развороты, вместе со снегом в воздух поднималась мерзлая глинистая пыль.

Низко над землей со стороны Волги с воем неслись советские самолеты, штурмовики и истребители, поддерживающие вошедшие в прорыв танковые массы. На северо-востоке громыхали орудия тяжелого калибра, и дымное, темное небо освещалось неясными зарницами.

Возле маленького деревянного домика остановились друг против друга две машины Т-34. Танкисты, грязные, возбужденные боевым успехом и близостью смерти, шумно, с наслаждением вдыхали морозный воздух, казавшийся особо веселым после масляной, гарной духоты танкового нутра. Танкисты, сдвинув со лбов черные кожаные шлемы, зашли в дом, и там командир машины, пришедшей с озера Цаца, достал из кармана своего комбинезона пол-литра водки... Женщина в ватнике и огромных валенках поставила на стол стаканы, позванивавшие в ее дрожащих руках, всхлипывая, говорила:

— Ой, мы уже не думали в живых остаться, как стали наши бить, как стали бить, а я в подполе две ночи и день просидела.

В комнату вошли еще два маленьких танкиста, плечистые, как кубари.

— Видишь, Валера, какое угощение. Кажется, и у нас там закуска есть,— сказал командир машины, пришедшей с Донского фронта. Тот, которого назвали Валерой, запустил руку в глубокий карман комбинезона и извлек завернутый в засаленный «Боевой листок» кусок копченой колбасы, стал делить ее, аккуратно запихивая коричневыми пальцами кусочки белого шпика, выпавшиеся на изломе.

Танкисты выпили, и их охватило счастливое состояние. Один из танкистов, улыбаясь набитым колбасой ртом, проговорил:

— Вот что значит соединились,— наша водка, ваша закуска.

Эта мысль всем понравилась, и танкисты, смеясь, повторяли ее, жуя колбасу, охваченные дружелюбием друг к другу.

* * *

Командир пришедшего с юга танка доложил по радио командиру роты о происшедшем соединении на окраине Калача. Он добавил несколько слов о том, что ребята с Юго-Западного фронта оказались славными и что с ними было распито по сто граммов.

Донесение стремительно пошло вверх, и через несколько минут командир бригады Карпов доложил комкору о происшедшем соединении.

Новиков чувствовал атмосферу любовного восхищения, возникшую вокруг него в штабе корпуса.

Корпус двигался почти без потерь, в срок выполнил поставленную перед ним задачу.

После отправления донесения командующему фронтом Неудобнов долго жал руку Новикову; обычно желчные и раздраженные глаза начальника штаба стали светлей и мягче.

— Вот видите, какие чудеса могут творить наши люди, когда нет среди них внутренних врагов и диверсантов,— сказал он.

Гетманов обнял Новикова, оглянулся на стоявших рядом командиров, на шоферов, вестовых, радистов, шифровальщиков, всхлипнул, громко, чтобы все слышали, сказал:

— Спасибо тебе, Петр Павлович, русское, советское спасибо. Спасибо тебе от коммуниста Гетманова, низкий тебе поклон и спасибо.

И он снова обнял, поцеловал растроганного Новикова.

— Все подготовил, изучил людей до самой глубины, все предвидел, теперь пожал плоды огромной работы,— говорил Гетманов.

— Где уж предвидел,— сказал Новиков, которому было невыносимо сладостно и неловко слушать Гетманова. Он помахал пачкой боевых донесений.

— Вот мое предвидение. Больше всего я рассчитывал на Макарова, а Макаров потерял темп, потом сбился с намеченной оси движения, ввязался в ненужную частную операцию на фланге и потерял полтора часа. Белов, я был уверен, не обеспечивая флангов, вырвется вперед, а Белов на второй день вместо того, чтобы обойти узел обороны и рвать без оглядки на северо-запад, затеял волынку с артиллерийской частью и пехотой и даже перешел к обороне, затратил на эту ерунду одиннадцать часов. А Карпов первым вырвался к Калачу, шел без оглядки, вихрем, не обращая внимания на то, что творится у него на флангах, первым перерезал немцам основную коммуникацию. Вот и изучил я людей, вот все заранее предвидел. Ведь я считал, что Карпова придется дубиной подгонять, что он только и будет по сторонам оглядываться да обеспечивать себе фланги.

Гетманов, улыбаясь, сказал:

— Ладно, ладно, скромность украшает, это мы знаем. Нас великий Сталин учит скромности.

Новиков был счастлив. Должно быть, он действительно любил Евгению Николаевну, если он в этот день так много думал о ней, все оглядывался, казалось, вот-вот увидит ее.

Снизив голос до шепота, Гетманов сказал:

— Вот чего в жизни не забуду, Петр Павлович, как это ты задержал атаку на восемь минут. Командарм ждет. Командующий фронтом требует немедленно ввести танки в прорыв. Сталин, говорили мне, звонил Еременко, почему танки не идут. Сталина заставил ждать. И ведь вошли в прорыв, действительно не потеряв ни одной машины, ни одного человека. Вот этого я никогда тебе не забуду.

А ночью, когда Новиков выехал на танке в район Калача, Гетманов зашел к начальнику штаба и сказал:

— Я написал, товарищ генерал, письмо о том, как командир корпуса самолично задержал на восемь минут начало решающей операции величайшего значения, операции, определяющей судьбу Великой Отечественной войны. Познакомьтесь, пожалуйста, с этим документом.

* * *

В ту минуту, когда Василевский доложил Сталину по аппарату ВЧ об окружении сталинградской группировки немцев, возле Сталина стоял его помощник Поскребышев. Сталин, не глядя на Поскребышева, несколько мгновений сидел с полузакрытыми глазами, точно засыпая. Поскребышев, придержав дыхание, старался не шевелиться.

Это был час его торжества, не только над живым врагом. Это был час его победы над прошлым. Гуще станет трава над деревенскими могилами тридцатого года. Лед, снеговые холмы Заполярья сохранят спокойную немоту.

Он знал лучше всех в мире — победителей не судят.

Сталину захотелось, чтобы рядом с ним находились его дети, внучка, маленькая дочь несчастного Якова. Спокойный, умиротворенный, он гладил бы голову внучки, он бы не взглянул на мир, распластавшийся у порога его хижины. Милая дочь, тихая болезненная внучка, воспоминания детства, прохлада садика, далекий шум реки. Какое ему дело до всего остального. Ведь его сверхсила не зависит от больших дивизий и мощи государства.

Медленно, не раскрывая глаз, с какой-то особенно мягкой, гортанной интонацией он произнес:

— Ах, попалась, птичка, стой,
не уйдешь из сети,
Не расстанемся с тобой ни за что на свете.

Поскребышев, глядя на седую, лысеющую голову Сталина, на его рябое лицо с закрытыми глазами, вдруг почувствовал, как у него похолодели пальцы.

Публикация Е. КОРОТКОВОЙ.

ЧЕСТНАЯ ЖИЗНЬ И ТЯЖКАЯ СУДЬБА

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛИИ ГРОССМАНЕ

Евгения ТАРАТУТА

Мой старший брат, Леня, начал учиться еще в дореволюционной гимназии в Киеве. Мальчики, с которыми он там подружился, остались его товарищами на всю жизнь. Каждый из них был яркой личностью. Двое из них сделались видными учеными, профессорами математики. Еще были крупный инженер-судостроитель, ведущий инженер в области станкостроения. Вася Гроссман стал писателем. Пожалуй, он был самым близким другом брата.

Друзья брата часто жили у нас. Мой отец заведовал большой фермой под Москвой, в Черкизове, там, где раньше стояла архиерейская дача, а сейчас — стадион «Локомотив». По существу, это один из первых совхозов в Советском государстве. Отец стремился осуществить свои давние мечты о новом сельском хозяйстве.

Ему было что рассказать: полтора года одиночки в Петропавловской крепости, этап на ссылку в Сибирь, побег из Сибири, новый арест, четыре года заключения в минской каторжной тюрьме, где он сидел в кандалах, но, несмотря на это, организовал там целую систему лекций для политических заключенных, с помощью пожертвований создал большую библиотеку, потом снова этап в кандалах на каторгу на Лену, в район Бодайбо, побег оттуда во Францию, жизнь в Париже, встречи с самыми различными людьми, изучение агрономии, изучение языков, ведь отец даже гимназии не окончил...

Позже, когда стали студентами, друзья встречались у Васи, который с моим братом снимал вместе комнату в многолюдной квартире в большом доме на Садово-Триумфальной. Сейчас ясно ощущаю, что прелесть этих сборищ была в том, что все были бессребрениками, все были настоящими людьми — добрыми, умными, самостоятельными. Каждый был личностью. Вася описал потом своих товарищей в рассказе «Фосфор», недавно опубликованном в журнале «Знамя». (Однако надо сказать, что писал он этот рассказ в горестную минуту и довольно сурово обошелся с друзьями.)

Вася окончил химическое отделение физмата МГУ в 1929 году и уехал на работу в Донбасс. А в 32-м вернулся в Москву — он там очень напряженно работал и подорвал здоровье. Через два года — почти одновременно — появились в печати два его произведения: повесть о шахтерах «Глюкауф», названная шахтерским приветствием, что значит «Счастливо подняться», и небольшой рассказ «В городе Бердичеве».

Мы поняли, что в литературу пришел новый на-

стоящий писатель. Когда мы поздравляли Васю, он только отмахивался. Кратко рассказывал о том, что его вызвал к себе Алексей Максимович Горький, но никаких подробностей из него нельзя было выудить... Мы понимали, что Горькому Васины произведения понравились, он даже перепечатал новую редакцию повести «Глюкауф» в своем альманахе «Год XVII».

В декабре 1934 года моего отца арестовали, и я старалась не встречаться с друзьями, чтобы не подвергать их опасностям.

Летом 1937 года всю нашу семью (кроме старшего брата, который жил отдельно) выслали из Москвы в Сибирь, но через два года я бежала из ссылки, и Фадеев добился полной нашей реабилитации, добился возвращения нашей квартиры и помог мне устроиться на работу. И Вася, и другие друзья брата помогали нам материально. С волнением я читала превосходный роман Васи «Степан Кольчугин» — о пути рабочего парня в революцию, узнавая в некоторых страницах эпизоды из отцовских рассказов. А самого отца уже не было: его расстреляли в 1937 году...

Вскоре стали присуждать Сталинские премии. На первое же награждение был выдвинут роман Василия Гроссмана «Степан Кольчугин».

В начале 1941 года уже отзаседали все комитеты по Сталинским премиям, были согласованы все кандидатуры — и мы узнали, что роман «Степан Кольчугин» прошел все этапы. Из газет, радио к Васе стали приезжать корреспонденты, его фотографировали, интервьюировали, выспрашивали подробности биографии, готовили статьи о нем, очерки, корреспонденции.

Жилье у Васи было тесное, ресторанов он не любил, а ему хотелось отпраздновать это событие со всеми друзьями, и он купил на всех билеты в театр.

Вечером, накануне объявления в газетах списка лауреатов, Васе стали звонить из разных редакций и официально поздравлять: с его фотографий уже были сделаны клише, и списки уже набирали в типографиях.

Наутро в напечатанных списках имени Василия Гроссмана не было. Говорили, что вычеркнули в последнюю минуту... Друзья растерянно стали перезваниваться. Свое приглашение в театр Вася оставил в силе и подтвердил.

Унылые и поникшие, собрались мы у входа в театр Революции на улице Герцена (ныне театр имени Маяковского). Мужественный Вася встречал нас у входа и вручал билеты. Дул ветер, шел мелкий снег. Я все помню — и подъезд театра, полузасыпанный снегом, и встречу друзей, и клокочущее негодование наше, и спокойствие философического Васи, только одного не могу вспомнить: что за спектакль шел в тот вечер? И никто не помнил, когда я несколько лет тому назад спрашивала об этом друзей...

Весьма банально то, что мне хочется здесь сказать, но сказать нужно. Десятки книг, удостоенных Сталинской премии, прочно забыты ныне, даже в истории литературы они не останутся, а роман «Степан Кольчугин», искусственно изъятый из жизни, потому что его не переиздают, живет и будет жить...

С самого начала войны Василий Гроссман был на фронте. Первый роман о войне — «Народ бессмертен» — был написан им. Его нечастые корреспонденции и очерки запомнились, а очерк «Направление главного удара» стал классикой. Весь жестокий и трагический Сталинград, день за днем, был у него на глазах.

Война ему лично нанесла тяжкий удар: немцы, заняв родной город Гроссмана Бердичев, уничтожили его старушку мать.

Вскоре же после войны Вася взялся за главное дело своей жизни — за роман о войне, о Сталинграде, о людях на войне. Хотел назвать его «Жизнь и судьба».

Уже давно он был членом Союза писателей. Дружил не со многими, но два замечательных писателя очень его любили — Андрей Платонов и Фраерман. Горестно переживал Вася трагические события тех дней. Сам не шел ни на какие компромиссы. Одно его присутствие облагораживало атмосферу вокруг.

Помню пленум Союза писателей в январе 1950 года. Заседания проходили где-то то ли в ЦДРИ, то ли в Доме актера. Вел заседания и делал доклад Фадеев. Помню — не знаю отчего? — какую-то напряженную, нервозную атмосферу в зале. Решались какие-то оргвопросы, шли выборы. Голосовали открыто, за каждую кандидатуру отдельно. Все протекало тихо, привычно. Когда Фадеев назвал фамилию Первенцева и произнес: «Кто «за»?» — поднялся лес рук. Потом он сказал: «Кто «против»?» — полное молчание. «Кто воздержался?» И тут вдруг поднялась одна рука. Это была рука Василия Гроссмана.

По залу, как ветер, промчался гул, шум...

Затем Александр Александрович поставил на голосование состав какой-то более узкой, более важной организации. Когда дошло до кандидатуры Первенцева, то в ответ на вопрос — «Кто воздержался?» — Василий Гроссман ответил: «Естественно, я» ...

...Летом 1952 года, после десяти месяцев Бутырской тюрьмы, когда от меня требовали показаний о моих друзьях — Льве Кассиле и Льве Квитко, что якобы они изменники и собирались покинуть Родину и уехать в Америку, а я не давала этих показаний, — я оказалась в инвалидном лагере в Коми АССР чуть южнее Полярного круга. За время моего заключения роман Василия Гроссмана уже был напечатан в журнале «Новый мир» — несколько номеров попало к нам в лагерь, и мы читали его с восхищением. Только название заставили изменить, роман был опубликован под названием «За правое дело»...

Этот прекрасный правдивый роман подвергся чудовищным нападкам. До меня доходили только некоторые. В феврале 1953 года я прочитала в «Правде» грубый многострочный разнос, а затем в «Известиях» целый подвал «интеллектуальных» помоев, состряпанных не как-нибудь по-простому, а с высшей эрудицией, с цитатами из Шиллера и Гете.

Вскоре после возвращения я встретилась с Васей. Он ничего не рассказывал о себе, а только расспрашивал и расспрашивал. Особенное впечатление на него произвел мой рассказ о том, как некоторые в лагере рыдали, узнав о смерти Сталина. Ведь многие считали, что попали в заключение по ошибке, а вот другие сидят за «дело», являются настоящими врагами народа...

Тогда же он подарил мне том романа «За правое дело», надписав: «Дорогой Жене Таратута на добрую память. 2 ноября 1954 г. Вас. Гроссман».

А потом, застенчиво улыбаясь, спросил:

— И «Степан Кольчугин», наверно, не сохранился у вас?

Он знал, что мама продала почти все мои книги. Достал еще одну толстую книгу и надписал на ней: «Дорогой Жене Таратута. Вас. Гроссман. 2 ноября 1954 г.».

За весь вечер, что я была у него, ни разу не зазвонил телефон.

Вася показал на него и сказал:

— Молчит... И опять молчит...

Его не печатали, к нему не обращались...

А он писал. Работал неустанно. Писал второй том романа. Много читал.

Как-то, когда он был у меня, долго рассказывал о романе Дюма «Граф Монте-Кристо». Недавно вышло новое издание романа. Вася перечитал его. Читал, как заново. Называл «великой книгой». В жизни каждого человека, говорил он, есть затаенная обида, жажда расплаты, ощущение необходимости справедливого возмездия. И Дюма своим романом утверждает эту необходимость, ее законность. В этом — непреходящая ценность романа «Граф Монте-Кристо».

Я вспомнила строки Пушкина: «...и мщенье, бурная мечта ожесточенного страданья». Вася живо подхватил их. Подчеркнул поразительную точность Пушкина: именно ожесточенное страдание рождает такую мечту, делает ее неотступной. У Льва Толстого «отмщение» имеет совсем иной смысл. Оно как бы не от человека, не зависит от человека, а и Дюма, и Пушкин именно утверждают активную позицию самого человека, личности...

В декабре 1954 года открылся Второй Всесоюзный съезд писателей. Друзья дали мне гостевой билет. На этом съезде в Колонном зале была превосходная стенная газета с чудесными эпиграммами и сатирическими стихами, которую редактировал Александр Безыменский. К концу съезда за остроту ее сняли...

В моей записной книжке сохранились стихи из этой газеты, а на одном из листочков я нашла такую запись:

«23/XII. Фадеев: Я проявил слабость, оценив роман Василия Гроссмана как идейно-порочный, я исправил свою ошибку, доведя вместе с Воениздатом книгу до выхода в свет после исправления автором своих ошибок».

В августе 1955 года я была у Фадеева, мне нужна была его помощь. Он расспрашивал меня о тюрьме и о лагере, обещал помочь во всем, что я его просила. А потом стал рыдать, просить прощения за Василия Гроссмана. А он ведь вовсе не знал о нашей давней дружбе.

— Что я наделал! Что я сделал с Василием Гроссманом... И ведь это уже не нужно было... Ведь это — замечательный писатель! Настоящий талант! Мудрый, чуткий человек! Что я наделал...

Он долго говорил о нем, о своей статье в апреле 1953 года с нападками на роман «За правое дело». Снова плакал. Ему нужно было, необходимо было покаяться. Очевидно, я была подходящей слушательницей...

Несколько лет спустя в сборнике статей Фадеева «За тридцать лет» я нашла публикацию его письма в Воениздат по поводу нового издания романа «За правое дело», в котором он выражал сожаление о том, что им были допущены «неоправданно резкие оценки, вызванные привходящими и устаревшими обстоятельствами литературной дискуссии того времени»...

...1 января 1956 года мы получили официальное извещение от 28 декабря 1955 года о посмертной реабилитации отца.

Через несколько дней собрали друзей, всех, кто помнил отца, чтобы сообщить о его реабилитации. Пришел и Вася. А чуть позже — 19 января 1956 года — его поздравляли с орденом Трудового Красного Знамени, которым он был награжден в связи с исполнившимся пятидесятилетием. Он приглашал к себе, но я опять болела и не могла к нему приехать.

После XX съезда стали возвращаться из лагерей мои знакомые. Некоторым было очень трудно. Вася приносил мне для них деньги. Он напряженно работал тогда над вторым томом романа. К концу 1960 года книга была закончена и передана в редакцию журнала «Знамя».

В это время вышла из печати моя книга о Войнич. Вася разглядывал подаренный ему экземпляр очень придирчиво — и переплет, и иллюстрации. Опять с горечью вспоминал, что меня к Войнич не пустили...

В середине февраля 1961 года разразилась катастрофа. У него забрали все экземпляры рукописи романа, все черновики, даже все листки копирки. Забрали все бумаги у машинистки. Вася абсолютно не мог себе представить такого, не мог предвидеть. Ведь в 1961 году э т о г о уже не было, не могло быть...

Однако было. Второй том романа «Жизнь и судьба» пропал окончательно. Ни у родных, ни у товарищей не осталось ни одного экземпляра рукописи. Телефон молчал. Денег не было. Писатель вынужден был заняться поденщиной. Он договорился о переводе одного романа с армянского. Переводил с подстрочника. Чтобы удобнее было работать, поехал в Армению. И совсем плохо стало со здоровьем. В декабре, ко дню его рождения, послала письмо в Ереван. 15 декабря получила ответ. Гроссман писал: «Дорогая Женя, получил Ваше письмо, большое спасибо Вам за все хорошее, что написали мне, за все хорошее, что пожелали.

Рад Вашим достижениям — и кандидатству, и вступлению в Союз. Все это и для души приятно, и важно для материального благополучия.

Меня порадовало, что Вы пишете о Степняке-Кравчинском.

Я купил его двухтомник и до отъезда из Москвы по вечерам читал.

Вот я старею, голова белая делается, а чувство мое к народовольцам не стареет, такое же, как в шестнадцать лет. В них, хоть и занимались они кровавым страшным делом — есть божье, святое.

А я тут перевожу книгу с армянского на русский, скоро уже закончу работу.

Желаю Вам, маме, дочке — всего самого хорошего.

Вася.

10 декабря 1961 г.».

За время пребывания в Армении Вася очень полюбил эту страну. Новые впечатления властно захватили его. Вернувшись в Москву, восторженно рассказывал об Армении. Стал писать свои заметки об Армении, приведшие его на новую Голгофу...

Твардовский взял эти «Армянские заметки» для «Нового мира». Они очень понравились ему, однако понадобилось убрать несколько строк. Вася покряхтел и согласился, хотя не видел никакой крамолы в вычеркнутых словах. Затем потребовалось убрать еще несколько мест. Вася долго сопротивлялся, но Твардовский так хотел опубликовать эти заметки, что уговорил Гроссмана. Наконец рукопись отправили в типографию и уже пришла верстка. Вася был очень рад, много своих заветных мыслей вложил он в эту работу. И вдруг потребовали сократить еще и то, и это. Вася больше не мог и категорически отказался.

...Я была у Васи в его временной квартире на Аэропортовской. Стол был накрыт газетой. В шкафу лежали причудливые заморские раковины — друзья привозили ему их из разных стран. Вася очень любил эти раковины.

Вася показал мне верстку «Армянских заметок» из «Нового мира». Они жестоко поссорились с Александром Трифоновичем. Гроссман говорил об этом как о тяжкой трагедии, и лицо у него было серое.

Вася уже знал, что он болен безнадежно. Потом уже, когда его не будет, врачи установят, что начало болезни возникло в те роковые дни февраля 1961 года, когда у него отобрали рукопись его романа.

Болел и умирал он тяжело. Друзья дежурили возле него. Одно время он лежал рядом с Михаилом Светловым. Подбадривали друг друга. Гроссман скончался 14 сентября 1964 года. Светлов пережил его на две недели.

К счастью для нас, для нашей литературы, второй том романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» найден и будет опубликован. Уверена, что и «Армянские заметки», или, как Вася их называл, «Добро вам!», будут опубликованы целиком. Уверена, что выйдет новое издание «Степана Кольчугина», что будет издано, наконец, собрание сочинений Василия Гроссмана.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

20 АВГУСТА 1986 ГОДА БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР «О ПРЕКРАЩЕНИИ РАБОТ ПО ПЕРЕБРОСКЕ ЧАСТИ СТОКА СЕВЕРНЫХ И СИБИРСКИХ РЕК». И МЫ УЖЕ НЕ СОМНЕВАЛИСЬ В ТОМ, ЧТО НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ «ПРОЕКТА ВЕКА» ВОЗВЕДЕНА МОЩНАЯ ПЛОТИНА. ОДНАКО У АВТОРОВ ПРОЕКТА МНЕНИЕ НА ЭТОТ СЧЕТ ОКАЗАЛОСЬ ИНЫМ, ЧТО ОНИ НАСТОЙЧИВО ПОДТВЕРЖДАЮТ СЛОВАМИ И ДЕЛОМ.

БЕСПОВОРОТНО!

Такого подвоха от Каспия не ожидали. Вместо того чтобы усыхать, опускаться, терять воду и, стало быть, взывать о помощи, он вдруг безудержно полез вверх. Совсем не по правилам вело себя синее море. Вымывало из-под ног и без того зыбкую почву. Из-под ног целого института. И даже целого министерства...

Григория Васильевича Воропаева я впервые увидел на трибуне в марте 1987 года. Шло годичное собрание Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР. Отчитывались директора институтов отделения и первым он — член-корреспондент АН СССР, директор Института водных проблем Г. В. Воропаев. Думаю, не случайно выпал Григорию Васильевичу первый стартовый номер: именно на него сейчас устремлены удивленные, настороженные взоры не только в отделении и даже не только во всей академии, но взоры широкой общественности всей страны. Еще бы! Директор Института водных проблем был исполнителем одной из главных партий в долгом, но, слава богу, прерванном спектакле под условным, но устрашающим названием «Переброска».

Надо сказать, что особая примечательность ситуации состояла даже не в том, что мудростью, силой научных коллективов, общественности удалось если и не окончательно свалить, то надежно притормозить реализацию «проекта века» во имя спасения природы, многих сотен тысяч гектаров земли, памятников истории, культуры, во имя здравого смысла... К этому времени научному миру были предъявлены столь угнетающие результаты работы института по обоснованию переброски, что многими сторонними, беспристрастными специалистами эта поразительная научная некомпетентность, несостоятельность расценивалась уже по категориям нравственным. Встал вопрос о фальсификации, прямом подлоге.

Казалось, если все так и есть, то как теперь директору смотреть в глаза людям? Если все — правда, то как перенести этот неслыханный позор, что, может, и похлестче лысенковского?

Прежде всего проект предстояло обосновать, дать ему зеленый свет. И что касается светофора, то управлял им сам же Григорий Васильевич. Государственную экспертную комиссию Госплана СССР возглавлял лично директор Института водных проблем. Наверное, можно самому с собой играть в шахматы, но самому себе сдавать экзамен — про такое, признаться, слышать не доводилось. А ведь на экзаменационном билете значилась многомиллиардная сумма.

Сам факт указанного совместительства Г. В. Воропаева угрожающе примечателен, ведь кто-то да возвел его на этот двухместный пьедестал. К счастью, проект переброски дальше ТЭО— технико-экономического обоснования —не сильно продвинулся, утвержден не был. Однако для Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР этот дорогостоящий проект был крайне необходим; оно сильно задолжало государству. И можно понять азарт Минводхоза поскорее начать вкладывать капитал в надежде рассчитываться, хотя и по сомнительным векселям. Так и начали, и потекли наши с вами миллионы.

Ко всякому рассматриваемому проекту обычно прилагается, как минимум, еще один — альтернативный. Это естественно, даже неизбежно. Но в нашем случае, по существу, не было и этого. Если альтернативный вариант и выдвигался, то он наглядно, заведомо проигрывал основному. «Проект века» стартовал в гордом одиночестве. Идеологи переброски, как сыщики из дурного детектива, следовали лишь одной версии — той, что сочинили сами. И надо сказать, что роман складывался. Да еще какой!

В ТЭО первой очереди переброски говорилось о том, что проблема переброски части стока северных рек — это прежде всего проблема Каспийского моря. При этом одним из главных аргументов в пользу подачи воды в якобы усыхающее море было сохранение его рыбного стада. Затраты на переброску вряд ли окупятся, соглашались сторонники проекта, зато мы спасем осетровых. А это наша природа и наша валюта. Получалось, что затопление и подтопление огромных территорий, многомиллиардные затраты — все ради рыбы. Крупномасштабное глумление над природой преподносилось как природоохранное мероприятие!

Ну, пусть даже так, однако как здесь не сказать о том, что общего сокращения добычи осетровых за последние десятилетия не произошло благодаря специальным рыборазводным мероприятиям. Что в истории этого моря известны периоды — в частности, во второй половине первого тысячелетия н. э.,— когда уровень поверхности был на четыре метра ниже современного, что равнозначно потере полутора тысяч кубических километров воды (намеченный объем переброски был 19,2 кубокилометра в год). Однако рыбные популяции эти катаклизмы замечательно перенесли. Дело, стало быть, не в уровне моря, а в другом — в построенных гидротехнических объектах, в загрязнении окружающей среды. Недавно, например, пущен Астраханский газовый комплекс, пагубное воздействие которого на природу, на каспийскую рыбу еще предстоит оценить в полной мере.

Вот уже девять лет поднимается уровень Каспия. И все это время руководители ИВП и «Союзгипроводхоза» — отраслевого минводхозовского института, занимающегося исключительно проблемами переброски, заявляли плановым органам и общественности прямо противоположное.

12 февраля 1986 года Г. В. Воропаев писал в «Правде»: «Для рыбного хозяйства важно, чтобы... уровень всегда был выше критических отметок минус 28,5 метра (уровень Каспия относительно уровня Мирового океана.— В. Л.). Исследования специализированных институтов страны показали, что в начале следующего столетия с высокой степенью вероятности уровень моря вновь может быть ниже отметки минус 28,5 метра... Намечаемые компенсационные мероприятия, в частности, переброска части стока вод с севера на юг, уже отстают по времени».

До самого последнего времени о понижении уровня Каспия публично — устно и печатно — заявлял академик-секретарь отделения гидротехники и мелиорации ВАСХНИЛ Б. Шумаков. Уместно заметить, что одно время он числился в Институте водных проблем заведующим лабораторией. По совместительству. Видно, чисто случайно Отделение гидротехники и мелиорации ВАСХНИЛ выдвинуло кандидатуру Г. В. Воропаева в члены-корреспонденты АН СССР.

Итак — аврал! Хватит рассуждать, а тем более высчитывать. По коням — и спасать Отечество! Иначе не то, что Кара-Богаз-Гол, но сам Каспий превратится сначала в болото, а затем и в знойную пустыню.

Кстати, о Кара-Богаз-Голе. О плотине, которой отгородили его от моря, дабы не дать Каспию усыхать. Угрохали народные рубли, потеряли сотни миллионов, а оказалось зазря. Без всяких оговорок, полностью, стопроцентно—зазря. Кара-Богаз-Гол с его огромными запасами сульфида натрия и других ценнейших природных соединений загубили. А море, как оказалось, и спасать не нужно. Уровень его систематически поднимается, причем в некоторых прибрежных районах угрожающе. Затапливает портовые сооружения Махачкалы, на полуострове Бузачи срочно возвели 30-километровую дамбу для защиты нефтепромыслов.

Что же все-таки произошло с морем? В ноябре минувшего года на весьма представительной научной конференции кандидат технических наук А. И. Кадукин предложил собравшимся научное обоснование этого подъема. Модель оказалась настолько изящной, что к автору обращались только с вопросами. Споров не возникло, возражений не последовало. Остается лишь добавить, что Анатолий Иванович Кадукин — руководитель группы внутриводоемных процессов... Института водных проблем. Ужели не знал директор ИВП о том, что происходит во вверенном ему научном хозяйстве?

Возможно, модель А. И. Кадукина не исчерпывающая или, точнее, не «заполняющая» море до краев, до сегодняшнего уровня. Дело не в игре слов, есть другие модели, другие объяснения уровня подъема Каспия. Академик Н. А. Шило, например, считает, что здесь решающую роль играют тектонические процессы. Какие модели работают, ученые в конце концов разберутся, но в честном, объективном споре, выкладывая на стол конкретные, глубоко аргументированные доводы, результаты истинных научных знаний.

Какие специализированные институты имел в виду Г. В. Воропаев в своей правдинской статье, говоря о подтверждении прогноза катастрофического понижения уровня Каспия к началу следующего столетия, об этом устами самого Григория Васильевича мы вскоре скажем. Но пять отделений АН СССР представили отрицательные заключения по проекту, а также Географическое общество, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Совет Министров Коми АССР, областные организации Вологды.

Дальше — больше. Финал оказался остросюжетным, захватывающим, почти детективным. Были оглашены заключения созданной в Академии наук СССР экспертной комиссии по проблемам повышения эффективности мелиорации под председательством вице-президента АН СССР А. Л. Яншина. Надо сказать, что комиссия не ставила своей первой и главной задачей рассмотрение проекта переброски. Основной побудительный мотив ее создания — удручающе низкая эффективность мелиорации в стране, ошибка за ошибкой и как следствие — миллиардные убытки. Положение бедственное, нужны

МОСКВА. 1913. Государственная Третьяковская галерея.

ХУДОЖНИК РОМАНТИЧЕСКОГО ПЛАМЕНИ

Окончание. Начало на стр. 8.

изобразить площадь города. Маяковский должен был сам играть поэта».

В эскизе к «Владимиру Маяковскому» художник протянул через небо радужные полукольца, как бы накрывшие азиатски красочную Москву ярким куполом. Сказочность этой композиции заставляет вспомнить фольклорные пристрастия Лентулова.

Внимание к простонародному творчеству, ярмарочным гуляньям, балаганным подмосткам испытали в то время многие русские деятели искусства. «Балаганчик» пишет А. Блок, музыку на блоковский сюжет, а также на тему Петрушки сочиняет И. Стравинский. Праздничные гулянья, разгул русских праздников любил изображать Б. Кустодиев, да и художники из группы «бубновых валетов» (Машков, Кончаловский). Те же увлечения Лентулова проявились в вызывающе задорном «Автопортрете», где художник изобразил себя неким фольклорным персонажем с пунцовыми щеками и длинными зелеными ногтями, демонстративно подбоченившимся, смело взирающим на публику. Сиреневая одежда, украшенная золотыми блестками, декоративно сказочный фон дополняют облик балаганного зазывалы.

В памяти современников Лентулов сохранил облик человека веселого, не подверженного унынию, балагура, шутника, обладающего способностью бесконечно наслаждаться жизнью. В своем творчестве художник насмехался над «судьбой-индейкой». Казалось, не было предела его жизнелюбию. В атмосфере декаданса начала XX века, мистики и жизнебоязни Лентулов предстает колоритной фигурой, исполненной радостного обаяния, оптимизма, шумного темперамента.

Между тем Лентулов обладал способностью чутко улавливать и драматические потрясения века. Такими предчувствиями содрогается картина «Страстной монастырь» (1916). Она как бы предвидит предстоящие общественные катаклизмы. Композиция картины асимметрична, прорезана тревожным светом, насыщена динамикой косых движений, зловещей подвижностью цвета. Надо всем изображением возвышается темный силуэт памятника А. С. Пушкину. Картина представляется величественной театральной декорацией. В этом сказались пристрастия и опыт художника в развертывании театрализованного действа, способность к крупномасштабному мышлению, постигающему грандиозные события современности.

Кстати, в дни революционных празднеств, отмечаемых после Октября Московским Советом, Лентулов совместно со своими друзьями А. Купри-

ным и В. Рождественским оформлял Театральную площадь, предложив невиданное для того времени красочно-феерическое ее убранство.

В революцию Лентулов включился активно. Его не колебали сомнения выбора пути, как многих его современников. Он вошел в контакт с Наркомпросом и стал членом его художественной коллегии. Принимал энергичное участие в защите труда художников, организации художественных выставок.

Натура Лентулова неизменно пульсировала жаждой человеческого общения, неистребимым желанием философствования. О гостеприимстве художника слагались легенды. К сожалению, в век телефонов эти ценные качества русского человека утратились. Искусство же Лентулова немыслимо понять и прочувствовать вне русской традиционности быта с его этикой и нравственным складом.

Человечность, интимность восприятия мира особенно заметны в творчестве Лентулова второй половины 1920-х годов. Казалось неожиданным для художника монументального размаха обращение к спокойной жизни тихих московских улочек. Лентулов пишет вечерние пейзажи Бронных улиц, Патриарших прудов, жаркие, все расплавляющие закаты солнца, пожирающие очертания зданий. Товарищ Лентулова П. Кончаловский жил поблизости. В работах художников этого времени наметилась одинаковая интерпретация тихой московской жизни: уютной, одухотворенной бытом. К счастью, этот район во многом доныне сохранился. Запечатленный в произведениях не только живописи, но и литературы, он представляется памятной исторической средой, которую необходимо сохранить.

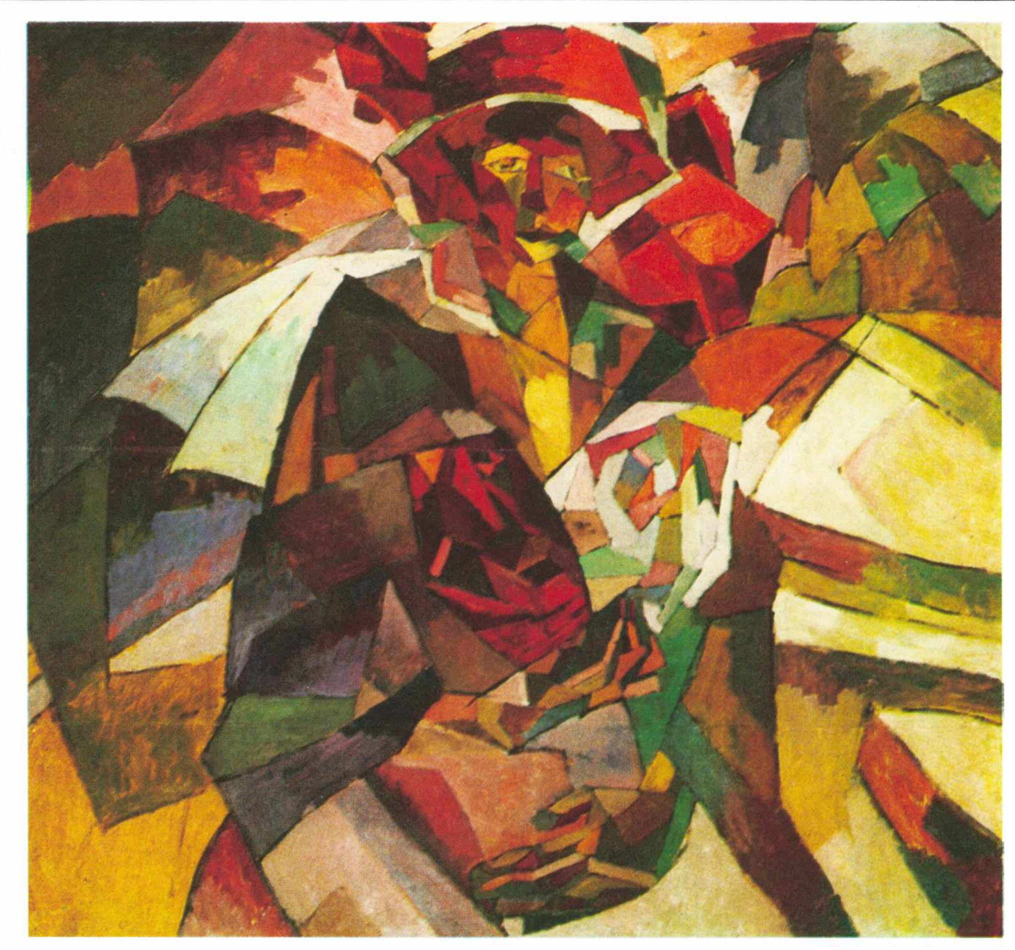
1920-е годы — время инициатив. Художники объединяются в творческие содружества, исходящие из родственности художественных ориентаций. Лентулов избирается председателем Общества московских художников (ОМХ), возглавляемого до этого И. Грабарем. Не меньшую активность проявил он в работе производственных мастерских. Общественная потребность стимулировала инициативу художников. Совнарком, Наркомпрос, Реввоенсовет предлагают художникам заказы на создание произведений искусства, отражающих эпоху революции и социалистического строительства, финансируют творчество. Благодаря такой инициативе появляются эпохальные работы А. Дейнеки, М. Сарьяна, П. Шухмина, Ю. Пименова и других. Совнарком поддерживает художников в их поездках по стране в поисках новой тематики.

Лентулов едет в Новороссийск, в Туапсе, в Донбасс. Новые его картины клокочут дымом новостроек, высокие корпуса кораблей поворачиваются неожиданными ракурсами, газгольдеры разворачиваются тяжелыми объемами. Но тридцатые годы остудили накал художнической страсти, значительно успокоили творческий темперамент Лентулова.

Художник был сыном своего времени. Времени, чреватого революционными потрясениями, катаклизмами вселенского масштаба. Он нашел образы своей эпохи. Когда время вошло в «предписанные» ему берега, творческий импульс Лентулова иссяк. Искусство его побледнело, угомонилось и поскучнело. Но то, что дал художник миру, представляет собой великолепную вершину.

ПОРТРЕТ М. П. ЛЕНТУЛОВОЙ С РОЗАМИ. 1913.

Музей Абрамцево.

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ. 1917.

срочные меры, хирургические. А тут еще нависла переброска.

В работе комиссии приняли участие видные ученые АН СССР, ВАСХНИЛ, специалисты вузов, министерств и ведомств. Всего более ста человек, в том числе пятнадцать академиков. Хочется это подчеркнуть особо, ибо едва ли не главный повсеместно провозглашаемый козырь сторонников переброски — это «некомпетентность» их оппонентов.

Детально изучив материалы проектных и научных организаций, занимающихся вопросами переброски, проведя всесторонний комплексный анализ, комиссия пришла к выводу о полной научной несостоятельности проекта переброски части стока северных и сибирских рек и недопустимости его осуществления.

И вот теперь, когда Г. В. Воропаев бодро отчитывался перед годичным собранием Отделения океанологии, физики атмосферы и географии, из зала задали вопрос об ошибках в решении уравнений, объясняющих «наблюдающееся падение» уровня Каспия. И докладчик, не поведя бровью, ответил, что ошибки, мол, действительно имели место (кто от них застрахован?), что нужно повышать уровень квалификации специалистов, занимающихся расчетами, и что на это впредь будет обращено повышенное внимание.

Однако директор умолчал о том, что комиссия не просто указала на ошибки, но подчеркнула, что их обилие приводит к абсурдным выводам, расходящимся не только с реальной действительностью, но и здравым смыслом. Комиссия отметила чрезвычайно низкий уровень методики расчетов, разработанной Институтом водных проблем.

Выполненная кандидатом физико-математических наук, доцентом МГУ М. И. Зеликиным проверка правильности методики прогноза уровня Каспия показала, что реально осуществившееся событие имеет вероятность по методике ИВП менее одного (!) процента.

Указывали ли на эти ошибки сторонникам переброски? Да, есть немало тому подтверждений. Тот же М. И. Зеликин в декабре 1984 года на общем собрании Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР предъявил своим оппонентам соответствующие материалы. Но реакции не последовало, не было даже попытки проанализировать свои работы. Можно было бы обратиться к другим методикам, к опыту предшественников. Более полувека назад академик Л. С. Берг писал, что в конце столетия спад уровня сменится подъемом. В шестидесятых годах было опубликовано несколько убедительных методик прогноза. Количественного. Прогноза оправдавшегося. Но все эти методики были проигнорированы. Что здесь — ошибки ученых или?..

ехал в Институт водных проблем, размышляя о том, что истина зачастую обитает не в наступающих рядах, не в рядах обороняющихся, а где-то пусть не посередине, но между ними. И ловил себя на мысли, что едва ли не с надеждой жду подтверждения этому.

И вот ведущие специалисты Института водных проблем во главе с заместителями директора членом-корреспондентом АН СССР М. Г. Хубларяном, доктором технических наук А. Л. Великановым уделили журналисту две встречи по 4—5 часов каждая, излагая суть своих опровержений против доводов, выдвинутых учеными и общественностью.

Внимательно выслушав доводы сотрудников ИВП, автор этих строк продолжил поиски истины. Я встретился с членом-корреспондентом АН СССР, заведующим отделом Института физики атмосферы АН СССР Г. С. Голицыным; доктором физико-математических наук, профессором МГУ А. С. Мищенко; сотрудником Института экономики строительства Госстроя СССР доктором технических наук, профессором А. С. Некрасовым; доцентом МГУ М. И. Зеликиным, со многими учеными, кто по доброй воле, вне планов своих научных организаций трудился в рабочих группах, помогая комиссии академика А. Л. Яншина разобраться в сложностях и, будем откровенны, в интригах сложившейся ситуации. С их помощью я изучил десятки документов.

Размер журнальной публикации не позволяет емко воспроизвести столь важные и интересные беседы, и потому мне приходится рассказать лишь о главном.

1. ИВП: Академик Г. И. Петров обвинил нас в научном невежестве и даже в фальсификации расчетов. Но ведь он нашел всего пять ошибок в нескольких номерах журнала «Водные ресурсы». Такое нередко случается в любом научном издании. Мы, конечно, могли отвергнуть многие обвинения, но нас никто не спрашивал, нас никуда не приглашали для этого.

КОРР.: В справке, над которой работала группа ученых во главе с академиком Г. И. Петровым, указывается не на пять ошибок, а на 26 статей, каждая из которых содержит грубейшие ошибки.

«Многие статьи Института водных проблем поражают своей безграмотностью, противоречат элементарной математике и школьной физике. Встречаются несовпадения размерностей правой и левой частей уравнения. Если не пугать незнающих людей этой терминологией, то утверждение сводится к тому, что если a+b=0, то a=0. Я тридцать лет являюсь членом академии, и мне стыдно за мою академию и моих товарищей, особенно за членов Отделения океанологии, физики атмосферы и географии, которые, видимо, не нашли возможным познакомиться с работами своих коллег, а потому не чувствуют пока за них стыда». Так писал в докладной записке президенту Академии наук СССР Г. И. Марчуку академик Г. И. Петров.

«Авторы проекта,— заявил академик А. А. Дородницын,— исходят из веры в то, что уровень Каспийского моря будет постоянно понижаться, хотя эта «вера» противоречит историческим данным».

Мнение академика Ю. В. Прохорова: «Существующая методика прогнозирования уровня Каспийского моря крайне неудовлетворительна, и удивительно, что до сих пор она не была подвергнута научной критике».

Мнение академика Л. С. Понтрягина: «Несмотря на авторитетные мнения, руководство обоих институтов (ИВП и «Союзгипроводхоза».— В. Л.) продолжало вопреки фактам (наблюдающийся подъем Каспийского моря) настаивать на ошибочных прогнозах падения уровня моря. Более того, этими же людьми предпринимаются неблаговидные попытки добиться изменения формулировки постановлений. Все делается для того, чтобы обосновать бессмысленные дорогостоящие проекты. Это типичный пример, свидетельствующий не только о низкой квалификации работников названных институтов, но и об их недобросовестности».

Что же касается отсутствия приглашений сотрудников ИВП для полемики, то проиллюстрирую примером. На 28 января 1986 года в Математическом институте имени В. А. Стеклова АН СССР был назначен семинар по вопросам прогнозирования уровня Каспия, о чем сотрудники ИВП были заблаговременно оповещены. И вот передо мной письмо Г. В. Воропаева в адрес академика-секретаря Отделения математики АН СССР Н. Н. Боголюбова, в котором автор просит перенести семинар на более поздний срок ввиду загранкомандировки руководителя отдела, занимающегося данным вопросом, Д. Я. Ратковича. Письмо отправлено... 28 января, пришло к адресату 5 февраля...

2. ИВП: В результате европейской переброски предполагается затопить 2170 квадратных километров. Это же ничтожно мало.

КОРР.: В книге главного инженера проекта А. С. Березнера "Территориальное перераспределение речного стока Европейской частиРСФСР», изданной в 1986 году, на странице 118 сообщается, что в результате переброски вод только из бассейна Печоры будет затоплено 4775 квадратных километров.

Но это далеко не все. В наших беседах с учеными ИВП ни разу не было произнесено слово «подтопление». Они словно не знают об этом эффекте, о его огромном распространении и пагубном влиянии, которое, кстати говоря, еще далеко не достаточно изучено. Эффект подтопления может оказаться еще более значительным, чем это пока известно.

3. ИВП: Мы утверждали и утверждаем, что к серьезным экологическим последствиям переброска части стока северных рек не приведет.

КОРР.: В Институте водных проблем должен быть хорошо известен сводный научный отчет по прогнозу экологических изменений в связи с переброской части стока северных рек. В нем сказано, что существующие водохранилища охлаждающе действуют на почву в результате подтопления. Исследование показало, что в районах Европейского Севера создание водохранилищ и каналов при переброске снизит температуры корнеобитаемого слоя на 3—4 градуса, что приведет к сокращению периода с активными температурами в этом слое на один месяц. Причем указанный эффект будет прослеживаться вплоть до Карелии. Стало быть, речь идет об угрозе создания практически вечной мерзлоты на всем Европейском Севере! Остается добавить, что на титульном листе отчета стоят подписи руководителей ИВП Г. В. Воропаева, А. Л. Великанова, А. А. Бостанджогло и что об этом чудовищном эффекте сами они нигде не говорили ни слова. Не подписать же отчет они просто не могли, ведь он — сводный, подготовленный многочисленными организациями.

4. ИВП: До недавнего времени мы якобы не давали возможности высказаться на страницах печати нашим оппонентам. Но ведь такой возможности не имели и мы даже на страницах научной печати, причем даже само слово «переброска» было запрещенным.

КОРР.: Журнал «Водные ресурсы», возглавляемый Г. В. Воропаевым, все годы начиная с 1977-го изобилует статьями сторонников переброски. Напомним и о книге А. С. Березнера. Слово «переброска» в этих материалах встречается постоянно.

Материалы же оппонентов сторонников переброски стали появляться в печати (но, разумеется, не в журнале «Водные ресурсы») лишь с 1986 года, когда началось всенародное обсуждение проекта.

Правда, именно с этого времени Г. В. Воропаев стал повсеместно заявлять, что идет бесчестная игра в одни ворота: ему-де попросту не дают слова, не позволяют высказаться, ответить своим оппонентам. И вот недавно образованная газета — «НТР: проблемы и решения», пытаясь объективно разобраться в ситуации, в марте этого года опубликовала материалы как сторонников, так и противников переброски и первое слово предоставила директору ИВП. Затем сотрудники этого института выступили в газете «Известия». А седьмой номер «Нового мира» поместил сразу четыре статьи сторонников проекта, и в том числе Г. В. Воропаева. И это журнал, который возглавляет С. Залыгин, непримиримый оппонент директора ИВП. Разве это бесчестная игра в одни ворота?

5. ИВП: Нас обвиняют в том, что мы прогнозировали увеличение водопотребления в стране, чтобы получить еще один веский аргумент в пользу переброски. Но мы не занимаемся прогнозированием водопотребления, мы просто исходили из того, что нам давали «сверху».

КОРР.: Одной из основных задач академического института является анализ тенденции развития. Поэтому отречение от такой задачи несостоятельно по сути, тем более что утверждение о получении данных «сверху» можно было бы существенно уточнить вопросом: от кого «наверху» получают исходные данные?

Как мне стало известно, такие работы в институте ведутся. В этом году подготовлен объемистый документ, в котором прогнозируется водопотребление в стране на период до 2010 года. Однако этот документ замалчивается. Один из его авторов, доктор наук С. В. Вендров, отказался ответить журналисту на вопрос об этой работе, хотя сам факт проведенного исследования не отрицал. В отличие от руководства института.

Однако обратимся к цифрам. Даже беглый взгляд на них дает много пищи для размышления и непосвященному. Эти цифры показывают, что в нашей стране идет неуклонное снижение водопотребления. Так, по данным министра мелиорации и водного хозяйства СССР Н. Ф. Васильева, опубликованным в еженедельнике «Собеседник» № 23 за 1985 год, только за XI пятилетку водопотребление в стране снизилось на 20 кубокилометров в год, при этом площадь орошаемых земель возросла на 2,5 миллиона гектаров.

Расчеты показывают, что удельные капиталовложения на получение 1 миллиона тонн зерна при орошении пашни северными водами, намечаемыми к переброске, достигают двух миллиардов рублей, в то время как при оптимальном насыщении почвы органическими удобрениями эти капиталовложения не превышают 50 миллионов рублей.

Курс на экономию воды в полной мере отвечает установкам съезда КПСС на интенсификацию производства и переход к ресурсосберегающим технологиям.

6. ИВП: Обвинения в том, что Минводхоз нас «прикарманил», нелепы. Мы — академический институт, независимый от министерства. Что нас могло заставить действовать по его указке? Ничто. Какая выгода? Никакой. Мы руководствовались только своей принципиальной позицией.

КОРР.: Приходится согласиться лишь с тем, что слово «прикарманивание» имеет другие, более деликатные и благозвучные синонимы. Что же касается существа вопроса, то Минводхоз перечислял на счет ИВП огромные суммы. Вот вполне, казалось бы, безобидный пример: многоквартирный жилой дом для сотрудников научной базы ИВП на Иваньковском водохранилище построен на средства Минводхоза.

Или — о так называемой 6-процентной премии, которая выдается за внедрение новой техники. О таковой, понятно, речи быть не могло, и тогда ИВП поставил вопрос об экономическом эффекте своих исследовательских работ по переброске. Договорились так: будем считать экономический эффект пропорциональным суммам, затрачиваемым на... сами исследования. Отчеты о них передавались в Минводхоз, от которого ИВП получал справки о внедрении. На одном из заседаний дирекции профессор В. И. Феронский сказал: «Это же жульничество!» Однако возглас профессора услышан не был, деньги продолжали перетекать в Институт водных проблем. Сколько их перетекло! Этим бы впору поинтересоваться уже не только журналисту...

7. ИВП: Нас обвиняют в том, что мы сыграли решающую роль в решении вопроса о перекрытии Кара-Богаз-Гола. Но к его судьбе мы никакого отношения не имеем, никаких документов не подписывали.

КОРР.: Вот что сказал мне председатель временной научно-технической комиссии по комплексным проблемам Кара-Богаз-Гола академик АН Туркменской ССР А. Г. Бабаев:

— Комиссии так и не удалось установить, кто подписал технико-экономическое обоснование на строительство плотины. Однако ни у кого не вызывает сомнения, что в принятии этого катастрофического решения главную роль сыграл прогноз понижения уровня Каспия, разработанный Институтом водных проблем. Более того, Г. В. Воропаев вплоть до сегодняшнего дня упорно выступает против подачи воды в залив в нужном количестве — 16 кубокилометров в год, что привело бы к снижению уровня моря на считанные, трудно уловимые миллиметры. Пока же подают в десять раз меньшее количество. Григорий Васильевич по-прежнему остается председателем научного совета АН СССР и ГКНТ по комплексным проблемам Каспийского моря.

8. ИВП: Обвинения в покушении на памятники истории и культуры также беспочвенны. Вода должна пойти на юг по диким, необитаемым землям, все наиболее ценные древние сооружения останутся неприкосновенны. Кроме того, все необходимые мероприятия по охране памятников нами записаны в соответствующих документах.

КОРР.: Снова обращаюсь к материалам рабочих групп комиссии академика А. Л. Яншина. Там сказано, что трасса проекта европейской переброски проходит по районам русского Севера — уникальным хранителям многовековой русской и угро-финской культуры. В настоящее время на данных территориях известно более четырехсот памятников, из которых свыше 250 попадают в зону отрицательного влияния перераспределения стока. К их уничтожению приведет изменение гидрологического режима, а также непосредственное производство крупномасштабных строительных работ, причем выявление памятников, подвергающихся опасности затопления (и подтопления, о чем сторонники переброски опять умалчивают), еще не завершено.

Вот что рассказал мне председатель правления Советского фонда культуры академик Д. С. Лихачев:

— Сведения, которые приводят авторы проекта переброски о памятниках культуры в зоне затопления, сильно искажены. Они значительно «скромнее» тех, что зарегистрированы Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Памятники культуры, зодчества, археологические памятники, фольклорные, ремесленные, древние рукописи до сих пор полностью не учтены и продолжают выявляться. Таким образом, погибнет не только то, что уже известно, но и то, что могло бы быть открытым в будущем. Перенос памятников деревянного зодчества в массовом порядке невозможен из-за крайне малого числа плотников и почти полного отсутствия печников.

Район северных рек — это район коренной, традиционной русской культуры, самый ценный из всех русских районов хранитель национальной культуры. Ссылки на то, что затопляемые деревни опустели и продолжают пустеть, неправомерны. В последние годы с улучшением жизни в сельских местностях отлив населения из деревень приостановился. Переброска отразится не только на затопляемых, но и на всех северных деревнях, так как в громадном большинстве случаев прервет традиционные пути сообщения деревень между собой, приведет к изоляции отдельных населенных местностей, крайне затруднит культурное и трудовое общение селений, что совершенно не учитывается проектантами.

Хорошо известно расхождение между ущербом «запроектированным» и действительно наступившим. Так, например, район затопления, запроектированный для Рыбинского водохранилища, и его образовавшаяся к настоящему времени площадь резко расходятся. В зону затопления и подтопления Рыбинского водохранилища и по всей Волге попали десятки выдающихся памятников русской культуры, усадеб и городов.

Мы несем нравственную ответственность перед будущим нашей культуры, а будущее не может рассматриваться как материал для извлечения временных выгод сегодня, тем более не решающих кардинально Продовольственную или Энергетическую программы. Самый ценный район русской культуры пострадает в целом, а не только в отдельных своих частях, обезлюдеет окончательно, и мы не вправе жертвовать им, обкрадывая наше будущее.

Надо сказать, что сторонники переброски, надменно упрекая своих оппонентов в некомпетентности, не составили исключения и для меня. Однако, во-первых, я говорю о вещах бесспорных, вполне очевидных даже для неспециалиста в области гидротехники. Во-вторых, я детально прорабатывал эти вопросы со специалистами, такими, как, например, член-корреспондент АН СССР Г. С. Голицын, доктор геолого-минералогических наук, профессор МИСИ С. Н. Чернышев и другие,— заключил Дмитрий Сергеевич.

* * *

Итак, подведем предварительные итоги. Как читатель может видеть, на каждом шагу руководители Института водных проблем приводили журналисту факты и доводы, неверность которых нельзя отнести на счет случайности, спорности трактовок и подходов. На широком цветистом блюде мне по привычке и инерции преподносили информацию, издревле бытующую в народе под названием развесистой болотной ягоды. Годами сыпались на нее горы сахарной пудры, и понадобилось немало воды, немало усилий, чтобы отмыть и представить продукт в чистом виде.

Истинные мотивы упорствования сторонников переброски достаточно ясны: у Минводхоза годовой план капиталовложений 10,5 миллиарда рублей, их непросто вложить в дело. А тут на руках гигантский проект, реализацией которого можно решить все вопросы и выйти в лидеры. Лучше не придумаешь, если не думать о судьбах родной земли. Нашей с вами земли, Григорий Васильевич...

Однако Г. В. Воропаев по-прежнему считает, что ничего особенного не произошло. Выступая на упоминавшемся вначале общем собрании Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР, он в очередной раз напал на писателей и журналистов: «Скомпрометировали идею, оклеветали!» Особенно досталось Сергею Залыгину за его резкие публикации в «Новом мире» и «Нашем современнике».

— Весь наш институт возмущен, — сказал Воропаев. — Мы пригласили товарища Залыгина приехать к нам для обсуждения его материалов, но он отказался.

Ах, Григорий Васильевич! Ну, почему бы вам не сказать всю правду? Ведь Сергей Павлович ответил, что согласен на публичную дискуссию в любой аудитории, на любом уровне. Публичную! Но он не будет обсуждать проблему за закрытыми дверями. Он повторил то же самое и в своем выступлении по телевидению.

Примерно в те же дни, когда происходило академическое собрание Отделения, в газете «НТР: проблемы и решения» Григорий Васильевич заявил, что общественность неправильно поняла постановление о прекращении работ по переброске. И что работа над проектом будет продолжаться.

Такое бы упорство да во благо!

Уже полностью доказано, что научная проработка проекта не была выполнена, что прогнозом последствий переброски никто всерьез не занимался. Настоящей методики этих прогнозов нет. Американцы, уже затратив немалые средства на подготовку переброски воды рек Юкон и Макензи к югу, от этой идеи отказались: поняли, что не владеют точным прогнозом, но наши соотечественники оказались куда смелее.

19 апреля 1987 года газета «Известия» опубликовала письмо сотрудников Института водных проблем, в котором авторы попытались опровергнуть доводы противников переброски. При этом сотрудники ИВП утверждают, что они «неправильно понимают процесс перестройки и понятие гласности как возможность грубо и безнаказанно расправляться с неугодными людьми, коллективами и даже направлениями научно-технического прогресса». Чувствуете, уважаемый читатель, современность тональности и лексики?

Далее в письме говорится о том, что единственный семинар, который «авторитетная комиссия» провела с участием сотрудников ИВП и нескольких посторонних специалистов-математиков, продемонстрировал низкий научный уровень наших оппонентов...».

Но самое интересное не это. Под текстом письма написано: «С. Лежнева, В. Привальский, С. Трунилина и другие, всего 16 подписей». Если бы авторы письма не постеснялись обозначить и свои должности, то читатели с удивлением узнали бы, что С. Лежнева и С. Трунилина работают техниками-лаборантами. И это мнение института, где одних только докторов наук более двадцати.

Член-корреспондент АН СССР Г. С. Голицын, руководивший упомянутым в «Известиях» семинаром, который-де «продемонстрировал низкий научный уровень» противников переброски, сказал мне, что современные знания о климате говорят о большой вероятности дальнейшего повышения уровня Каспийского моря и необходимости подготовки к этому с целью уменьшения ущерба прибрежным районам.

В связи с этим семинаром мне хотелось бы и привести выдержки из письма Георгия Сергеевича министру мелиорации и водного хозяйства СССР Н. Ф. Васильеву:

«Глубокоуважаемый Николай Федорович!

14 февраля 1986 года на официальной встрече Совета молодых ученых и специалистов ЦК ВЛКСМ с Советом молодых ученых подведомственного Вам «Союзгипроводхоза» заместитель секретаря парторганизации этого института тов. Графов А. Г. заявил, что комиссией под моим руководством якобы было принято решение, что методика прогнозирования уровня Каспия, принятая «Союзгипроводхозом», соответствует действительности и находится на современном научно-техническом уровне.

Такое заявление полностью искажает точку зрения семинара, на котором я председательствовал, и весь ход проводившегося там обсуждения...

В этой связи считаю недопустимыми любые высказывания подобного рода. Прошу принять меры к пресечению подобных слухов».

И теперь, читатель, вы уже не удивитесь, узнав, что не далее как 7 июня 1987 года на заседании проблемной комиссии по природным ресурсам Г. В. Воропаев также заявил (в который уж раз!) о правильности методики прогнозирования уровня Каспия и добавил, что с этим мнением теперь согласны все математики, причем даже такие, как профессор А. С. Мищенко и доцент М. И. Зелинкин.

Узнав об этом, я позвонил Александру Сергеевичу и Михаилу Ильичу, попросил прокомментировать сие известие. «Стопроцентная ложь!» — сказали оба.

* * *

Тучи над «проектом века» сгустились. Вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек».

В нем признано целесообразным прекратить проведение проектных и подготовительных работ по переброске части стока северных рек в реку Волга и дальнейшее осуществление проектных проработок, связанных с переброской части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан... Исключить из планов на 1986—1990 годы задания по выполнению указанных работ... Совминам союзных республик, Госагропрому СССР, Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР, Минэнерго СССР, промышленным министерствам и ведомствам... обеспечить осуществление действенных мер по экономному использованию водных ресурсов... Государственному комитету СССР по науке и технике, АН СССР и ВАСХНИЛу поручено продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов, на основе проведения всесторонних экономических и экологических исследований...

Вновь обратимся к интервью Григория Васильевича Воропаева газете «НТР: проблемы и решения»:

«К сожалению, наша пресса в последние два-три года опубликовала очень много фантастических сообщений о том, что, где и когда исчезает из-за водного строительства. Писательская фантазия настолько разыгралась, что появляются просто перлы... Никаких затоплений, сколько-нибудь существенных, никаких изменений климата, связанных, в частности, с переброской, не было, нет и не будет... У нас часто возникали кампании. Развернулась она и в защиту природы, и многие утратили чувство меры.

КОРР. ГАЗЕТЫ: Может быть, перегибы в защите природы не так страшны, как перегибы в ее перестройке?

Г. В.: Нет, я так не считаю. Это глубочайшая ошибка... Мелиоративные мероприятия по своей природе экологически самые чистые. Но в них увидели зло».

Перечитаем эти слова. А тех, кто так и не поверит глазам своим, адресую к подлиннику — газете «НТР: проблемы и решения» № 5 за 1987 год.

Оказывается, перегибы в перестройке природы не страшны. Оказывается, все последствия «проекта века» — лишь плод писательской фантазии. Впрочем, мы об этом уже говорили. Что же касается «зла» от мелиоративных мероприятий, то Г. В. Воропаев намеренно не замечает, что ученые и писатели выступают не против мелиорации вообще, а против плохой мелиорации.

Должен сказать, что во время моей встречи с руководителями ИВП они единодушно назвали интервью «Мое мнение: проекту жить...» «несчастным случаем».

Летом прошлого года на заседании Президиума Совета Министров СССР Г. В. Воропаев, обосновывая необходимость переброски части стока северных рек в Каспийское море, сослался на заключение многих институтов. Его попросили уточнить, каких именно. Оказалось, что таковым является ИВП, за которым выстроились научно-исследовательские организации Министерства водного хозяйства. И тогда А. Л. Яншин рассказал о мнении ученых, а еще о том, что в ближайшие десятилетия ввиду накопления в атмосфере углекислого газа — из-за хозяйственной деятельности человека — усилится парниковый эффект в атмосфере, количество атмосферных осадков будет неуклонно возрастать, в частности на территориях, лежащих севернее широты 50 градусов, а это повлечет увеличение стока Волги и поступления воды в Каспийское море. Это прогноз, данный Институтом физики атмосферы и Институтом географии АН СССР. Этот прогноз опубликован в журналах и в трудах международного климатологического конгресса, состоявшегося в 1985 году в Филлахе (Австрия).

Главный инженер проекта А. С. Березнер в своей докторской диссертации на тему «Территориальное перераспределение речного стока Европейской части РСФСР», излагая членам ученого совета суть своей работы, поведал о том, что он якобы разработал математическую модель последствий переброски. Официальный оппонент член-корреспондент АН СССР О. Ф. Васильев повторил доводы диссертанта и описал достоинства модели. Вдруг последовал вопрос: «Покажите нам, пожалуйста, эту модель и ознакомьте с ней подробнее». Оппонент замешкался, покраснел, стал бормотать что-то невнятное...

Мыльный пузырь лопнул. Впрочем, уважаемый читатель, после всего, о чем здесь уже было рассказано, вас вряд ли чем удивишь в этом грустном повествовании.

В последнее время, отмеченное сильным ослаблением позиций сторонников переброски, ими форсируются новые проекты, суть которых сводится к сооружению второго канала Волга-Дон, а также каналов Волга-Чограй и Волга-Урал. Эти три дорогостоящих проекта рассчитаны на суммарный забор из Волги 11 кубокилометров воды в год, а стало быть, они подводят к новому обоснованию «запроса» воды с Севера.

Прокомментировать эти проекты я попросил А. Л. Яншина. Вот что рассказал Александр Леонидович:

— Что касается второго русла канала Волга-Дон и подачи воды в Цимлянское водохранилище, то смысла в этом проекте лично я не вижу. Канал Волга-Чограй, который собираются прокладывать по калмыцким степям, где очень высок уровень грунтовых вод, — сооружение уже не просто бессмысленное, но и опасное. Дело в том, что близость грунтовых вод резко повысит при орошении посевных площадей опасность засоления почвы. Из-за канала начнется массовая гибель сайгаков, печальный опыт такого рода у нас уже есть. В калмыцких степях нужно усиленно развивать скотоводство, как это было всегда, а не наращивать площади орошаемых земель.

Выдвигая идею строительства канала Волга-Урал, Минводхоз при поддержке Института водных проблем ратует за... белугу.

Белугу, которая плачет оттого, что не может пройти через протоки Урала на нерест, и которой не хватает в речной воде кислорода. И поэтому, мол, необходимо рыть канал длиной 400 километров. Но предложены и другие, причем более простые решения. Одно из них — прорыть для белуги два-три прохода в самом устье Урала обычными землечерпалками. Так что и этот проект очень сомнителен. Ясно, что в его недрах упрятано желание любой ценой отстоять идею переброски.

— Александр Леонидович, в интервью газете «НТР: проблемы и решения» Г. В. Воропаев, утверждая: «Проекту жить»,— ссылается на постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, опубликованное 20 августа. Он приводит при этом строки, говорящие о том, что предписано исключить из планов на 1986 — 1990 годы задания по выполнению указанных работ по переброске. И восклицает: «Не из перспективных планов!» Как это оценить?

— В постановлении речь идет не только о текущей пятилетке. Планы 1986 — 1990 годов упоминаются потому, что никаких других перспективных планов нет. Постановление имеет принципиальный, стратегический характер. И с проблемой переброски стока рек Севера в данном случае всем все ясно. Всем, кроме Воропаева.

— Далее он говорит, что в постановлении, записано: «ГКНТ, АН СССР, ВАСХНИЛ — продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов на основе проведения всесторонних экономических и экологических исследований». Значит, продолжить и углубить»,— заключает Григорий Васильевич. И добавляет: «если бы проблема была закрыта намертво, то зачем было бы продолжать работы, тратить средства?»

— Вопросы регионального перераспределения водных ресурсов уже ставились в нашей стране: построены каналы, водохранилища. Однако последствия такого строительства изучены слабо. В постановлении сказано вообще об этой проблеме. По-моему, всем все ясно и в этом случае. Но Григорий Васильевич умудряется вновь прочитать документ по-своему. Удивительный человек!

— Александр Леонидович, судя по всему, борьба еще не окончена даже в вопросах европейской переброски. Но Институт водных проблем и Минводхоз по-прежнему много говорят о грандиозных перспективах и сибирского варианта.

Вот, например, они утверждают, что за счет перераспределения стока сибирских рек можно поднять урожайность и увеличить сбор зерновых в Сибири и Казахстане на 200 миллионов центнеров.

— Даже если эта цифра правильная, беда в том, что ни Минводхоз СССР, ни Институт водных проблем не пожелали рассмотреть альтернативные, более дешевые варианты получения необходимого количества зерна. А они есть. В Сибири и на Дальнем Востоке зерновыми засевают около 29 миллионов гектаров. Земледелие здесь ведется практически без минеральных удобрений, почвы сильно истощены и урожайность зерновых культур очень низкая. Отсутствие в Сибири удобрений связано с тем, что на всем пространстве от Урала до Тихого океана до недавнего времени у нас не было промышленных месторождений минерального сырья для их производства, а завоз удобрений за тысячи километров — из европейской части страны или Средней Азии — экономически невыгоден.

Но сейчас положение в корне изменилось. На севере Иркутской области найдены и разведаны крупнейшие по запасам месторождения высококачественных калийных солей, а на севере Монгольской Народной Республики — фосфоритов. В следующей пятилетке намечается их освоение.

Сравнение с результатами работ на опытных участках Сибирского отделения ВАСХНИЛ, на которых применялись калийные и фосфатные удобрения, показывает, что при достаточном их количестве с каждого гектара пахотной земли в Сибири можно получать на 10 центнеров больше, чем сейчас. При площади посевов, равной 29 миллионам гектаров, это составит 290 миллионов центнеров, то есть значительно больше, чем обещают дать за счет полива сторонники срочной переброски.

Сколько для этого нужно вложить средств, пока не подсчитано, но, во всяком случае, намного меньше, чем для строительства канала переброски сибирских рек. Ведь последняя цифра работниками Минводхоза преднамеренно занижалась, чтобы скорее получить разрешение на начало строительства. А действительная стоимость сооружения канала протяженностью 2400 километров вместе с освоением его зоны — по подсчетам, над которыми несколько лет трудились ученые Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР под руководством одного из крупнейших экономистов нашей страны, академика А. Г. Аганбегяна,— составит не меньше 90 миллиардов рублей.

Наша страна не может выделить для осуществления проекта переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию таких средств. К тому же сам этот проект был никуда не годен и Средней Азии он почти ничего не давал. Предполагалось забирать в канал 27,2 кубических километра воды в год. Из них четыре должно было подаваться по водопроводам в промышленные центры Южного Урала и шесть — оставаться в Казахстане для выращивания пшеницы. Остается 17 кубокилометров. Но сколько из них будет потеряно за счет фильтрации в земляные и песчаные стенки канала? Проектанты уверяют, что не больше 2,5 кубокилометра. Но верить им нельзя. Ведь знаменитый Каракумский канал на протяжении первых 250 километров — от Амударьи до Марыйского оазиса, где начинается использование его вод,— продолжает терять около пяти кубокилометров. А протяженность канала переброски сибирских вод на порядок (!) выше. Если его стенки останутся земляными, то потери из канала на фильтрацию будут никак не меньше шести-семи кубокилометров. Следовательно, проектируемый канал дал бы Узбекистану лишь 10 кубокилометров воды.

А ведь эта республика из-за плохого состояния ирригационной сети теряет более 20 кубокилометров воды в год. Бесспорно то, что сначала нужно привести в порядок местную ирригационную сеть. А это может дать В ДВА РАЗА БОЛЬШЕ воды, чем переброска ее из Сибири по существующему проекту.

Хочу особо подчеркнуть: в Постановлении, опубликованном 20 августа 1986 года, есть принципиально важное указание — сосредоточить главное внимание на использовании местных водных и других ресурсов, то есть избежать потерь, которые в несколько раз превышают предлагаемые объемы переброски. Но сторонники проекта этого указания словно не замечают.

...Выступая на собрании Отделения океанологии, физики атмосферы и географии в октябре 1984 года, Г. В. Воропаев сказал, что у годового стока Оби можно забрать 27 кубокилометров воды в год и это не приведет к сколь-нибудь серьезным последствиям. Его спросили: «Какой же объем переброски может, по вашему мнению, привести к таким последствиям?» И тогда последовал ответ: «Можно все реки Сибири повернуть в Среднюю Азию, и ничего не произойдет». Да, смелость суждений Григория Васильевича сродни их масштабности.

Слушаю магнитофонную запись его выступления на Всесоюзном координационном совещании по теме «Географический прогноз после действий переброски северных рек». Григорий Васильевич призывает ускорить решение вопроса переброски, дабы использовать трудовые ресурсы Средней Азии. По его мнению, это единственный на сегодня регион, где сохранились сельскохозяйственные трудовые навыки, потому как в **других районах они практически разрушены.** И добавляет: «Север — заброшенный, богом забытый край»(!!!).

Эти слова пусть прокомментирует сам читатель. Однако вновь обратимся к беседе с А. Л. Яншиным.

— В Средней Азии мы ежегодно теряем от забора воды к потребителю 29 кубокилометров. Потеря сама по себе огромная, но, возможно, еще хуже то, что эта вода поднимает уровень грунтовых вод. Вода испаряется, а растворенная в ней соль остается. Засоленная почва — мертвая.

Известно много способов борьбы с потерями воды: прокладывание труб, обмазывание глиной бортов каналов, обвалование с использованием полиэтиленовой пленки. В промышленности большие перспективы сулит дальнейшее развитие оборотного водоснабжения. Велики резервы экономии воды в коммунально-бытовом хозяйстве. Нужно только всем этим заниматься всерьез.

Неужели все это неизвестно члену-корреспонденту Академии наук СССР Воропаеву?

Известно, конечно. Но нельзя, негоже ему отступать. Нельзя отказаться от проекта, от идеи, которую он проповедовал многие годы. На которую поставил все. «Спорить с заключениями комиссии Яншина — это все равно, что спорить с таблицей умножения», — писал академик Г. И. Петров президенту Академии наук Г. И. Марчуку.

«У нас уже затоплено 2600 сел и 165 городов,— читаю я у Сергея Залыгина.— Площадь под существующими и проектируемыми водохранилищами по суммарным размерам приближается к площадям такого государства, как Франция,— что это? Невмешательство в жизнь всех этих сел и городов?

Но даже если меня и не выселяют совсем, а приходит человек и говорит: стол у тебя в доме не на месте, перенеси его в другую комнату, кровать выкинь совсем — будешь спать на раскладушке, вынеси в коридор буфет... Вот так и с природой: эту речку повернем сюда, эту — туда, этот лес вырубим, здесь построим пруд... Но ведь это все: и реки, и леса — это тоже мой дом, не в четырех же стенах я живу, почему же никто не спрашивает моего мнения? И опять-таки, кто к кому вмешивается — я со своей книгой к гидротехнику или гидротехник со своим проектом в мою жизнь?

Кроме того, наш опыт показывает, что когда самая широкая общественность подает свой голос, права оказывается она, а не узкие специалисты. Так было с Нижней Обью, так было с Байкалом...»

Кстати, о Байкале. Как недавно стало известно, группа академиков поставила вопрос о личной ответственности академика Н. М. Жаворонкова за обман ученых и общественности при прогнозировании экологических последствий в результате строительства целлюлозно-бумажных комбинатов на Байкале. Может быть, пора столь же принципиально поставить вопрос и в отношении члена-корреспондента Г. В. Воропаева?

В руководимом им институте негодуют, когда вместо слова «переброска» нет-нет у кого-то да вырвется — «поворот». Не нравится им, даже когда произносят: «поворот части стока». Понять ученых следовало бы: терминологическую точность нужно чтить, иначе искажается суть, идея.

Однако зря обижаются ученые. Ведь опубликовал же Григорий Васильевич в своем журнале «Водные ресурсы» статью сотрудников ИВП С. Я. Концебовского и Е. Л. Минкина с графиком, где кривая стока реки снижалась, снижалась, доползла до нулевой отметки и, не передохнув, устремилась дальше и ниже — в область отрицательных значений.

Вот так и повернули речку вспять. Всю. Хорошо, что только на бумаге. Приложили лекало, обвели тушью — и в печать! Ладно был бы первоапрельский номер. Но в ИВП шуток не позволяют, ученые там серьезные.

Впрочем, искать ошибки в научной статье — не дело журналиста. Конечно, не сам я эту ошибку обнаружил, показали. И перевернули страницу. Поулыбались, покачали головой да и забыли.

Однако очередная (и, кажется, не последняя) страница грандиозной эпопеи под названием «поворот», простите — «переброска», еще открыта. И кем-то пишется. Неровным почерком, но ПИШЕТ-СЯ!

А между строк следует читать: «После нас хоть потоп!»

Эта статья уже была сдана в редакцию, когда на стол президента Академии наук СССР Г. И. Марчука легло письмо от заведующего кафедрой общей экологии и гидробиологии биофака МГУ М. М. Телитченко, текст которого я решил привести полностью:

«Уважаемый Гурий Иванович!

Постановлением бюро Отделения океанологии, физики атмосферы и географии за № 4 от 3 марта 1987 года под председательством члена-корреспондента АН СССР В. М. Котлякова была образована комиссия по проверке деятельности Института водных проблем, в которую был включен и я. В результате работы комиссии часть ее членов выступила с заявлением о том, что научная деятельность института не соответствует задачам, которые он призван решать, и предложила укрепить руководство института.

В числе подписавших это мнение был и я.

Утром 27 июля мне позвонил секретарь комиссии А. В. Беляев и предложил подписать общее решение комиссии. Я ответил, что подпишу его, если будет включен пункт, указывающий, кто из членов комиссии выступил с особым мнением.

Через несколько часов после этого моей жене, старшему научному сотруднику Института водных проблем Л. А. Телитченко, находящейся в очередном отпуске, позвонила начальник отдела кадров института и предложила подать заявление об увольнении. Считаю, что такие действия некорректны, и прошу Вас принять соответствующие меры».

Неизвестный спешно рассказывает по телефону комиссару Мегрэ, что со вчерашнего вечера его преследуют какие-то люди с явным намерением убить. Уходя от преследователей, этот человек еще несколько раз звонил Мегрэ из разных мест, затем по его поручению звонили из кафе и почтового отделения. К концу дня звонки прекратились. Мегрэ недоумевает: кто этот человек в бежевом плаще? Разыгрывал ли он полицию, или действительно был жертвой преследователей? Среди ночи Мегрэ сообщили, что на одной из площадей обнаружили убитого в бежевом плаще. Вскоре нашлись свидетели, которые рассказали, что видели, как из автомашины вытащили труп и положили на мостовую.

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

В ... здании на набережной ...очти никого не было, если ... уборщиков, работавших в ... и на лестницах, еще от... ...мней сыростью.

... кабинет, Мегрэ увидел ...Люка, дремавшего у него в кресле.

— Что новенького?

— Редакции уже получили фотографию, но в утреннем выпуске поместят лишь некоторые газеты: поздно разослали снимок.

— А автомобиль?

— Обнаружен уже третий желтый «ситроен», но все это пока не то.

— Жанвье ты звонил?

— В восемь он меня сменит.

— Если кто-нибудь спросит, буду наверху... Пусть диспетчер соединит.

Спать Мегрэ не хотелось, но он чувствовал себя отяжелевшим, движения стали замедленными. По узкой лестнице поднялся на чердачный этаж Дворца правосудия, куда публику не пускали. Приоткрыв дверь с матовым стеклом, увидел Мерса, склонившегося над каким-то прибором, пошел дальше и добрался до дактилоскопической картотеки.

Не успел он и рта раскрыть, как эксперт-дактилоскопист покачал головой:

— Ничего не обнаружено, шеф.

Иными словами, «Нинин муж» не преступал французских законов ни разу.

Выйдя из помещения, Мегрэ направился к Мерсу. Сняв пальто, после некоторого колебания развязал душивший его галстук.

Мертвеца здесь не было, но он, казалось, находится тут, а не в секции № 17, куда поместил его сторож института судебной медицины.

Говорили мало. Оба продолжали работать, не заметив, что в окно мансарды проник солнечный луч. Стоявший в углу манекен на шарнирах пригодился Мегрэ и на этот раз.

Мерс, выколотив одежду в бумажных мешках, анализировал выбитую пыль.

Теперь этой одеждой занимался Мегрэ. Осторожно, словно художник-декоратор, принялся надевать на манекен (он был примерно того же роста, что убитый) сорочку и брюки.

Едва комиссар успел надеть на манекен пиджак, вошел Жанвье — бодрый и веселый: ведь он спал в собственной постели и поднялся с рассветом.

— Они-таки шлепнули его, шеф.

Взглянув на Мерса, Жанвье подмигнул: шеф, видно, не расположен к разговорам.

— Нам только что сообщили еще об одном желтом автомобиле. Люка его осмотрел. Это не тот, что нам нужен. И потом, номер оканчивается на девятку, а не на восьмерку.

Мегрэ отступил на шаг, чтобы полюбоваться своей работой.

— Ничего не замечаешь? — спросил он сержанта.

— Минутку... Нет... Никак не пойму... Тот человек был не такой высокий... Пиджак вроде коротковат...

— Это все?

— Разрез от удара ножа неширок...

— Больше ничего?

— На нем жилета не было...

— Что меня поражает, так это то, что пиджак из иного материала, чем брюки. И иного цвета...

— Так ведь бывает...

Продолжение. См. «Огонек» № 39.

— Одну минуту... Хорошенько взгляни на брюки. Они почти новые. А пиджак от другого костюма и куплен года два назад, не меньше.

— Похоже, так оно и есть...

— А ведь человек этот, судя по носкам, сорочке и галстуку, очень заботился о своей внешности... Свяжись с «Подвалами Божоле» и другими бистро... Попробуй выяснить, были ли на нем пиджак и брюки разного цвета.

Пристроясь в уголке, Жанвье принялся обзванивать все кафе по порядку. Голос его создавал в комнате как бы фоновый шум.

— Говорят из уголовной полиции, — монотонно повторял он. — Я полицейский, с которым вы вчера разговаривали... Не могли бы вы сказать...

К сожалению, тот человек нигде не снимал плащ. Возможно, он его расстегивал, но никто не заметил, каков был цвет его пиджака.

— Что ты делаешь, когда приходишь домой?

Жанвье, женатый всего год, лукаво усмехнулся.

— Жену целую...

— А потом?

— Усаживаюсь, а она мне домашние туфли тащит...

— А потом?

Поразмыслив немного, сержант хлопнул себя по лбу.

— Понял! Снимаю пиджак...

— Дома ты носишь какой-то особенный пиджак?

— Да нет... Просто надеваю какой-нибудь старый, в нем как-то уютнее...

После этих слов убитый незнакомец стал им вроде бы ближе. Вот он приходит домой, возможно, целует жену, как Жанвье. Во всяком случае, он тоже снял новый пиджак и надел поношенный. Закусил.

— Какой сегодня день?

— Четверг.

— Выходит, вчера была среда. Ты часто ешь в ресторанах? В дешевых ресторанах, вроде тех, где наш знакомец был, видно, завсегдатаем?

С этими словами Мегрэ натянул бежевый плащ на плечи манекена. Накануне, примерно в это же время или чуть позже, когда владелец его вошел в «Подвалы Божоле» вон там, чуть не на глазах у них, стоило лишь посмотреть в слуховое окно на противоположный берег Сены, плащ этот был на плечах еще живого человека.

И человек этот обратился к Мегрэ. Не к рядовому инспектору, или сержанту-детективу, или же, наподобие тех людей, что считают свое дело особо важным, к самому начальнику уголовной полиции.

Ему нужен был именно Мегрэ.

«Вы меня не знаете,— признался он тем не менее. Правда, прибавив: — Вы встречали мою жену Нину...»

Жанвье никак не мог взять в толк, к чему клонит комиссар, толкуя насчет ресторанов.

— Ты любишь соленую треску с кремом?

— Обожаю. Блюдо это тяжеловато для пищеварения, но все равно я ем его, как только представляется такой случай...

— Вот-вот!.. И часто жена готовит его тебе?

— Нет. Возни слишком много. Такое кушанье дома не часто отведаешь.

— Выходит, ты ешь его в ресторане, когда оно имеется в меню?

— Да.

— И часто оно бывает в меню?

— Не знаю... Минутку... Иногда по пятницам...

— А вчера была среда... Позвони доктору Полю и передай мне трубку.

Доктор, как раз составлявший протокол вскрытия, не удивился вопросу Мегрэ.

— Скажите, не было ли в треске трюфелей?

— Конечно, нет... Иначе я бы обнаружил.

— Спасибо... Вот так-то, Жанвье! В блюде этом трюфелей не было. Их обычно кладут в дорогих ресторанах. Выходит, дорогие отпадают. Сходи к детективам. Пусть Торранс и еще двое-трое парней помогут тебе. На коммутаторе не будут в восторге: на некоторое время тебе придется занять все линии связи. Обзвони один за другим все рестораны, начиная с района, где ты вчера работал. Выясни, не было ли у них вечером в меню соленой трески с кремом... Погоди минуту... Начни с заведений, носящих южные названия, именно там тебе скорее всего может повезти.

Не слишком польщенный или обрадованный возложенным на него поручением, Жанвье вышел.

— У тебя есть нож, Мерс?

Время близилось к полудню, а Мегрэ все еще возился со своим мертвецом.

— Вставь кончик в разрез на плаще... Хорошо... Теперь не двигайся...

Слегка приподняв ткань, он посмотрел на пиджак, находившийся под ней.

— Разрезы на плаще и пиджаке не совпадают... Теперь ударь иначе... Встань слева... справа... ударь сверху... снизу...

— Понимаю...

Несколько экспертов и ассистентов, работавших в огромном помещении лаборатории, искоса посматривали на обоих, насмешливо переглядываясь.

— И опять не совпадают... Между отверстиями в плаще и пиджаке добрых четыре дюйма... Принеси стул... Помоги...

Они с чрезвычайной бережностью усадили манекен.

— Хорошо... Когда человек садится, к примеру, за стол, пальто у него может задраться... Попробуй...

Напрасно пытались они совместить оба разреза, которые по логике должны были находиться один поверх другого.

— Так вот в чем дело! — воскликнул Мегрэ, словно решив трудное уравнение.

— Хотите сказать, что, когда его убили, плаща на нем не было?

— Почти наверняка.

— Однако в верхней одежде есть разрез, указывающий на удар ножом...

— Это было сделано позже, чтобы создать такое впечатление. Ведь человек не носит плащ в помещении — дома или в ресторане... Когда те люди взяли на себя труд испортить плащ, они попытались тем самым внушить нам, будто убийство произошло на улице... И раз они не поленились это сделать...

— ...то, выходит, преступление было совершено в закрытом помещении, — заключил Мерс.

— По той же самой причине они не побоялись доставить труп на площадь Согласия, где убийство вовсе не происходило...

Выколотив трубку о каблук, Мегрэ надел галстук и еще раз посмотрел на манекен: тот теперь еще больше походил на живого человека, чем когда находился в сидячем положении. Сзади или же сбоку, когда не видно было лишенное черт бесцветное лицо, сходство это становилось особенно разительным.

— Зацепился за что-нибудь?

— Пока почти не за что ухватиться. Я еще не кончил. Однако в углублении подошвы обнаружил мизерное количество довольно характерной грязи. Это земля, пропитанная вином. Такую можно обнаружить в деревенском подвале, где только что раскупорили бочонок с вином.

— Продолжай работу. Позвони, я буду в кабинете.

Когда комиссар зашел к начальнику управления, тот встретил его словами:

— Ну, Мегрэ, что узнали о своем мертвеце?

Так впервые была произнесена эта сакраментальная фраза. Кто-то, видно, известил начальника о том, что с двух часов ночи комиссар Мегрэ только этим и занимается.

— Все-таки они его прикончили? Должен признаться, вчера я был склонен полагать, что вы имеете дело с шутником или сумасшедшим.

— Я так не думал. Я поверил всему, что мне сказал незнакомец, после первого же его звонка.

Почему? Он бы и сам не сумел объяснить. Но уж наверняка не потому, что человек этот обратился к нему лично. Разговаривая с шефом, Мегрэ невольно поглядывал на залитую светом набережную на противоположном берегу Сены.

— Руководить расследованием прокурор поручил Комелио. Утром они отправляются в институт судебной медицины. Не хотите составить им компанию?

— Какой смысл?

— Вам все же надо бы повидаться с Комелио. Или позвонить. Он довольно обидчив. (Мегрэ это знал.) Не кажется ли вам, что с убитым свели счеты какие-то преступники?

— Не могу сказать. Проработаю эту версию, хотя такого впечатления у меня и не складывается. В преступном мире не принято выставлять напоказ свои жертвы на площади Согласия.

— Что ж, делайте, что считаете необходимым. Наверняка кто-нибудь скоро опознает его...

— Это бы меня удивило...

Мегрэ испытывал какое-то странное чувство. Что именно это было, он вряд ли сумел бы объяснить. Все как-то увязывалось одно к одному, но стоило попытаться дать своим предположениям четкую формулировку, получалась сумятица.

Вновь и вновь мысли его возвращались к жуткой находке на площади Согласия. Выходит, кто-то хотел, чтобы труп обнаружили, причем обнаружили быстро. Гораздо проще и менее опасно было бы, к примеру, бросить тело в Сену, где его смогли бы отыскать лишь спустя несколько дней, а то и недель.

Убитый не был богачом или общественным деятелем. Это был заурядный обыватель.

Но если кто-то хотел, чтобы полиция заинтересовалась жертвой, почему он изувечил ей лицо и вынул из карманов все, что могло бы способствовать опознанию?

И в то же время с пиджака этикетку не сняли. Очевидно, по той причине, что злоумышленники знали: пиджак этот из магазина готового платья, такие носят тысячи.

— У вас озабоченный вид, Мегрэ.

— Все как-то не увязывается между собой, — единственно, что мог ответить Мегрэ.

Слишком много деталей противоречило друг другу. И еще одно обстоятельство озадачивало Мегрэ, если не сказать, раздражало.

Когда же этот человек звонил в последний раз? По существу, последней весточкой от него была записка, оставленная в почтовой конторе предместья Сен-Дени.

В этой записке бедняк настойчивее всего взывал о помощи. Он даже просил Мегрэ предупредить дежурных полицейских, чтобы любой из них смог тотчас прийти ему на выручку.

И вот в промежуток от восьми до десяти вечера его убили.

Что же он делал с четырех до восьми? В распоряжении у комиссара не было ничего, что могло бы послужить ответом на такой вопрос. Вспомнилась история с потерпевшей аварию подводной лодкой. Благодаря радио свидетелем ее оказался целый мир. Все явственно слышали сигналы, подаваемые людьми, очутившимися в западне. Перед мысленным взором возникали спасательные суда, снующие взад-вперед над местом трагедии. Затем сигналы стали слышаться все реже и реже. И неожиданно воцарилась тишина.

У неизвестного же не было уважительных причин молчать. На многолюдных улицах Парижа, средь бела дня, похитить его не могли. Ранее восьми часов его не убили.

Все указывало на то, что человек этот отправлялся домой, тем более что он переодел пиджак. Пообедал дома или в ресторане. Причем не торопясь, спокойно, раз успел съесть суп, блюдо из трески и яблоко. Яблоко — оно-то и указывало на то, что он был тогда спокоен!

Но почему он не меньше чем четыре часа не давал знать о себе?

Не колеблясь, неоднократно обращался к комиссару за помощью, умолял его немедленно пустить в ход полицейский аппарат. Но где-то после четырех часов словно бы изменил свои намерения, решив, видно, не связываться с полицией.

Это встревожило Мегрэ. Его мертвец словно бы оказался не верен ему.

— Ну как, Жанвье?

В сержантской было накурено. Четверо детективов с унылым видом сидели у телефонов.

— Блюда из трески не обнаружено, шеф! — комически вздохнул Жанвье. — Мы уже обследовали тот район. Мне еще надо связаться с Монмартром, а Торранс занимается площадью Клиши...

Мегрэ тоже позвонил из своего кабинета, но его объектом был небольшой трактир на улице Лепик.

— Да, на такси... Сию же минуту...

На письменном столе лежали фотографии убитого, сделанные ночью. Утренние газеты, отчеты, записка от судьи Комелио.

— Это ты, мадам Мегрэ?.. Не так чтоб очень плохо... Успею ли домой к обеду, не знаю... Нет, побриться даже было некогда... Попробую сходить к парикмахеру... Да, поел...

Попросив курьера, старого Жозефа, задержать возможного посетителя, Мегрэ все-таки сходил побриться. Требовалось лишь мост перейти. Зайдя в первую же парикмахерскую на бульваре Сен-Мишель, с недовольным видом посмотрел в зеркало на мешки под глазами.

Уходя из своего кабинета, Мегрэ знал, что не устоит перед искушением заглянуть в «Подвалы Божоле», пропустить стаканчик. Во-первых, потому, что ему нравилась атмосфера таких вот бистро, где никогда не бывает много народу и где владелец беседует с вами как со старым знакомым. Ему, кроме того, нравилось божоле, особенно когда его, как здесь, подают в глиняных кувшинчиках. Была и еще одна причина. Он искал следы своего мертвеца.

— Странное у меня было чувство, господин комиссар, когда газету утром читал. Вы знаете, видел я его мельком. Но, помнится, он мне понравился. Как сейчас вижу: входит, руками размахивает. Верно, он был расстроен, но лицо у него славное. Готов биться об заклад, когда у него все было в порядке, он был веселым парнем... Вы поднимете меня на смех, но вот чем

больше я думаю об этом, тем чаще приходит мне в голову: чем-то он смахивает на клоуна... Кого-то мне напоминает... Вот уже несколько часов ломаю голову...

— Кто-то похож на него?

— Да... То есть нет... Все гораздо сложнее... Напоминать напоминает, а кого, не скажу... Разве его еще не опознали?

Это тоже было странно (ведь газеты вышли), хотя вряд ли неестественно. Правда, лицо изуродовано, но не настолько, чтобы его не мог узнать человек, хорошо знавший убитого, к примеру, жена или мать.

Был же у него дом, хотя бы номер в дешевой гостинице. И дома он отсутствовал всю ночь.

По логике, за последние несколько часов кто-нибудь должен был узнать фотографию или же известить полицию о его исчезновении.

И все-таки Мегрэ на это не рассчитывал. Очутившись по эту сторону моста, он направился к себе в кабинет, все еще ощущая во рту приятный, чуть терпкий привкус божоле. Поднимаясь по обшарпанной лестнице, комиссар невольно ловил взоры, исполненные почтения и страха.

Взгляд в окно приемной. Человек стоял, непринужденно потягивая сигарету.

— Сюда проходи...

Проведя посетителя в кабинет, усадил его в кресло, потом снял пальто и шляпу, краешком глаза наблюдая при этом за гостем. Тот издали смотрел на фотографии убитого.

— Ну, Фред...

— Я к вашим услугам, господин комиссар... Не ждал, что вам понадоблюсь... Не представляю себе, чем могу быть полезен...

Посетитель, худой и очень бледный, был одет с некоторой женственной элегантностью. Вздрагивающие порой ноздри выдавали в нем наркомана.

— Не знаешь его?

— Когда я увидел снимки, то сразу смекнул, что произошло. Видно, здорово его отделали.

— Никогда его не встречал?

Было ясно: Фред добросовестно старается выполнить свои обязанности. Информатор внимательно разглядывал фотографии, подошел даже к окну, чтобы получше их изучить.

— Нет... И все-таки...

Мегрэ ждал, набивая трубку.

— Нет! Точно, никогда не видел... Но кого-то он мне напоминает... Не могу только понять, кого именно... Во всяком случае, он не нашего круга... Будь он даже новичком, я б его приметил...

— Кого же он тебе напоминает?

— Сам ломаю голову... Не знаете, чем он занимался? И в каком районе жил?

— Тоже не знаю.

— Он не провинциал, сразу видно.

— Я в этом уверен.

Накануне Мегрэ отметил явно парижское произношение незнакомца — так говорят рабочие, простые люди, каких встречаешь в метро, в бистро на окраинах города, на поднимающихся ярусами скамьях Зимнего велодрома.

В сущности... В голову ему пришла идея... Надо будет проработать этот вариант.

— А женщину по имени Нина ты не встречал?

— Погодите, погодите... Есть одна в Марселе, вторая заправляет борделем на улице Сен-Ферреоль...

— Это не то, я ее знаю... Ей по крайней мере пятьдесят.

Посмотрев на фотографию убитого, которому можно было дать лет тридцать, Фред изрек:

— Это еще ничего не значит!

— Захвати одну фотографию. Пошарь хорошенько. Показывай повсюду.

— Можете на меня рассчитывать... Думаю, через несколько дней кое-что разнюхаю. Не насчет жмурика. Я имею в виду одного крупного спекулянта наркотиками. Пока мне только известно, что его зовут мсье Жан. Я его ни разу не видел. Знаю только: он заправляет целой шайкой. Сам у них все время достаю наркотики. Влетает в копеечку... Так что капуста мне б не помешала...

Жанвье, находившийся в соседней комнате, все еще занимался блюдом из трески.

— Вы были совершенно правы, шеф. Все отвечают, что подают это блюдо только по пятницам. И то не часто. На пасху, бывает, готовят и в среду, но ведь до пасхи еще далеко...

— Пусть этим займется Торранс. Что сегодня на Зимнем велодроме?

— Позвольте, в газету загляну.

В тот день были мотогонки.

— Возьми с собой фото. Зайди в кассы, потолкуй с разносчиками, которые апельсинами и земляными орехами торгуют. Обойди соседние бистро. Потом можешь обследовать кафе поблизости от Порт-Дофин.

— Думаете, он был болельщиком?

Мегрэ этого не знал. Как и у других — у хозяина кафе, у информатора Фреда,— у него тоже было какое-то странное, смутное чувство.

Не мог он себе представить того человека в конторе или в лавке. По словам Фреда, не принадлежал он и к преступному миру.

Зато как-то вписывался в маленькие кафе, посещаемые рабочим людом. У него была жена по имени Нина. И Мегрэ когда-то знал ее.

В какой связи? Неужели кто-то стал бы хвастаться, если бы комиссару пришлось столкнуться с его женой по профессиональной линии?

— Дюбонне, обратись-ка в полицию нравов. Посмотри списки зарегистрированных проституток за последние несколько лет. Запиши адреса всех Нин. Повидайся с ними. Смекнул, что от тебя требуется?

Дюбонне, молодой детектив, только что окончивший училище, был несколько чопорен, всегда безупречно одет и изысканно вежлив со всеми, и, возможно, такого рода поручение Мегрэ дал ему в насмешку.

Второму детективу он велел заглянуть во все бистро вокруг Шатле, площади Вог и Бастилии.

Комелио, руководивший расследованием, не выходя из своего кабинета, в это время нетерпеливо ждал Мегрэ, силясь понять, почему тот до сих пор не удосужился с ним связаться.

— Что с желтыми «ситроенами»?

— Этим занимается Эрио.

Все шло по заведенному порядку. Даже если бы не дало никаких результатов. На всех дорогах Франции жандармы останавливали желтые «ситроены».

Надо было еще послать кого-нибудь в магазин на Севастопольском бульваре, где был куплен пиджак мертвеца, потом еще в один, на бульваре Сен-Мартен, где был приобретен плащ.

И все это время приходили и уходили, звонили по телефону, выстукивали на машинке свои рапорты детективы, занятые десятками других расследований. В коридорах ждали посетители. Из отдела, наблюдающего за отелями, в полицию нравов, а оттуда в уголовную полицию носились посыльные.

— Послушайте, шеф...— послышался в трубке голос Мерса.— Второстепенная деталь, которая, возможно, не имеет никакого значения. Я так мало узнал, что решил сообщить на всякий случай. Взял, как обычно, волосы на анализ и обнаружил следы губной помады...

Это звучало почти комично, но никто не засмеялся. Какая-то женщина поцеловала в волосы мертвеца комиссара Мегрэ. Женщина, которая красит губы.

— Прибавлю, что губная помада дешевого сорта и что женщина скорее всего брюнетка. Цвет помады темно-красный...

Не вчера ли вечером поцеловала женщина незнакомца? И не дома ли, когда он пришел и сменил пиджак?

А если не переодевался, то, следовательно, он вовсе не был намерен снова выходить на улицу. Человек, забежавший домой всего на час, не станет тратить время на переодевание.

Значит, его вызвали неожиданно... Но может ли статься, чтобы преследуемый, перепуганный до того, что он, размахивая руками, носился по улицам Парижа, то и дело звонил в полицию, чтобы человек этот оставил свое жилище с наступлением темноты?

Женщина поцеловала его в волосы или прижалась лицом к щеке... Разве это не знак привязанности?

Мегрэ вздохнул, снова набивая трубку, и взглянул на циферблат. Пошел первый час.

Еще вчера примерно в такое же время человек этот под журчание фонтанов шел по площади Вог.

Комиссар открыл небольшую дверь, которая вела из полицейского управления во Дворец правосудия. Похожие на огромных черных птиц, проплывали по коридорам облаченные в мантии адвокаты.

— Сходим навестим старую обезьяну,— вздохнул Мегрэ: Комелио он терпеть не мог.

Представил себе, как тот встретит его, цедя с язвительной укоризной: «Я жду вас, господин комиссар...»

Такой вполне способен, уподобляясь Людовику XIV, сказать и почище: «Мне едва не пришлось ждать...»

Но Мегрэ было наплевать.

С двух часов ночи комиссара интересовал лишь его мертвец.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Чрезвычайно рад, господин комиссар, что могу наконец побеседовать с вами.

— Поверьте, господин судебный следователь, это я польщен такой возможностью...

Мадам Мегрэ вскинула глаза. Всякий раз, как в голосе мужа появлялись эти сугубо спокойные и вежливые интонации, ей становилось не по себе. Когда он говорил с ней таким образом, ей хотелось расплакаться — настолько это ее обескураживало.

— Я пять раз звонил вам...

— А меня не было на месте!— вздохнул с деланным испугом Мегрэ.

Она принялась подавать мужу знаки, чтобы тот не забывался; ведь он говорит с человеком, чей шурин два или три раза входил в состав правительства.

— Меня только что уведомили, что вы больны...

— Не столь уж опасно, господин Комелио! Люди так склонны преувеличивать! Всего-навсего сильная простуда. Да и не уверен, что такая уж сильная!

Это веселое расположение духа, возможно, было вызвано тем обстоятельством, что Мегрэ сидел у себя дома в кресле, облачившись в удобный халат и мягкие туфли.

— Меня удивляет, что вы не известили меня, кто вас замещает.

— Где замещает?

Комелио говорил сухо, отрывисто, нарочито спокойно, между тем как голос комиссара Мегрэ становился все более добродушным.

— Я касательно площади Согласия. Полагаю, вы не забыли об этом деле?

— Только о нем и думаю день-деньской. Я как раз говорил жене...

Мадам Мегрэ еще отчаяннее замахала руками, умоляя не упоминать ее имени. Квартирка их была небольшой и уютной. Мебель в гостиной — мореного дуба — была приобретена еще к свадьбе. На белой стене соседнего дома четко выделялись черные буквы: «Лост и Пепэн, точные инструменты».

Утром, днем и вечером вот уже в течение тридцати лет видел Мегрэ эту надпись над воротами огромного склада и рядом — два-три грузовика с выведенными на них теми же буквами, но зрелище это до сих пор ему не надоело.

Напротив! Надпись ему даже нравилась. Он чуть ли не с нежностью скользнул по ней взглядом. Потом по привычке посмотрел на дом, стоящий в отдалении, где на окнах сушилось белье, а на одном из подоконников по случаю потепления погоды снова появилась алая герань.

Наверняка это была другая герань. Мегрэ же готов был поклясться, что цветочный горшок, как и сам он, находится тут постоянно в течение последних тридцати лет. За все это время Мегрэ ни разу не видел, чтобы кто-нибудь выглядывал из окна или поливал цветы. Кто-то, видно, жил в этой комнате, но распорядок дня у него был иной, чем у комиссара.

— Как вы полагаете, господин Мегрэ, ваши подчиненные в ваше отсутствие ведут расследование столь же старательно, как вам хотелось бы?

— Убежден, господин Комелио. Больше того, вполне в этом уверен. Представить себе не можете, до чего же удобно вести такого рода расследование, сидя дома в кресле в теплом, уютном кабинете вдали от шума и всякой суеты. Под рукой один лишь телефон да чашка лекарственного отвара. Хочу открыть вам маленький секрет. Любопытно, заболел бы ли я, если бы не это расследование. Очевидно, нет, ведь я простудился именно на площади Согласия. Причем в ту самую ночь, когда там был обнаружен труп. А может быть, утром, на рассвете, когда мы вместе с доктором Полем шли после вскрытия по набережной. Но дело не в этом. Если бы не расследование, вас моя простуда не очень-то беспокоила бы. Вы меня понимаете?

У Комелио, восседавшего в своем кабинете, лицо, должно быть, позеленело от подобной дерзости. А бедная мадам Мегрэ места себе не находила, ведь она так почитала всякое начальство, всякую власть!

— Скажем так. Тут у себя дома под присмотром жены я могу как следует обдумать, как вести расследование. Здесь мне никто или почти никто не мешает...

— Мегрэ!— оборвала его жена.

— Тсс!

— И вы считаете нормальным, что спустя три дня убитый все еще не опознан!— возмущался Комелио.— Фотография его появилась во всех газетах. Судя по вашим словам, у него есть жена...

— Да, он мне говорил.

— Позвольте мне докончить. У него есть жена и, наверно, друзья. Есть также соседи и, возможно, домохозяин. Кто-то привык видеть его

в определенное время на улице. Но никто почему-то не явился опознать его или сообщить об исчезновении. Правда, дорогу на бульвар Ришар-Ленуар знают не все.

Бедный бульвар Ришар-Ленуар! Дался он им! Действительно, бульвар ведет на площадь Бастилии. Действительно, он окружен тесными людными улочками. А в районе, примыкающем к нему, полным-полно разного рода мастерских и складов. Но сам бульвар широк, и по середине его проходит полоска газона. Трава эта растет над тоннелями метро, откуда через вентиляционные шахты выходит наружу теплый воздух и запах хлорированной воды. Каждые две минуты грохочет поезд подземки, и близлежащие дома как-то судорожно вздрагивают.

Дело привычки. В течение последних тридцати лет друзья и сослуживцы раз сто подбирали для Мегрэ квартиру в более пристойных, по их словам, кварталах. И Мегрэ осматривал их, но затем отвечал, бормоча:

— Конечно, тут очень мило...

— А какой вид, Мегрэ!

— Да...

— Комнаты просторные, светлые.

— Да... Превосходная квартира... Я б с удовольствием поселился тут... Только...

Помолчав, Мегрэ со вздохом качал головой:

— Только знаете... Эти переезды!..

Тем хуже для тех, кому не нравится бульвар Ришар-Ленуар. Тем хуже для Комелио.

— Скажите, господин судебный следователь, вам когда-нибудь приходилось засовывать себе в нос горошину?

— Что, что?

— Я говорю: горошину. Помню, была у нас такая игра в детстве. Попробуйте на себе. А потом взгляните в зеркало. Вы будете поражены. Бьюсь об заклад: в таком виде, с горошиной в ноздре, вы пройдете мимо людей, которые вас часто видят, и они вас не узнают. Ничто так не меняет выражение лица. Самая незначительная перемена во внешности в особенности смущает именно тех людей, которые более других привыкли к нам. А лицо нашего подопечного, как вам известно, изуродовано гораздо сильнее. Это вам не горошина, засунутая в ноздрю.

Есть и другая причина. Людям трудно представить себе, чтобы их сосед, сослуживец или официант, который каждый день подает им обед, оказался вдруг кем-то другим, стал, скажем, убийцей или его жертвой. Они читают в газетах о преступлениях и полагают, что все это происходит где-то в ином мире, в другой обстановке. Но только не у них на улице, не у них в доме.

— Короче говоря, вы считаете естественным, что никто еще не опознал убитого?

— Меня это не очень удивляет. Помню случай, когда утонувшую женщину опознали лишь полгода спустя. Причем это было в ту пору, когда в морге не было холодильника и лишь струйка холодной воды стекала на каждый труп!

Мадам Мегрэ вздохнула, оставив всякую надежду урезонить мужа.

— Короче говоря, вы успокоились. Убит человек, но спустя три дня мы не только не напали на след преступника, но даже ничего не знаем о жертве.

— Мне известно много мелких деталей, господин Комелио.

— Несомненно, настолько мелких, что о них не стоит сообщать, хотя именно я возглавляю расследование.

— Вот, к примеру, одна из них. Убитый был немного щеголем. Возможно, особым вкусом он не отличался, но за своей внешностью следил, как можно заключить по его носкам и галстуку. Потом, он носил серые брюки, габардиновый плащ и очень легкие туфли из черной замши.

— Действительно, очень интересно!

— Да, очень интересно. Тем более что на нем была еще и белая сорочка. Разве не следовало бы ожидать, что человек, которому нравятся сиреневые носки и цветастые галстуки, предпочел бы яркую, по крайней мере полосатую или пеструю рубашку? Сходите в бистро, вроде тех, куда он нас привел. Похоже, это были привычные ему заведения. Там вы не заметите гладких белых рубашек.

— Из чего вы заключаете...

— Подождите минутку. По крайней мере в двух таких бистро — Торранс это установил — он вроде бы по привычке заказал «сюз-ситрон».

— Значит, нам известен его излюбленный аперитив!

— Вы когда-нибудь пробовали «сюз», господин Комелио? Это горький и не слишком крепкий напиток. Не самый распространенный аперитив. Я заметил, что люди, которые пьют его, обычно посещают кафе не затем, чтоб налакаться. Такой народ бывает там по профессиональной необходимости. Например, коммивояжеры, которым приходится принимать угощение.

— Отсюда вы заключаете, что убитый был коммивояжером?

— Нет.

— Ну, так какой же вывод?

— Погодите. Его видели пять или шесть человек, у нас есть их показания. Но никто не может дать точный его портрет. Большинство заявляет, что это был невысокий человек, имевший привычку размахивать руками. Чуть не забыл деталь, которую обнаружил утром Мерс. Мерс — дотошный малый. Он никогда не бывает доволен тем, что сделал, и по собственной инициативе проверяет свои результаты. Так вот! Мерс установил, что убитый был косолап.

— Что вы хотите сказать?

— У него были плоские вывернутые ступни, если вам угодно.— Комиссар дал знак мадам Мегрэ, чтобы та набила ему трубку, и краешком глаза наблюдая за операцией, показал жестом, чтобы она не слишком приминала табак.

— Я толковал об описаниях, какими мы располагаем. Они довольно нечетки, и все-таки у двух человек из пяти осталось одинаковое впечатление. «Я не вполне уверен,— сказал мне хозяин «Подвалов Божоле».— Но он мне кого-то напоминает... Но кого именно?» А ведь убитый не киноактер и даже не статист. Я посылал детектива навести справки в киностудиях. Он также не политик или судебный деятель.

— Мегрэ!— воскликнула его жена.

Комиссар раскурил трубку и, попыхивая, продолжал:

— Прикиньте, господин Комелио, к какой профессии подошли бы эти подробности?

— Я не любитель развлечений в гостиной.

— Когда не высовываешь носа из дому, остается время на размышления. Все забываю о главном. Разумеется, мы произвели поиски в ряде кругов, например, среди болельщиков футбола и велогонок. Правда, безрезультатно. Я также распорядился опросить всех арендаторов П. М. Ю.

— Как вы сказали?

— «Пари-Мютюэль-Юрбен»... Букмекерские конторы... Знаете, есть такие кафе, где вы можете делать ставки, не ходя при этом на скачки... Почему-то мне кажется, что наш знакомец был завсегдатаем такого рода заведений... Но и это направление ничего не дало.

Комиссар Мегрэ был ангельски терпелив. Он словно намеренно затягивал телефонный разговор.

— А вот детективу Люка, который отправился на скачки, повезло... На это ушло много времени... Да и вряд ли это можно официально назвать опознанием.. Разумеется, из-за повреждений лица. Потом не забывайте, что нам привычнее видеть людей живыми, а не мертвыми. Учтите и то обстоятельство, что человек, став трупом, значительно изменяется внешне... И все-таки несколько человек вспомнили его... Он обычно находился на трибунах для публики, не в ложе... По словам «жучка», довольно часто...

— И все-таки этих сведений оказалось недостаточно, чтобы опознать убитого?

— Да. Однако вместе с другими данными, о которых я вам рассказывал, эти сведения позволяют мне почти с полной уверенностью заявить, что убитый работал «по части лимонада».

— Как это понять?

— Так у нас принято называть официантов, судомоек, барменов, даже владельцев кафе. Это профессиональный термин, относящийся к лицам, занятым обслуживанием клиентов спиртным в отличие от съестного. Заметьте, все кельнеры кафе кажутся похожими. Я не хочу сказать, что они действительно похожи, но между ними есть какое-то семейное сходство. Часто бывает, что вы узнаете официанта, которого никогда прежде не встречали.

У большинства из них больные ноги, что вполне понятно. Они носят мягкие, легкие туфли, чуть ли не шлепанцы. Вы никогда не увидите на кельнере или метрдотеле спортивные туфли на толстой подошве. Они привыкли носить белые рубашки. Кроме того, хотя я не утверждаю, что это обязательно, многие из них косолапы.

И еще. По какой-то неясной мне причине официанты кафе обожают конские бега, и многие из тех, кто занят лишь рано утром или вечером, постоянно бывают на скачках.

— Короче говоря, вы заключаете, что убитый был официантом?

— Нет. В том-то и загвоздка.

— Тогда я вас не понимаю.

— Он работал «по части лимонада», но официантом не был. Я несколько часов прикидывал все это от нечего делать.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

ПЕРВЫЙ

В Москве состоялся организованный Советским фондом культуры первый благотворительный концерт. Весь сбор от концерта поступил на восстановление здания церкви Большого Вознесения, в котором будет открыт Государственный концертно-выставочный зал.

Любовь ЛУКЬЯНОВА,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

Благотворительность. Благо-творительность...

Не правда ли, мы немного не дожили до момента, когда в очередном издании Толкового словаря русского языка в объяснении этого слова было бы четко обозначено: «устар.», что значит «устарелое». Кем обозначено?.. Да тем, кто долгое время строго решал за нас с вами, что говорить громко, а что шепотом, что устарело, а что, напротив, актуально.

Кто же он, этот «строгий»? Надо полагать, один из тех, кто еще два года назад безапелляционно считал, что «Реквием» Анны Ахматовой (25 сентября в 1987 году в Государственном концертном зале «Россия» его прекрасно прочитала Алла Демидова, участвуя в благотворительном концерте с благотворительной целью!..) — запрещенная литература. Этим строгим не было запрещено ставить великого поэта нашего века в условия, исторгнувшие из ее сердца крик «Реквиема», но сам «Реквием» для нас как бы и не существовал. Его негласно, не обсуждая, запретили.

Так же не рекомендовали и благотворительность, поскольку это не у нас, у них...

В словаре Даля можно прочесть без всяких оговорок: «благотворить — благодетельствовать, делать добро». В этом смысле слово и возрождено сейчас, когда по инициативе Советского фонда культуры состоялся первый благотворительный концерт.

Концерт этот, не афишируя заранее, самозабвенно в течение восьми месяцев готовила, не ожидая в награду почета, лавров либо иных себе выгод, инициативная группа артистов и художников. И вряд ли он забудется теми, кому выпала радость видеть программу.

Балет, вокал, музыка. поэзия... Соединенные талантом, искренностью, совестью артистов, обласканных мировой славой, и все эти такие разные номера стали истинным гимном Искусству.

«Виртуозы Москвы» под руководством Владимира Спивакова весь вечер с редкой щедростью удивляли и вдохновенным мастерством, и готовностью, умением служить самому духу музыки.

Что значат для нашего искусства Екатерина Максимова и Владимир Васильев, наверное, нет смысла объяснять. Авторитет их таланта, совершенного мастерства уже давно безусловен. Но за режиссуру этого вечера, а также за постановку новых, никогда ранее не исполнявшихся танцев к нему Васильев взялся с готовностью и горячностью студийца.

Среди мастеров такого класса не пропал, не затерялся совсем еще юный, но уже хорошо известный Евгений Кисин, исполнивший вместе с «Виртуозами» Рондо Моцарта.

Еще древние вывели: отдавая, приобретаешь сам. Этот вечер наградил участников не только аплодисментами и цветами, но и неожиданным открытием каких-то новых граней в собственном даровании. Во всяком случае, хочу сказать, что не раз доводилось слушать и Тамару Синявскую, и Зураба Соткилаву, но именно на этой сцене прекрасная певица достигла трагической высоты, исполняя арию из «Страстей по Матфею» И.-С. Баха, а темпераментный дар знаменитого тенора, пожалуй, прежде не был столь строго, подлинно лиричен.

И еще раз хочется отдать должное уму и вкусу составителей программы. Без стихов Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Ходасевича и других поэтов, что прозвучали для нас в исполнении Аллы Демидовой и Сергея Юрского, концерт вышел бы излишне академичным, я бы даже сказала, стерильным. Поэзия напомнила, в какое время мы живем, как сложен, а порой безумен мир. Бурями нашего времени, нашей крови, наших мыслей, нашей памяти веяло со сцены. И совсем уж простые истины рождались как озарение: зло может быть побеждено только силой добра.

Вот такой концерт состоялся в Государственном Центральном концертном зале «Россия».

Но если говорить откровенно, то этому высочайшему действу, осененному присутствием подлинного искусства, больше подошли бы другие люстры и другие стены. Проведение подобного вечера в Колонном зале Дома союзов, где в свое время состоялось множество благотворительных вечеров, представляется мне абсолютно естественным, если хотите, даже единственно возможным. Прекрасная музыка и несравненные живые голоса должны так и звучать — живыми, а не через дорогую иностранного производства аппаратуру (собственными акустическими возможностями зал «Россия» не располагает вовсе). И замечательный вернисаж двенадцати картин из личных коллекций должен был проходить не в темноте тесного коридора, а в других стенах. Левицкий, Клодт, Васнецов, Коровин, Бенуа, Ян Веникс, согласитесь, заслуживают этого. И вот тут хочется помечтать о времени, когда руководители, в чьем ведении

Екатерина Максимова и Владимир Васильев.

находится этот прекрасный зал Дома союзов, не станут отбиваться и объяснять, что аренда зала стоит больших денег, а у вас, мол, таких нет, а сами обратятся в СФК и скажут: «Дорогие товарищи, когда вы в следующий раз будете устраивать подобный благотворительный вечер, пожалуйста, приходите к нам, мы будем тому очень рады. Мы не самая бедная организация — ВЦСПС все-таки,— чем можем — поможем»...

И последнее. Снова хочется подчеркнуть — это была не просто мудрая и красивая акция Советского фонда культуры, это был не просто блистательный вечер — это была победа интеллигентного образа мышления, которой мы ждали долго. Тот низкий поклон, что отдал Владимир Васильев стоящему среди аплодировавшей публики председателю СФК академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, не просто жест, а признание исключительной важности роли культурного просветительства, что взял на себя фонд.

Поздравим же друг друга: в наш пока еще не ежедневный, а праздничный обиход возвращаются щедрость души, высота, добро.

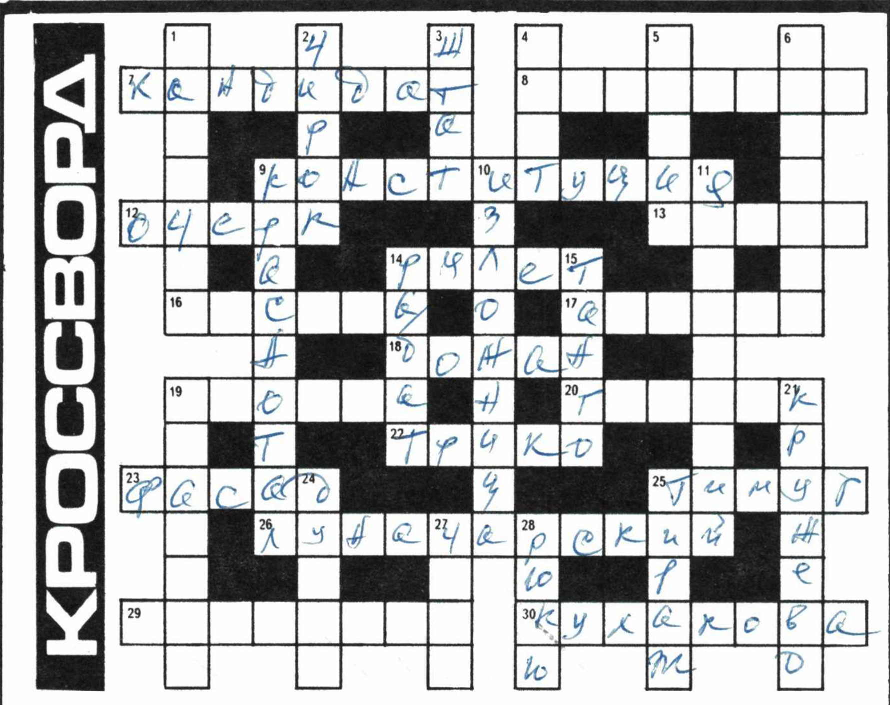
Выставлены шедевры из личных коллекций.

За роялем Женя Кисин.

В сопровождении «Виртуозов Москвы» поет Зураб Соткилава.

«Реквием» А. Ахматовой читает Алла Демидова.

По горизонтали: 7. Человек, выдвинутый к избранию в депутаты. 8. Картина В. М. Васнецова. 9. Основной закон государства. 12. Разновидность рассказа в художественной литературе. 13. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 14. Кондитерское изделие. 16. Река, впадающая в Камское водохранилище. 17. Героиня повести А. С. Грина «Алые паруса». 18. Украинский поэт, Герой Социалистического Труда. 19. Река на юге Норвегии. 20. Композитор, дирижер оркестра Национальной гвардии, деятель Великой французской революции. 22. Плотная ткань узорчатого переплетения. 23. Передняя сторона здания. 25. Герой повести А. П. Гайдара. 26. Писатель, критик, академик, нарком просвещения. 29. Стихотворение Н. А. Некрасова. 30. Советская лыжница, двукратная чемпионка Олимпийских игр.

По вертикали: 1. Народный танец. 2. Дикая утка. 3. Территориальная единица в Индии. 4. Продажа готовой продукции. 5. Поэма Т. Г. Шевченко. 6. Вид сбоку. 9. Ивовый кустарник, дерево. 10. Форма для отливки металла. 11. Народный артист СССР, выступающий в драматическом театре Минска. 14. Столица Марокко. 15. Современный бальный танец. 19. Вид изобразительного искусства. 21. Текстильное изделие с ажурным рисунком. 24. Подача воздуха в промышленные теплотехнические агрегаты. 25. Розыгрыш выигрышей в займе, лотерее. 27. Сподвижник Е. И. Пугачева. 28. Архипелаг в Японии.

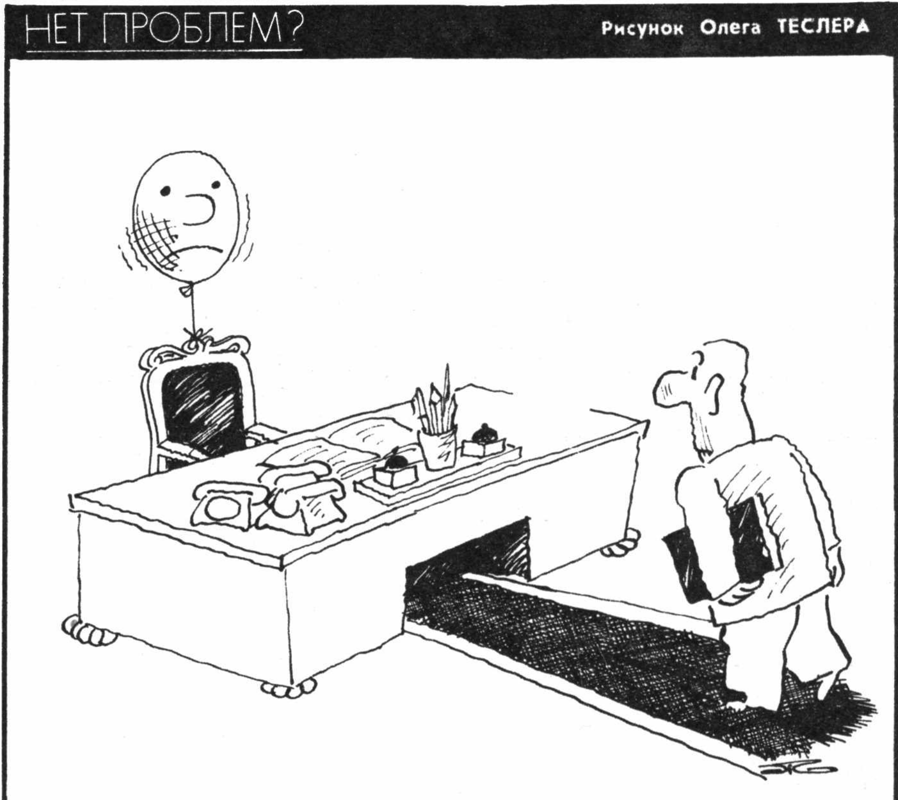
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 1. Кильватер. 7. Бахрома. 8. Алябьев. 10. «Экран». 11. Тиски. 13. «Спутник». 15. «Сиверко». 16. Крапива. 17. Стерлитамак. 20. Снайпер. 22. Инсаров. 23. Реприза. 24. Якоби. 26. Френч. 27. Фактура. 28. Престиж. 29. Шотландка.

По вертикали: 1. Корин. 2. Лимпопо. 3. Тальник. 4. Робот. 5. Шатрова. 6. Ленский. 9. Ветеринария. 10. Экскурсия. 12. Ивашкевич. 13. Скрепер. 14. Кремона. 18. Каботаж. 19. Армения. 21. Реферат. 22. Изумруд. 25. Иртыш. 26. Феска.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

ПТИЦЫ КАХХАРОВА

Эта уникальная коллекция, насчитывающая почти тысячу редких певчих и декоративных птиц, началась с двух перепелок и жаворонка. Сорок лет Абдужаббор Каххаров чистил клетки, кормил и поил, лечил и просто наблюдал. Его птицы стали лауреатами трех международных выставок, достопримечательностью Намангана и всей Средней Азии.

Забота о коллекции поглотила свободное время не только Абдужаббора, но и всех членов его семьи. Год назад любитель безвозмездно передал городскому парку девяносто трех птиц редких видов. Каххаров предлагает всех своих пернатых в дар родному городу.

Будет ли в Намангане свой птичий уголок!

Александр МИХАЙЛОВСКИЙ,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663